

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

РАНХиГС ВОЛГОГРАД

ISSN 2782-5531

ПАРАДИГМЫ УПРАВЛЕНИЯ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА

Научный журнал Волгоградского института управления

PARADIGMS OF MANAGEMENT, ECONOMICS AND LAW

Том 6
№3(17)
2025
30.09.2025

Том 6 №3(17) 2025

ДАТА ВЫХОДА В СВЕТ
30 сентября 2025 года
RELEASE DATE:
September 30, 2025

**ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ**
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
РАНХиГС ВОЛГОГРАД

Сетевое издание

Online publication

**ПАРАДИГМЫ
УПРАВЛЕНИЯ,
ЭКОНОМИКИ
И ПРАВА**

**PARADIGMS
OF MANAGEMENT,
ECONOMICS
AND LAW**

Средство массовой информации зарегистрировано
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций.

Регистрационный номер:
серия ЭЛ № ФС 77-78424
от 15 июня 2020 г.

Международный индекс журнала
ISSN 2782-5531

The media outlet is registered by the Federal Service
for Supervision of Communications, Information
Technology and Mass Media
(Roskomnadzor).

Registration number:
ЭЛ series no. ФС 77-78424
of June 15, 2020

International Standard Serial Number of the Journal
ISSN 2782-5531

УЧРЕДИТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

FOUNDER:

Federal State Federal-Funded Educational Institution
of Higher Education
«Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration»

Главный редактор

Бардаков А. И.

Editor-in-Chief

Aleksey I. Bardakov

Адрес редакции:

400066, Волгоградская обл. г. Волгоград,
ул. им. Гагарина, д. 8
Тел.: (8442) 72-68-40;
e-mail: paradigm-vlgr@ranepa.ru
<http://paradigmy34.ru/>

Editorial Office Address:

400066, Volgograd region, Volgograd,
Gagarin Street Campus, building 8
Tel.: (8442) 72-68-40;
e-mail: paradigm-vlgr@ranepa.ru
<http://paradigmy34.ru/>

Издательство: Издательско-полиграфический центр
Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2025

Publishing House: Publishing and Printing Center
of the Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, 2025

Главный редактор

Бардаков Алексей Иванович – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Заместители:

Соколов Алексей Алексеевич – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС (управление), г. Волгоград, Россия

Чумакова Екатерина Александровна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС (экономика), г. Волгоград, Россия

Миронова Светлана Михайловна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС (право), г. Волгоград, Россия

Редакционный совет журнала:

Мостафа Мохамед Эльсаед АльМоатассемБеллах – Университет Мансуры, Мансура, Египет

Кечина Евгения Аркадьевна – Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

Кублин Игорь Михайлович – Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина, г. Саратов, Россия

Панкратов Сергей Анатольевич – Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Поцелуев Сергей Петрович – Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Яхьяев Мухтар Яхьяевич – Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия

Редакторы перевода:

Семикина Юлия Геннадьевна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Гуляева Евгения Вячеславовна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Editor-in-Chief

Alexey I. Bardakov – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa, Volgograd, Russia

Deputy Editors-in-Chief:

Alexey A. Sokolov – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa (Management), Volgograd, Russia

Ekaterina A. Chumakova – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa (Economics), Volgograd, Russia

Svetlana M. Mironova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa(Law), Volgograd, Russia

Editorial Board:

Mostafa Mohamed Elsayed AlMoatassemaBellah – Mansoura University, Mansoura, Egypt

Evgenia A. Kechina – Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Igor M. Kublin – Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia

Sergey A. Pankratov – Volgograd State University Volgograd, Russia

Sergey P. Potseluev – Southern Federal University (SFU), Rostov-on-Don, Russia

Mukhtar Y. Yahyaev – Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Translation Editors:

Yulia G. Semikina – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa, Volgograd, Russia

Evgeniya V. Gulyaeva – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa, Volgograd, Russia

Редакционная коллегия журнала:

Али-заде Айдын Ариф оглы – Институт философии и социологии НАНА, г. Баку, Азербайджан

Алмосов Александр Павлович – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Анисимов Алексей Павлович – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Аширбекова Мадина Таукеновна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Баранов Андрей Владимирович – Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Барсукова Татьяна Ивановна – Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия

Болтанова Елена Сергеевна – Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия

Брехова Юлия Викторовна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Ван Цзиньлин – Чанчуньский университет, Чанчунь, КНР

Гурбанов Физули Магомед оглы – Институт философии и социологии НАНА, г. Баку, Азербайджан

Дроздова Юлия Алексеевна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Иванова Татьяна Борисовна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Ишмухамедов Шарип Абдрахманович – Университет Туран, г. Алматы, Казахстан

Карипов Балташ Нурмухамбетович – Кокшетауский университет имени Шокана Уалиханова, г. Кокшетау, Республика Казахстан

Климук Владимир Владимирович – Барановичский государственный университет, г. Барановичи, Республика Беларусь

Лю Янь – Чанчуньский университет, Чанчунь, КНР

Максимова Ирина Васильевна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Маслова Надежда Валентиновна – Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, г. Санкт-Петербург, Россия

Марусинина Елена Юрьевна – Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Морозов Илья Леонидович – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Рагозина Татьяна Эдуардовна – Донецкий национальный технический университет, г. Донецк, Россия

Столярова Алла Николаевна – Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия

Талипова Нигора Тулкуновна – Ташкентский филиал РЭУ имени Г. В. Плеханова, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Устюкова Валентина Владимировна – Институт государства и права РАН, г. Москва, Россия

Editorial Council:

Aydin A. Alizade – Institute of Philosophy and Sociology of ANAS, Baku, Azerbaijan

Alexander P. Almosov – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia

Aleksei P. Anisimov – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia

Madina T. Ashirbekova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia

Andrey V. Baranov – Kuban State University, Krasnodar, Russia

Tatyana I. Barsukova – North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

Elena S. Boltanova – National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Yulia V. Brekhova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia

Wang Jinling – Changchun University, Changchun, China

Fuzuli M. Gurbanov – Institute of Philosophy and Sociology of ANAS, Baku, Azerbaijan

Yulia A. Drozdova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia

Tatyana B. Ivanova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia

Sharip A. Ishmukhamedov – Turan University, Almaty, Kazakhstan

Baltash N. Karipov – Shoqan Ualikhanov Kokshetau State University, Kokshetau, Republic of Kazakhstan

Vladimir V. Klimuk – Baranavichy State University, Baranavichy, Republic of Belarus

Liu Yan – Changchun University, Changchun, China

Irina V. Maksimova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia

Nadezhda V. Maslova – Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, Saint Petersburg, Russia

Elena Yu. Marusinina – Volgograd State University, Volgograd, Russia

Ilya L. Morozov – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia

Tatyana E. Ragozina – Donetsk National Technical University, Donetsk, Russia

Alla N. Stolyarova – Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Nigora T. Talipova – Tashkent Branch of Plekhanov Russian University of Economics, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Valentina V. Ustyukova – Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

СОДЕРЖАНИЕ**THE CONTENT****УПРАВЛЕНИЕ****MANAGEMENT****ПОЛИТИЧЕСКОЕ
УПРАВЛЕНИЕ****POLITICAL
MANAGEMENT**

Иванова Т. Б., Горбачева Н. С.
Качественные изменения рынка труда:
трансформация отношений
отчуждения..... 7

Ivanova T. B., Gorbacheva N. S.
Qualitative changes in the labor market:
the transformation of alienation
relations..... 7

Поломошнов П. А.
Цифровые СМИ: возможности
и риски..... 24

Polomoshnov P. A.
Digital media: possibilities
and risks..... 24

**ФИЛОСОФИЯ ВЛАСТИ
И УПРАВЛЕНИЯ****PHILOSOPHY OF POWER
AND MANAGEMENT**

Рыковская Л. А.
Андрогинность как нетрадиционный
тип гендерной идентичности..... 45

Rykovskova L. A.
Androgyny as an unconventional type
of gender identity..... 45

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ**SOCIOLOGY OF MANAGEMENT**

Болдина М. Ю., Вишняков В. В.
Стигматизация участников специальной
военной операции на Украине как соци-
ально-политическая проблема..... 53

Boldina M. Yu., Vishnyakov V. V.
Stigmatization of participants of the special
military operation in Ukraine as a social
and political problem..... 53

ЭКОНОМИКА**ECONOMICS****СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ****SOCIAL AND ECONOMIC
ANALYSIS**

Алексеева Н. А., Радько Е. И.
Особенности и методы оценки налого-
вых рисков сельскохозяйственной
деятельности..... 64

Alekseeva N. A., Radko E. I.
Features and methods of assessing
tax risks of agricultural
activities..... 64

Ли На, Ван Нин
Исследование по оценке взаимосвязи
и координации между потенциалом пен-
сионного обеспечения в сельской мест-
ности и цифровой экономикой..... 75

Li Na, Wang Ning
Study on evaluation of coupling
and coordination between rural
pension supply capacity
and digital economy..... 75

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Беликова Е. В., Чернявская Е. Ю.
Особенности обеспечения продоволь-
ственной безопасности
в условиях геополитической нестабиль-
ности и западных санкций..... 91

ECONOMIC SECURITY

Belikova E. V., Chernyavskaya E. Yu.
Features of ensuring food security
in the context of geopolitical
instability and western
sanctions..... 91

ПРАВО

LAW

ЧАСТНОЕ ПРАВО

Иловайский И. Б.
Отдельные аспекты развития правового
регулирующего инвестиционной
деятельности с участием
иностранцев в России..... 108

PRIVATE LAW

Ilovaisky I. B.
Selected aspects of the development
of legal regulation of investment
activities involving foreign entities
in Russia..... 108

УПРАВЛЕНИЕ

MANAGEMENT

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

POLITICAL MANAGEMENT

УДК 323.4

КАЧЕСТВЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ РЫНКА ТРУДА: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ ОТЧУЖДЕНИЯ¹

Татьяна Борисовна Иванова, Нина Сергеевна Горбачева

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,

г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В условиях цифровизации, повышения уровня образованности населения, реализации социальных программ поддержки мелкого и среднего предпринимательства как одного из инструментов решения социальных вопросов, возникает необходимость переосмысления характеристик рынка труда для определения направлений его качественных изменений. Одним из них является оценка характера трансформации отношений между трудом и капиталом: растет отчужденность труда, усиливается отделение работника от средств производства, превращение его в частичного, или он все в большей мере становится соучастником производственного процесса, реализует свои предпринимательские возможности, в том числе за счет поддержки государства. Цель исследования – систематизировать доводы за и против как усиления, так и диффузии отношений отчуждения. Будем благодарны за обсуждение высказанных мнений.

Материалы и методы. В качестве теоретико-методологической базы используется исторический, системный, статистический, социологический и политэкономический методы исследования. Обращение к политэкономическому анализу обусловлено возможностью проследить взаимосвязь общественного развития в контексте истории, политики и экономики.

Результаты. В работах Гегеля и Маркса критерием снятия отношений отчуждения является усиление свободы индивида при использовании производственных компетенций. Её оценка зависит, прежде всего, от общей характеристики современного социума. В дискуссии по этому вопросу присутствуют точки зрения на общество как стадию позднего капита-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда и Комитета образования и науки Волгоградской области по гранту № 24-28-20066 <https://rscf.ru/project/24-28-20066/>

лизма, так и об усилении роли государственного вмешательства для оптимизации существования индивидов. Неоднозначность оценок приводит к существованию аргументов за и против усиления отношений отчуждения. Первое направление трансформации обусловлено факторами о подчиненности труда капиталу и при новых цифровых инструментах занятости. Во втором – усилением свободы выбора приложения труда, расширением форм профессиональных и межличностных коммуникаций, стиранием границы между физическим и умственным трудом.

Выводы и рекомендации. Современное состояние социума носит переходный характер. Отношения отчуждения, в том числе в рамках прекариата, по своей силе не уменьшились. Тем не менее формируются тенденции их диффузии, которые по мере роста плановости, которую дает производство на заказ, увеличения благосостояния будет создавать все больше возможностей для снятия отчужденности.

Ключевые слова: рынок труда, отношения отчуждения, поздний капитализм, прекариат, платформенная занятость, предпринимательство.

UDC 323.4

QUALITATIVE CHANGES IN THE LABOR MARKET: THE TRANSFORMATION OF ALIENATION RELATIONS

Tat'jana B. Ivanova, Nina S. Gorbacheva

Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA,

Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. In the context of digitalization, increasing the level of education of the population, and the implementation of social programs to support small and medium-sized enterprises as one of the tools for solving social issues, there is a need to rethink the characteristics of the labor market in order to determine the directions of its qualitative changes. One of these is the assessment of the nature of the transformation of the relationship between labor and capital: the alienation of labor is growing, the separation of the employee from the means of production is increasing, and the employee is becoming a partial participant in the production process, realizing their entrepreneurial potential, including through government support. The purpose of the study is to systematize the arguments for and against both the strengthening and diffusion of alienation relations. We would appreciate your feedback.

Materials and methods. The study uses historical, systemic, statistical, sociological, and political-economic research methods as its theoretical and methodological framework. The use of po-

litical-economic analysis is necessary to explore the relationship between social development and history, politics, and economics.

Results. In the works of Hegel and Marx, the criterion for removing the relations of alienation is the increase in the individual's freedom through the use of production competencies. Its assessment depends primarily on the general characteristics of modern society. The discussion on this issue includes perspectives on society as a stage of late capitalism and the increasing role of state intervention to optimize the existence of individuals. The ambiguity of assessments leads to the existence of arguments for and against the strengthening of alienation relations. The first direction of transformation is driven by the subordination of labor to capital and the use of new digital employment tools. The second direction is characterized by increased freedom of choice in the application of labor, expanded forms of professional and interpersonal communication, and the blurring of the line between physical and mental labor.

Conclusions and recommendations. The current state of society is transitional. The relationship of alienation, including that of the precariat, has not diminished in strength. Nevertheless, there are emerging trends of diffusion, which, as the order-based production becomes more systematic and wealth increases, will create more opportunities for reducing alienation.

Keywords: labor market, alienation relations, late capitalism, precariat, platform employment, entrepreneurship.

Введение. Первоначально основы исследования отчуждения труда были заложены в работах Гегеля [8], который рассматривал его как опредмечивание себя в окружающем мире, противопоставляя этому термину свободу, достигаемую на основе достижения самосознания – осознания и преодоления ограничений. К. Маркс [16] привнес историческую определенность термину отчуждения в условиях капиталистического способа производства, разделения труда, формирования частичного работника, продающего свою рабочую силу, но не труд. Для перехода от отчуждения к свободе необходимо сформировать целый комплекс условий. В работе Н. П. Рагозина [20] они сформулированы следующим образом: «человек вернется в предметный мир», его деятельность перестанет быть только средством поддержания физического существования, в труде будут соединены материальные и духовные начала, то есть осуществляться перемена труда, человеку будет возвращена «радость общения с другим человеком». То есть, сама возможность снятия отчуждения труда исследователями не подвергается сомнению. В тоже время дискуссия, идущая в различных странах о природе новых цифровых форм занятости, прежде всего, платформенной, как трудовых или предпринимательских, вызывает необходимость активизации исследования этого вопроса. При росте отчужденности во всем множестве форм занятости должна обеспечиваться социальная защита работников, при диффузии, связанной с повышением свободы производственной деятельно-

сти, все риски берет на себя предприниматель, который в этом случае становится представителем класса капитала.

Цель данного исследования – систематизировать доводы за и против как усиления, так и диффузии отношений отчуждения. Для этого были систематизированы дискуссии о специфике роли бизнеса в современном социуме, на основе обобщения теории и практики явлений современного рынка занятости были приведены аргументы по исследуемой проблеме – направление изменений характера отчуждения труда в современном обществе – усилении или диффузия.

Материалы и методы. В качестве теоретико-методологической базы используется исторический, системный, статистический, социологический и политэкономический методы исследования. Обращение к политэкономическому анализу обусловлено возможностью проследить взаимосвязь общественного развития в контексте истории, политики и экономики.

Результаты исследования. Анализ дискуссии о специфике современного социума. Современная Россия сегодня с ее огромной территорией, многообразием регионов находится, как и весь мир, на этапе масштабной трансформации, преобразования всеобщих взаимосвязей и взаимозависимостей. Качественно меняется не только сама основа системы общественных отношений, но и структура социума. В научном сообществе существует две диаметрально противоположные точки зрения, объясняющие причины этих изменений.

Согласно точке зрения о причинах изменения социума, представленной в работах А. В. Бузгалина, А. И. Колганова, О. О. Комолова, современная экономическая система является «поздним капитализмом» [1], отражая черты, присущие этому способу производства. Этот термин был введен в науку в первой половине XX века В. Зомбартом. Анализируя капитализм как стадийный процесс, он указывал, что «проявление капиталистических интересов... есть конечная движущая сила современного хозяйственного развития» [12, с. 16], а поздний – финальная стадия развития капитализма. Этот подход к оценке современного социума, как и противоположный ему, приведенный выше, тоже не лишен противоречий. Представляется, что линейный анализ социально-политических и экономических отношений, проведенный В. Зомбартом, дает упрощенные результаты. Капитализм в своем развитии приходит к предельной монополизации и концентрации капитала, тем самым, вступая в стагнирующую стадию, но это не дает ответа на вопрос о дальнейших направлениях развития общества. Исходя же из факта продолжающегося существования капитализма, несмотря на накопление различного рода проблем, можно считать, что его поздняя стадия не является пределом развития системы.

Это мнение разделяется и другими исследователями. Бельгийский экономист Э. Мандела в работе «Поздний капитализм» обращает внимание на попытку сторонников рыночной экономики объяснить причины кризисов капиталистической системы посредством «веры во всемогущество технологий» [23, с. 501]. Он, с нашей точки зрения, справедливо указывает,

что перманентно увеличивающиеся потребности социума посредством технологических инноваций способствуют увеличению согласия общества на отношения господства – подчинения. В тоже время, если бы были правы либеральные оппоненты, утверждающие, что в основе капитализма лежит конкуренция, то уже сегодня мы имели бы классическое постиндустриальное общество, где роботизация и цифровизация экономики позволила бы производить товары по низким ценам. Но, как известно, в целях максимизации нормы прибыли после очередного экономического кризиса (стагфляция 1970-х гг. XX века) капитал пошел не по пути усиления технологического прогресса, а избрал достаточно простой способ: перенос производств в регионы с дешевыми ресурсами, в том числе и трудовыми. Это создает дихотомию стран центра и периферии, заставляя последних, по мысли О. Комолова, вступать в отношения «неэквивалентного обмена» [16, с. 103].

С приведенными выше аргументами сложно не согласиться, поскольку в систему функционирования экономики все более встраиваются механизмы нерыночного регулирования. Повышение производительности труда, а вместе с тем – серьезный акцент на цифровизацию экономики, использование искусственного интеллекта в производственных отношениях – все это требует планирования экономических процессов, активное, возможно сейчас еще фрагментарное вмешательство государства в систему свободного рынка. Данный тезис находит свое отражение в современной геополитике: США повышают таможенные пошлины для Китая, Мексики, Канады и Китая [15].

Иная точка зрения на причины изменения социума связана с негативной оценкой влияния государственного вмешательства в экономику и снижением роли бизнеса, прежде всего крупного, в общественной жизни. Разделяющие её исследователи современные кризисные явления связывают с внешней конъюнктурой и/или с провалами денежно-кредитной политики Центрального банка. Так, С. Ю. Глазьев отмечает, что посредством увеличения налоговой нагрузки на бизнес, повышения цен на топливо и акцизов «условия ведения бизнеса в России становятся все хуже и хуже» [9, с. 76].

По нашему мнению, существует ряд причин, по которым это утверждение не вполне корректно. Во-первых, Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП), который существует в России с 1991 года, то есть с момента перехода страны к рыночным реформам, активно лоббирует интересы бизнеса. Например, в 2025 РСПП удалось пролоббировать удвоение длительности допустимости сверхурочных работ [19], упростить выдачу лицензий и разрешений, перейдя к технологии одного запроса [7], РСПП также выступил с критикой проекта Федеральной антимонопольной службы (ФАС) об контроле со стороны правительственных органов за привлечением иностранных инвестиций, так как это сдерживает свободное принятие решений об источниках финансирования бизнеса [10].

Во-вторых, бизнес в России, особенно крупный, уже давно не существует в рамках классической рыночной системы, ни о какой «невидимой руке рынка» речи не идет: биз-

несмены предлагают пути усовершенствования экономического регулирования в целях минимизации издержек с одной стороны и максимизации прибыли, с другой. То есть, фактически бизнес заинтересован в системе не свободной конкуренции, а всесторонней поддержки государства.

Выделенные аспекты современного социума, признание рыночности или усиления планомерности в его трансформации определяют характер изменений рынка труда в современной России. По мнению авторов, поздний капитализм как завершающая стадия капиталистического способа производства трансформируется, но не исчезает. Соглашаясь с А. В. Бузгалиным и А. И. Колгановым в том, что общество в системе позднего капитализма характеризуется «диффузией классов... и формированием внутриклассовых социальных слоев» [1, с. 19], добавим лишь, что трансформируется и соотношение труда и капитала. Хотя по-прежнему в мире существует много приверженцев точки зрения, что либерально-рыночная система, тотальный рынок господствуют над людьми. Чтобы вписаться в эту систему, человек вынужден соглашаться со сложившимися правилами игры.

Аргументы в пользу усиления отношений отчуждения труда в современном обществе. Оценка взаимодействия работника и работодателя в современном социуме во многом определяется степенью стабильности общества. Например, рассуждая о труде в контексте политической философии, И. А. Ерохов говорит о том, что «... трудящиеся полностью перестали опасаться капиталистического будущего» [11, с. 119] уже в начале XXI века, когда о деглобализации, если и говорили, то весьма мало. Но автор тут же отмечает, с чем согласны и мы, что все мечты были разрушены сначала в следствии мирового финансового кризиса 2008 года, а потом и усилением политики протекционизма. Причем, это явления не случайного, а системного порядка.

Одним из новых системных явлений стали изменения отношений на рынке труда, которые были отражены введением термина «прекариат». В конце XX века он стал использоваться для характеристики временных и сезонных рабочих, а затем и при описании специфики занятости лиц, не имеющих стабильной работы и социальных гарантий. В 2011 году Г. Стэндингом [21] было предложено считать их новым социальным классом, отличительными чертами которого являются отсутствие гарантий занятости, зависимость от самостоятельно формируемого дохода, ограниченность прав из-за законодательно оформленных отношений с работодателем. Это отражается в появлении нестандартных форм занятости – временной, частичной, множественной (то есть одновременно в различных формах, помимо указанных – стажерства, трудовой миграции, самозанятости, фриланса). За счет формирования этих новых отношений обеспечивается гибкость как привлечения, так и увольнения работников. Прекариат – этот новый, но уже достаточно многочисленный социальный класс, который по мысли Ж. Тощенко, характеризуется «постоянной временностью» [22, с. 12].

В силу процессов «оптимизации» разных сфер общественной жизни он имеет тенденцию к устойчивому росту.

Для характеристики современных российских реалий прекариата, проведем анализ социально-правового и экономико-политического статуса курьеров как его наиболее многочисленных представителей. Согласно аналитическому обзору, проводимому сервисом по поиску работы SuperJob, средняя зарплата курьеров по состоянию на март 2025 года составляет 130 тыс. руб., в то время как специалисты с высшим образованием получают 105 тыс. руб. [24]. На первый взгляд кажется, что труд курьеров достойно оплачивается, но при детальном рассмотрении обнаруживаются некоторые противоречия. Остановимся на некоторых из них.

Во-первых, уже в организации труда курьеров наблюдается противоречие (несоответствие) Трудовому кодексу РФ. Эти лица работают как самозанятые и на них не распространяются требования, предъявляемые к трудовым отношениям. Такой подход реализуется на площадках агрегаторов, предоставляющих курьерам временную занятость, указывается в вакансиях, размещаемых на сервисах трудовых цифровых платформ, например, HeadHunter и SuperJob.

Понятие самозанятости появилось в российском законодательстве в 2019 году и было введено с целью легитимизации теневых доходов сначала в качестве эксперимента для четырех регионов, а впоследствии и для всей страны. Не приводя юридическое понятие этого термина, приведем оценку места самозанятости на рынке труда. Например, И. И. Мухина и Д. Г. Миракян понимают «новую форму регистрируемой занятости, объединяющей плательщиков налога на профессиональный доход» [17, с. 22]. Во всем мире идет дискуссия о характере формируемых в этом случае отношений. В РФ в последнее время проведена большая работа по определению критериев, при которых профессиональные действия работников должны рассматриваться как трудовые. В настоящее время в РФ идет активная работа по выявлению лиц, для которых фактически должны на предприятиях и в организациях быть оформлены трудовые отношения. В марте 2025 года Верховный суд РФ вновь напомнил признаки трудовых отношений, к которым относятся:

- личное выполнение работником трудовой функции в интересах работодателя;
- наличие расписания;
- наличие униформы (предоставление инструментов и материалов работодателем);
- выполнение работником трудовой функции за плату [6].

Это далеко не полный список признаков, позволяющих называть отношения трудовыми, однако даже указанные могут быть использованы для обоснования, по нашему мнению, вывода: отношения между курьером и его работодателем представляют собой традиционную форму занятости, поскольку курьер работает в интересах последнего по определенному расписанию. Не курьер определяет условия работы, не он предлагает клиентскую базу. У него может быть более гибкий график работы, но тем не менее это все-таки работник, на

которого должны распространяться нормы трудового законодательства. Использование вместо термина график обозначения «слот», заработной платы – доход, наемного рабочего – самозанятый, не изменяет существа отношений, а просто является подменой понятий. Следовательно, можно предположить, что замены трудовых договоров на самозанятость – шаг по лоббированию интересов крупного капитала. Этот вывод обоснован в работах А. В. Бузгалина и А. И. Колганова, которые указывают, что «... капитал и рынок оказались мощной тоталитарной системой, всесторонне подавляющей человека...» [2, с. 623].

Исследователи приводят и еще ряд аргументов, обосновывающих рассматриваемую точку зрения. Во-первых, наличие неустойчивой занятости способствует утрате социальных связей наемного работника с трудовым коллективом. Д. Г. Бычков, Е. Е. Гришина, Н. В. Локтюхина, О. А. Феоктистова оценивая преимущества и риски платформенной занятости, указывают, что молодые люди, у которых нет опыта найма, а есть только опыт самозанятости «... менее склонны вливаться в коллектив» [4, с. 76]. Здесь кроется серьезное противоречие позднего капитализма. С одной стороны, отсутствие трудового коллектива капиталу очевидно выгодно, но с другой – в современном мире появляются новые формы взаимоотношений наемных работников: форумы, чаты и тому подобное. Именно в таких новых формах взаимодействия людей, на наш взгляд, может проявиться самоорганизация. Кроме того, отсутствие необходимости в трудовом коллективе – это не более, чем социальная иллюзия, поскольку труд и капитал – понятия антагонистического толка. Так, Т. Пикетти в книге «Капитал в XXI веке» приводит пример, что при определении минимального размера оплаты труда в Германия и Швеция в 1999 году поставили задачу именно профсоюзам договариваться с работодателем [18, с. 308]. Конечно, речь тогда не шла о платформенной занятости и/или самозанятости, но сам факт существования трудового коллектива с возможностью создания профсоюза свидетельствует, что наемный рабочий даже в XXI веке может защищать свои интересы.

Во-вторых, фактическое отсутствие социальной защищенности курьеров и навязывание такой модели отношений как «самозанятость» обнаруживает еще одно глубочайшее противоречие капитализма, а именно фактическую легализацию детского труда в России, поскольку самозанятым может стать ребенок с 14 лет по заявлению родителей. В условиях тотального дефицита кадров, который в ближайшем будущем вряд ли удастся преодолеть по ряду причин, капитал вместо ускорения научно-технического прогресса, вместо роботизации экономики, идет по пути удешевления рабочей силы. Не оспаривая тезис о том, что ребенок должен приучаться к труду и самостоятельности, настаиваем, что включение его в систему рыночных отношений на тех условиях, которые предлагает ему современное законодательство, пагубно скажется на целом спектре вопросов, связанных с личностью человека, производительностью труда, образованием и тому подобным уже в среднесрочной перспективе.

Во-третьих, агрессивная система позднего капитализма на пути ко все большей либерализации трудовых отношений предпринимает еще один шаг, а именно, предлагает курьерам, на первый взгляд, весьма высокий уровень заработной платы при максимально гибком графике работы. Так, по данным сервиса по поиску работы SuperJob по состоянию на март 2025 года им предлагают зарплату на 19 % больше, чем людям с высшим образованием [13]. Позволим себе высказать некоторые сомнения насчет данной цифры. Как правило, в объявлении не сказано, за какой объем работы указана заработная плата, какие издержки понесет работник, используя арендный или личный транспорт для доставки. Кроме того, здесь важно обратить внимание и на то, что возможность высокой заработной платы обеспечивает эконoмия на налоговых отчислениях, то есть отсутствии социальной защищенности, о которой упоминалось ранее.

В-четвертых, не решена проблема модернизации городской среды для работы курьеров, то есть нет выделенной полосы для их движения, не разработаны правила передвижения на электросамокатах. В силу того, что курьер должен осуществлять свою трудовую деятельность в любое время года независимо от погоды и доставлять заказы максимально быстро, отсутствие необходимых элементов инфраструктуры и правил приводит к росту травматизма и аварий на дорогах при осуществлении такого вида деятельности [5].

Таким образом, понятие пролетариата как класса наемных рабочих, предложенного К. Марксом, сейчас постепенно размывается, однако классовая структура общества в условиях позднего капитализма никуда не исчезает. Трансформируется статус наемных работников, которые вынуждены вступать в отношения, связанные с выполнением производственных функций без правовых обязательств со стороны работодателя. Поскольку по-прежнему существуют классы как внутреннее свойство капитализма, то остается характерной для рассмотренных отношений и такая присущая ему категория как отчуждение труда. Но её структура не остается прежней, она усложняется: отчуждение человека от труда и его результатов дополняется отчуждением от политической реальности, что, в свою очередь, может привести к политическому конформизму. Кроме того, формируется психологическое отчуждение. Изнурительная работа, экономическая необходимость в наличии подработки не оставляет возможности, времени и желания индивида принимать участие в управлении на любом уровне. То есть, происходит отчуждение человека от самого себя, когда решение проблем видится не в экономическом базисе, а в ненаучной недоказуемой материи.

В целом, приведенные аргументы позволяют сделать вывод, что категория отчуждения является неотъемлемой чертой капитализма. На его поздней стадии она приобретает более объемные формы. Пути решения проблемы необходимо искать не в консервации капиталистической системы, а общественном регулировании экономических и политических процессов.

Аргументы в пользу диффузии отношений отчуждения труда в современном обществе. По мере развития общественного производства роль работника в производственном процессе постоянно повышается. Это отражается как в эволюции теорий управления персоналом, так и в практике формирования отношений занятости. Обобщение произошедших изменений позволяет сформировать следующую картину как привлечения индивидов к труду, так и их карьерных траекторий.

В теоретическом плане на протяжении XX века в теориях управления персоналом произошел переход от рассмотрения работника преимущественно как фактора производства, собственные установки которого не важны, до признания его значимости в процессе производства и потому необходимости создания условий раскрытия производственных способностей, применения компетенции как основы развития инновационной экономики, разработки мероприятий по росту производительности труда. Важным фактором общественной жизни, который необходимо контролировать наряду с иными, в том числе рыночными характеристиками, стал уровень удовлетворенности сотрудников трудом, повышение их вовлеченности и лояльности.

Новые теоретические подходы привели к появлению технологий расширения заинтересованности в результатах процесса труда. Причем, они используются для работников всех уровней – массовых профессий, ключевых специалистов, топ-менеджеров, собственников, хотя применяемые для этого инструменты различаются. Для топ-менеджеров и ключевых сотрудников вводятся опционные программы и «золотые парашюты», для ключевых – применение различных по периодам действия форм оплаты труда – текущей, премиальной, долгосрочной (опционные программы, ESOP, вестинг). Активно применяются показатели коэффициентов индивидуальной эффективности (KPI), идет обсуждение соотношения фиксированной части заработка и зависящей от результатов труда. Помимо них вводятся социальные пакеты, в том числе в виде дополнительного медицинского страхования (ДМС), оплаты фитнеса, обучения и другие.

Одновременно расширяются формы социальной защиты для работников всех видов занятости. К ним относится формирование политики определенной направленности, которая получила название «социально-ориентированная экономика», для которой характерно принятие социальных бюджетов, в которых значительная доля средств направляется на социальные нужды. Социальная защищенность трудовых отношений в ряде стран постепенно распространяется на все формы занятости, в том числе и самозанятых. Существуют профсоюзы. В условиях кризисных ситуаций население высказывает свои требования организуя забастовки. Из новых, цифровых возможностей, особое значение имеет расширение форм обратной связи, цифровые коммуникации. Они отражают степень социальной напряженности по различным злободневным вопросам и позволяют своевременно обеспечивать её нейтрализацию. Все эти формы защиты в большей степени сформированы для трудовых отноше-

ний, являющихся основой организованного сектора, в меньшей для неорганизованного, что в настоящее время наиболее активно обсуждается для платформенной занятости.

Тем не менее, для анализа трудовых отношений используются термины «фактор страха», «слабая сторона контракта». К формам проявления таких явлений относятся потери в связи с действиями работодателя денежного вознаграждения, понижение в должности и социальном статусе, увольнение, проблемы с трудоустройством, буллинг, требования совершить незаконные действия. Используется тихое увольнение как форма сокращения издержек, связанных с движением рабочей силы в организованном секторе. Все эти инструменты могут проявляться выборочно, не ко всем членам коллектива одновременно, делая организационную культуру за счет дифференцированного подхода к работникам еще более изощренной.

В тоже время в современном социуме возрастает возможность одновременного использования многообразных форм занятости. В организованном секторе можно работать в офисе, вахтовым методом, удаленно, дистанционно, в неорганизованном – как платформенный занятый, по частным заказам, предпринимательство. Широко поощряется развитие предпринимательства. Во всех странах рыночной экономики доля ВВП, создаваемая малым и средним предпринимательством (МСП) составляет значительную часть: от 40 % (Франция) до 60 % (Китай). Создаются условия для развития личной инициативы и в РФ. Каждый индивид имеет право на открытие собственного дела и стать предпринимателем, причем, для этого можно использовать самые различные формы: микро-, малое, самозанятость.

Работник становится все более независим от конкретного работодателя за счет следующих широко распространенных возможностей карьерного поведения на рынке труда:

- расширение подработок, которые все могут осуществляться в дистанционном формате, через цифровые трудовые платформы;
- смена работы в режиме джоб-хopping (быстрое перепрыгивание с работы на работу);
- гостинг (внезапное прекращение работы без объяснения причин, что более свойственно поколению Z);
- совмещение работы в организованном (традиционном) и неорганизованном секторах (создания собственного бизнеса благодаря росту разнообразия форм предпринимательства, налоговых режимов, упрощения процедур отчетности, государственной поддержке);
- увеличение использования гибких режимов работы за счет обеспечения эффективности в таких видах занятости как дистанционная, платформенная, вахтовая, по графику два через три и так далее, что позволяет совмещать несколько способов заработка.

Все эти изменения имеют и поколенческие карьерные особенности поведения:

- беби-бумеры (годы рождения 1944–1967) – линейная траектория, то есть получение к 25 годам образования, трудоустройство на стабильную работу, создание семьи, рождение детей, стремление к стабильности работы по типу формирования рабочих династий;

- поколение X (1967–1984) – используются карьерные траектории, схожие с беби-бумерами, но нет приверженности к определенному месту работы, трудовая деятельность слабо коррелирует с полученным образованием;

- поколение Y (миллениалы, 1984–2000) – еще большее повышение вариативности карьерной траектории за счет различных способов совмещения работы и учебы, включенности в предпринимательскую деятельность;

- поколение Z (2000–2015) демонстрирует разнообразие включения в рынок труда: а) короткое обучение плюс работа и/или совмещение работы с учебой; б) длительное обучение (не всегда совмещается с работой, возможен уход полностью на рынок труда, а затем вновь возврат к обучению); в) смешанные способы (транзитный – в высшее образование через СПО, precarious – длительная временная занятость и различный срок обучения).

Кроме того, последние десятилетия в мире стало формироваться поколение NEET, которое находится в трудоспособном возрасте, но не учится и не работает. Они могут заниматься волонтерством, помощью нуждающимся, реализацией своих проектов или не осуществлять какой-либо активности.

Приведенные тенденции показывают изменения потребностей работников в определенном взаимодействии с работодателем. Это взаимодействие становится более свободным и независимым. Причем, при потере работы в существующей в настоящее время у индивида сферы занятости его дальнейшее движение для получения дохода становится все более вариативным:

- трудоустройство в сфере организованной занятости, поиск работы в этом же секторе в случае увольнения;

- самозанятость (фриланс, платформенная, индивидуальное предпринимательство), переход от которой возможен как в организованный сектор, так и в иную отраслевую нишу предпринимательства, критерий выбора – возможность получения достаточно высокой оплаты труда;

- подработки, которые во все большей степени осуществляются в дистанционном формате и через цифровые трудовые платформы.

Причинами изменений рынка занятости являются:

- повышение уровня образования, которое стимулируется в случае необходимости снизить нагрузку на рынок труда в условиях высокой безработицы или при необходимости переобучения кадров в связи со структурной безработицей или для формирования трудовых ресурсов организованного сектора при дефиците кадров из-за снижения рождаемости и сокращения лиц трудоспособного возраста;

- облегчение миграционных процессов, в том числе в дистанционной форме, и их активизация под влиянием таких факторов как изменение политической ситуации, более привлекательные условия проживания и возможности получения социальной поддержки на

иных территориях, что приводит к сокращению заинтересованности во взаимодействии именно с конкретным работодателем и формирует более выгодные точки использования своих компетенций;

- увеличение доли креативного класса при одновременном сокращении заинтересованности в деятельности, связанной с физическим трудом, что свойственно более молодому поколению Z;

- уровень достигнутого благосостояния предыдущих поколений, которое составляет «подушку финансовой безопасности», сокращает настоятельную необходимость в поиске заработка в связи с возможностью жить на пассивный доход;

- переход от усиления общества потребления к минимализму как отражению социальной экологической ответственности, для которого достаточно меньшей величины дохода.

Проведенный анализ эволюции отношений работника и работодателя позволяет говорить о наличии характеристик рынка занятости, отражающих диффузию отношений отчуждения. Усиливается свобода работника, расширяются формы профессиональных и межличностных коммуникаций, менее четкой становятся границы между физическим и умственным трудом.

Выводы и рекомендации. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. С одной стороны, в обществе усиливаются черты, свойственные позднему капитализму, с другой расширяется свобода самостоятельного ведения хозяйственной деятельности. Идет обсуждение возможности введения новой формы дохода – всеобщего базового, выплачиваемого не в связи с осуществлением трудовых функций, а только исходя из факта рождения и гражданства определенной страны. Это становится особенно актуально в условиях активного развития искусственного интеллекта и обсуждения возможностей вытеснения им с рынка труда все большей части населения.

Исходя из проведенного анализа можно говорить, что современное состояние социума носит переходный характер. Отношения отчуждения, в том числе в рамках прекариата, по своей силе не уменьшились. Тем не менее формируются тенденции их диффузии, которые по мере роста плановости, которую дает производство на заказ, увеличения благосостояния будет создавать все больше возможностей для снятия отчужденности.

ПРИМЕЧАНИЕ

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда и Комитета образования и науки Волгоградской области по гранту № 24-28-20066 <https://rscf.ru/project/24-28-20066/>

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бугалин, А. В., Колганов, А. И. Трансформация социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 18-28.
2. Бугалин, А. В., Колганов, А. И. Глобальный капитал. В 2-х тт. Том 2. Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы. М.: ЛЕНАНД. 2015. 904 с.
3. Бугалин, А. В. Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (К 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономии. 2018. № 2. С. 10-38.
4. Бычков, Д. Г. Преимущества и риски самозанятости и платформенной занятости / Д. Г. Бычков, Е. Е. Гришина, Н. В. Локтюхина, О. А. Феоктистова // Экономическая политика. 2024. № 19 (4). С. 60-83.
5. В 2024 году в ДТП с курьерами на электровелосипедах погибли 12 человек. URL: <https://tass.ru/obschestvo/23609791> (дата обращения: 28.04.2025).
6. ВС РФ напомнил признаки трудовых правоотношений. URL: <https://www.garant.ru/news/1688384/> (дата обращения: 23.04.2025).
7. Галиева, Д., Сапожков, О. Можно все и сразу // Газета «Коммерсантъ» № 52/П от 24.03.2025 URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7602700?query=%D1%80%D1%81%D0%BF%D0%BF> (дата обращения: 26.03.2025).
8. Гегель, Г. В. Ф. Сочинения: в 14 т. Т. IV. Система наук. Ч. 1. Феноменология духа. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. 440 с.
9. Глазьев, С. Ю. О приведении макроэкономической политики в соответствие с целями развития страны, поставленными президентом России // Научные труды Вольного экономического общества в России. 2020. № 1. С. 69-78.
10. Елисова, П., Виноградова, Е. Крупный бизнес выступил с критикой проекта ФАС об иностранных инвестициях. URL: <https://www.rbc.ru/business/16/04/2025/67fb95d79a79478cbdbddcca> (дата обращения: 27.03.2025).
11. Ерохов, Е. А. Новая ситуация политического знания: труд, контроль и образ будущего // Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 115-129.
12. Зомбарт, В. Современный капитализм. Теория капиталистического развития. Пер. с нем. / Под ред. В. Базарова и И. Степанова. М.: С. Скимунта, 485 с.
13. Индекс курьера. Аналитический обзор. Исследовательский центр портала SuperJob. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/115214/indeks-kurera/> (дата обращения: 27.03.2025).
14. Комолов, О. О. Глобальная роль доллара и тенденции дедолларизации мировой экономики в новых условиях // Экономическое возрождение России. 2023. № 3. С. 102-118.

15. Крашенникова, В. За дело! // Литературная газета 05 февраля 2025 г. № 5. URL: <https://lgz.ru/article/za-delo/> (дата обращения: 26.03.2025).
16. Маркс, К. Капитал. Книга первая. Результаты непосредственного процесса производства / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Политиздат, 1983. 905 с.
17. Мухина, И. И., Миракян, Д. Г. Самозанятость в России: современные тенденции и перспективы развития // Социально-трудовые исследования. 2021. № 3 (44). С. 21-31.
18. Пикетти, Т. Капитал в XXI веке. М.: АД Маргенем Пресс, 2015. 592 с.
19. Правительство поддержало удвоение длительности допустимого сверхурочного труда. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1010888> (дата обращения: 16.04.2025).
20. Рагозин, Н. П. Проблема всеобщего труда и его отчуждения в «Капитале» К. Маркса // Культура и цивилизация. 2017. № 2 (6). С. 36-59.
21. Стэндинг, Гай «Прекариат: новый опасный класс». М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж». 2020. 368 с.
22. Тощенко, Ж. Т. Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3-13.
23. Mandel, E. Late capitalism. London: New Left Review Edition. 1975. 617 p.
24. SuperJob оценил разрыв в зарплатах курьеров и людей с высшим образованием. URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/03/2025/67d453319a7947538db348a2> (дата обращения: 24.04.2025).

REFERENCES

1. Buzgalin, A. V., Kolganov, A. I. Global'nyj kapital. V 2-h tt. Tom 2. Teoriya. Global'naya gegemoniya kapitala i ee predely. M.: LENAND. 2015. 904 s.
2. Buzgalin, A. V., Kolganov, A. I. Transformaciya social'noj struktury pozdnego kapitalizma: ot proletariata i burzhuzii k prekariatu i kreativnomu klassu // Sociologicheskie issledovaniya. 2019. No. 1. Pp. 18-28.
3. Buzgalin, A. V. Late capitalism and its limits: the dialectic of productive forces and industrial relations (On the 200th anniversary of the birth of Karl Marx) / A. V. Buzgalin // Questions of Political Economy. 2018. No. 2. Pp. 10-38.
4. Bychkov, D. G., Grishina, E. E., Loktyuhina, N. V., Feoktistova, O. A. Preimushchestva i riski samozanyatosti i platformennoj zanyatosti // Ekonomicheskaya politika. 2024. No. 19 (4). Pp. 60-83.
5. V 2024 godu v DTP s kur'erami na elektrovlosipedah pogibli 12 chelovek. URL: <https://tass.ru/obschestvo/23609791> (Accessed 28.04.2025).
6. VS RF napomnil priznaki trudovyh pravootnoshenij. URL: <https://www.garant.ru/news/1688384/> (Accessed 23.04.2025).

7. Galieva, D., Sapozhkov, O. *Mozhno vse i srazu* // Gazeta Kommersant. № 52/P ot 24.03.2025 URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7602700?query=%D1%80%D1%81%D0%BF%D0%BF> (Accessed 26.03.2025).
8. Hegel, G. V. F. *Essays: in 14 volumes. Vol. IV. The system of sciences. Part 1. The Pheomenology of the spirit*. Moscow, Publishing House of Socio-economic literature. 1959. 440 p.
9. Glaz'ev, S. Yu. *O privedenii makroekonomicheskoy politiki v sootvetstvie s celyami razvitiya strany, postavlennymi prezidentom Rossii* // Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva v Rossii. 2020. No 1. Pp. 69-78.
10. Elisova, P., Vinogradova E. *Krupnyj biznes vystupil s kritikoj proekta FAS ob inostrannyh investiciyah*. URL: <https://www.rbc.ru/business/16/04/2025/67fb95d79a79478cbdbddcca> (Accessed 27.03.2025).
11. Erohov, E. A. *Novaya situaciya politicheskogo znaniya: trud, kontrol' i obraz budushchego* // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2018. No. 4. Pp. 115-129.
12. Zombart, V. *Sovremennyy kapitalizm. Teoriya kapitalisticheskogo razvitiya*. Per. s nemeck. / Pod red. V. Bazarova i I. Stepanova. M.: S. Skirmunta, 485 p.
13. Indeks kur'era. *Analiticheskij obzor. Issledovatel'skij centr portala SuperJob*. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/115214/indeks-kurera/> (Accessed 27.03.2025).
14. Komolov, O. O. *Global'naya rol' dollara i tendencii dedollarizacii mirovoj ekonomiki v novyh usloviyah* // Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii. 2023. No. 3. Pp. 102-118.
15. Krashennikova, V. *Za delo!* // Literaturnaya gazeta 05 fevralya 2025 g. No. 5 URL: <https://lgz.ru/article/za-delo/> (Accessed 26.03.2025 g.)
16. Marx, K. *Capital. The first book. The results of the direct production process* // K. Marx, F. Engels. Moscow: Politizdat, 1983. 905 p.
17. Muhina, I. I., Mirakyan, D. G. *Samozanyatost' v Rossii: sovremennye tendencii i perspektivy razvitiya* // Social'no-trudovye issledovaniya. 2021. No. 3 (44). Pp. 21-31.
18. Piketti, T. *Kapital v XXI veke*. M.: AD Margenem Press, 2015. 592 p.
19. *Pravitel'stvo podderzhalo udvoenie dlitel'nosti dopustimogo sverhurochnogo truda*, URL: <https://www.interfax.ru/russia/1010888> (Accessed 16.04.2025).
20. Ragozin, N. P. *The problem of universal labor and its alienation in K. Marx's Capital* // Culture and Civilization. 2017. No. 2 (6). Pp. 36-59.
21. Standing, G. *The Precariat: a new dangerous class*. M. Adam Press, Garage Museum of Modern Art. 2020. 368 p.
22. Toshchenko, Zh. T. *Prekariat – novyy social'nyj klass* // Sociologicheskie issledovaniya. 2015. No. 6. Pp. 3-13.
23. Mandel, E. *Late capitalism*. London: New Left Review Edition. 1975. 617 p.
24. *SuperJob ocenil razryv v zarplatah kur'erov i lyudej s vysshim obrazovaniem*. URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/03/2025/67d453319a7947538db348a2> (Accessed 24.04.2025).

Информация об авторах

Татьяна Борисовна Иванова, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры государственного управления и менеджмента Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Гагарина, 8, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, nika20021960@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1103-8210>, SPIN-код: 9190-9220, AuthorID: 221498

Нина Сергеевна Горбачева, кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления и менеджмента, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, ул. Гагарина, 8, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, gorbacheva-ns@ranepa.ru, SPIN-код: 4619-3941, AuthorID: 1275002

Information about Authors

Tat'jana B. Ivanova, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Department of Corporate Management, Volgograd Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St. 8, 400066 Volgograd, Russian Federation, nika20021960@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1103-8210>, SPIN-код: 9190-9220, AuthorID: 221498

Nina S. Gorbacheva, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Public Administration and Political Science, Volgograd Institute of Management, branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarin st., 8, 400006 Volgograd, Russian Federation, gorbacheva-ns@ranepa.ru, SPIN-код: 4619-3941, AuthorID: 1275002

Для цитирования: Иванова Т. Б., Горбачева Н. С. Качественные изменения рынка труда: трансформация отношений отчуждения // Парадигмы управления, экономики и права. 2025. Т. 6, № 3 (17). С. 7-23. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2025_N3.pdf

УДК 070:004

ЦИФРОВЫЕ СМИ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

Платон Андреевич Поломошнов

Ростовский государственный экономический университет,

г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются особенности и роль цифровых СМИ в формировании общественного и индивидуального сознания. Анализируются основные современные тренды в развитии цифровых СМИ и формы информационной деятельности цифровых СМИ. Сопоставляются позитивные возможности цифровых СМИ в формировании общественного мировоззрения с потенциальными рисками негативного воздействия цифровых СМИ на общественное сознание.

Методология и методы. Используются методы аналитического обзора деятельности цифровых СМИ, обобщения трендов в развитии цифровых СМИ и критического прогностического исследования рисков, связанных с развитием цифровых СМИ.

Анализ. Под цифровыми средствами массовой информации понимаются СМИ, средством распространения которых являются современные сетевые технологии и коммуникации. В современном обществе цифровые СМИ составляют все более жесткую конкуренцию традиционным СМИ, вытесняют их на периферию информационного пространства. При этом происходит качественная трансформация способа подачи и самого содержания информации. Увеличивается роль визуального и мультимедийного контента, способствующего более эмоциональному восприятию информации, происходит фрагментация аудитории и формирование «информационных пузырей». Развитие современных цифровых СМИ связано с многочисленными рисками негативного воздействия на аудитории с помощью технологий фейков и дип-фейков. Существенный риск связан с продвижением инициатив и ценностей маргинальных социокультурных субъектов, внедряющих деструктивные взгляды и повестку ненависти и разобщения.

Результаты. Современные цифровые СМИ имеют и постоянно наращивают серьезный потенциал в сфере влияния на целостность общественного сознания. Этот потенциал несет в себе как позитивные возможности, так и серьезные риски негативного воздействия на общественное сознание. Все это требует совершенствования законодательного регулирования в сфере деятельности цифровых СМИ.

Ключевые слова: цифровые СМИ, общественное мировоззрение, информация, он-лайн коммуникация, риски, контент соцсетей, фейки.

UDC 070:004

DIGITAL MEDIA: POSSIBILITIES AND RISKS

Platon Andreevich Polomoshnov

Rostov State University of Economics,
Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article discusses the features and role of digital media in shaping public and individual consciousness. The main modern trends in the development of digital media and forms of information activities of digital media are analyzed. The positive opportunities of digital media in shaping public outlook are compared with the potential risks of the negative impact of digital media on public consciousness.

Methodology and methods. The methods of analytical review of digital media activities, generalization of trends in the development of digital media and critical predictive study of risks associated with the development of digital media are used.

Analysis. Digital media are understood as media whose means of distribution are modern network technologies and communications. In modern society, digital media are increasingly competing with traditional media, pushing them to the periphery of the information space. At the same time, a qualitative transformation of the method of presentation and the content of information occurs. The role of visual and multimedia content, which contributes to a more emotional perception of information, increases, audience fragmentation and the formation of «information bubbles». The development of modern digital media is associated with numerous risks of negative impact on audiences using fake and deep fake technologies. A significant risk is associated with the promotion of initiatives and values of marginal socio-cultural subjects who introduce destructive views and an agenda of hatred and disunity.

Results. Modern digital media have and are constantly increasing serious potential in the sphere of influence on the integrity of public consciousness. This potential carries both positive opportunities and serious risks of negative impact on public consciousness. All this requires improving legislative regulation in the field of digital media.

Keywords: digital media, public outlook, information, online communication, risks, social media content, fakes.

Введение. Изучение роли цифровых СМИ в формировании общественного сознания является насущной потребностью коммуникативных технологов и актуальной проблемой современного гуманитарного знания. Для исследования данной темы необходимо выполнить ряд задач: выявить ключевые тренды и особенности влияния онлайн-контента на ценности и

мировоззрение аудитории; оценить потенциал цифровых СМИ в плане определения конструктивных возможностей цифровых СМИ для продвижения позитивных социальных ценностей; выявить риски и негативные аспекты, связанные с распространением негативной (деструктивной для традиционных ценностно-мировоззренческих установок российского общества) информации. Практически ориентированный запрос общества в лице профессиональной среды цифровой журналистики заключается в разработке рекомендаций и конкретных предложений для усиления конструктивного влияния цифровых СМИ на целевую аудиторию, а также мер по минимизации деструктивного воздействия цифровой информационно-среды.

Цифровые СМИ – это мощный современный инструмент коллективной коммуникации и трансляции не только сведений, но и установок, ценностных констант, влиятельных мнений. Этот инструмент может, как поддерживать, так и разрушать социально значимые нормы и понятия. Необходимо стремиться к совершенствованию понимания механизмов и факторов его влияния, которые позволят эффективно контролировать и достигать планируемых результатов.

Методология и методы. Наше исследование опирается на анализ типов современных цифровых СМИ и форм их деятельности в информационном пространстве. На основе этого анализа проведено обобщение основных трендов в развитии цифровых СМИ и прогнозируются возможные позитивные и негативные воздействия цифровых СМИ на массовое и индивидуальное мировоззрение.

Анализ. Под цифровыми средствами массовой информации понимаются СМИ, средством распространения которых являются современные сетевые технологии и коммуникации. К цифровым СМИ могут быть отнесены как собственно сами сетевые мультимедиа платформы, такие как You Tube, Twitter (X), TikTok, Rutube, Telegram, Яндекс Дзен, ВКонтакте, Одноклассники и т.д., так и непосредственно субъекты-поставщики информационного продукта, медиа-организации и независимые блогеры и журналисты, транслирующие свой контент с помощью каналов на различных интернет-площадках.

Цифровые медиа существенно меняют подход к потреблению информации по сравнению с традиционными формами массовых коммуникаций, что выражается в следующих ключевых чертах:

- увеличение объема, доступность источников публичной информации, их распространенность приводит к тому, что потребители имеют доступ к информации в любое время и в любом месте по запросу, а не в предьявительном порядке;
- операционализация свободы выбора информационных источников за счет функционирования общедоступных платформ и каналов открывает возможность проявить активность и самостоятельность всем участникам процесса массовых коммуникаций;

- облегчение и расширение возможностей поиска, анализа, систематизации и презентации информации увеличивает количество субъектов процесса коммуникации и диверсифицирует их масштаб от наноблогеров до государственных структур и межнациональных корпораций;
- за счет облегченной обратной связи по сравнению с традиционными СМИ, цифровые СМИ становятся интерактивными, что создает возможность оперативно отслеживать ответы на запросы аудитории;
- активизация фидбэка размывает традиционные роли создателя и потребителя контента, порой уравнивая или даже меняя их местами;
- благодаря использованию цифровых инструментов анализа данных, предлагаемые сведения более метко могут быть сориентированы на определенный сегмент целевой аудитории. За счет точной связи источников с получателями информация часто предназначается для очень четко определенных групп людей;
- цифровая трансформация массовых коммуникаций характеризуется их более тесной интеграцией с бизнесом, происходит сближение, вплоть до слияния СМИ с цифровым интернет-маркетингом. Именно посредством цифровых каналов развивается современная деятельность по продвижению товаров и услуг, использующая точечное позиционирование информации.

В данных условиях повышается конкретность среди источников в борьбе за внимание пользователей. И особую остроту эта проблема приобретает для некоммерческих, государственных и муниципальных, социально-направленных платформ и каналов информации, поскольку они вынуждены сражаться за экранное время с крупными агрессивными коммерческими агрегаторами, эксплуатирующими самые простые человеческие потребности и страсти в своих корыстных интересах, при этом не будучи облечены никакими ценностными регуляторами социальной направленности кроме стремления к собственной наживе. Продвижение социально-значимых образовательных и технологических инициатив, позитивных социальных ценностей является серьезным вызовом в условиях противостояния коммерчески-ориентированному контенту в открытом пространстве цифровых коммуникаций.

В современных реалиях общественных коммуникаций Интернет вытесняет традиционные институты трансляции социально значимой информации – семью, школу, церковь, друзей, университеты, традиционные СМИ. По данным германского фонда мирового населения (DSW) К началу 2024 года в мире проживало 8,083 миллиарда человек [26]. Большинство из них приобщены к Интернету. Анализ последних данных ITU, GSMA Intelligence, Eurostat и данных различных локальных государственных ведомств показывает, что за год число интернет-пользователей выросло на 1,8 % (+97 млн новых пользователей) и достигло 5,35 млрд в начале 2024 года [15]. По данным GWI, среднестатистический интернет-пользователь теперь проводит онлайн 6 часов и 40 минут каждый день [15]. Независимо от

содержания передаваемых ценностей можно отметить, что цифровые каналы связи будут демонстрировать чрезвычайный динамизм, их скорость передачи и изменения информации недостижима для традиционных форм. Это может говорить с одной стороны о потенциальном увеличении способности к адаптации и реакции на внешние изменения (природные и социальные), а с другой стороны влечет за собой риски дестабилизации информационной среды и размывания социокультурной идентичности российского общества, разрыва межпоколенческих культурных связей, преемственности традиционных непреложных культурных ценностей гуманизма, добросовестности, чести, ответственности, приверженности идеалам истины, добра, справедливости и красоты.

Исходя из указанного, можно сделать вывод, что цифровые СМИ сегодня играют существенную роль в формировании общественного сознания. Они оказывают серьезное влияние на ценностные ориентиры и мировоззрение широкой аудитории благодаря высокой скорости распространения информации, интерактивности и доступности контента. Концептуально цифровые СМИ можно рассматривать как культурный феномен, с одной стороны отражающий общественные ориентации и установки, а с другой, как поддерживающий и инструментально осуществляющий общественные преобразования.

Одним из главных трендов в развитии цифровых СМИ является рост значимости социальных сетей и платформ с пользовательским контентом как источником формирования убеждений и норм. В начале 2025 года в России насчитывалось 106 миллионов пользователей социальных сетей, что составляет 73,4 % от общей численности населения [22]. Этот рост демонстрирует увеличение роли цифровых социальных коммуникаций в жизни россиян. Статистика и анализ роста значимости социальных сетей в России в последние три года, основанные на актуальных данных из открытых источников, позволяют сделать некоторые наблюдения и выводы. В российских соцсетях отмечаются серьезные показатели роста. Увеличилось количество активных авторов: в октябре 2024 года в России насчитывалось 74,9 млн активных авторов в социальных медиа – это рекордный показатель за всё время наблюдений, что на 16 % больше по сравнению с октябрём 2023 года [12]. Растет объём контента: ежемесячный объём публичных сообщений увеличился на 16,8 % по сравнению с аналогичным периодом 2023 года, составив 1,8 млрд сообщений в месяц [14]. В 2020 году отмечался скачок активности из-за пандемии (+30 % авторов), в 2021 году наблюдалось затишье, а в 2022 году – новый резкий рост (+36 % сообщений) как реакция на общественно-политическую повестку [13]. В 2024 году тренд продолжился, несмотря на отсутствие внешних кризисов в России. Основными драйверами роста в последнее время являются Telegram и маркетплейсы. Именно рост Telegram наиболее заметно повлиял на статистику: прирост составил 72,6 % по авторам и 18,9 % по сообщениям по сравнению с предыдущим годом [14]. Маркетплейсы и отзовики также внесли значительный вклад: рост числа авторов составил 126 %, а количество сообщений – 292 %. На долю авторов отзовиков приходится 17 %

от всех авторов соцмедиа, а на их сообщения – 5 % от общего объёма [16]. Маркетплейсы активно конкурируют с традиционными соцсетями и Telegram за внимание пользователей, что говорит о расширении понятия «социальных медиа» и их роли в жизни пользователей.

Российские тренды находятся тут в рамках общемировых тенденций, отмечающих подобные процессы. В мире количество зарегистрированных учётных записей в соцсетях за год выросло на 5,6 % (более 266 млн новых пользователей только за 2023 год), а темпы роста в последние три месяца года ускорились до 9,4 новых пользователей в секунду [15]. Глобальные платформы, например, TikTok показывают устойчивый рост, по итогам 2024 года он насчитывает более 1,7 млрд пользователей и ожидается, что к 2027 году их число достигнет 2,25 млрд. [17].

Можно сделать промежуточный вывод, что в 2024 году в России наблюдался устойчивый рост значимости социальных сетей и социальных медиа. Количество активных авторов и объём контента достигли исторических максимумов. Основными драйверами роста стали Telegram и площадки с отзывами (маркетплейсы). Социальные медиа всё больше выходят за рамки традиционного общения, становясь инструментом для коммерции, обсуждения товаров и услуг, а также формирования общественного мнения.

Первым трендом является увеличение значимости соцсетей как основного канала коммуникации и источника новостей. Социальные сети и платформы с отзывами становятся ключевыми площадками не только для общения, но и для ведения бизнеса, формирования доверия и продвижения брендов в России и мире, что в целом говорит о коммерциализации контента и поощрении потребительского менталитета.

Вторым трендом в развитии цифровых СМИ является увеличение роли визуального и мультимедийного контента, способствующего более эмоциональному восприятию информации. В настоящее время визуальный и мультимедийный контент играют всё более значительную роль в эмоциональном восприятии информации. Это связано с тем, что визуальные и мультимедийные элементы способствуют более глубокому погружению в информацию и могут вызывать отклик у зрителей не только на уровне разумного понимания, но и на уровне чувств. Мировые и внутрироссийские статистические данные подтверждают эту тенденцию. Рынок визуального контента неуклонно расширяется: в 2022 году глобальный рынок визуального контента оценивался в 9,6 млрд. долларов США, а к 2030 году он ожидается в размере 23,6 млрд. долларов США [10]. Это свидетельствует о том, что визуальный контент становится всё более востребованным как для маркетинговых стратегий, так и для иных по целям форм обмена информацией. Это резкое увеличение связано с растущим спросом на высококачественные цифровые образы, которые используются в рекламе, социальных сетях, электронной коммерции и развлечениях. Визуальный и мультимедийный контент способствуют более насыщенно-эмоциональному восприятию информации, так как он может непосредственно влиять на аффективно-волевую сферу сознания зрителей. Это обусловлено тем,

что визуальная информация воспринимается и обрабатывается мозгом быстрее и более эффективно, чем текстовая. В 2025 году ожидается рост популярности лайфстайл-контента, который включает в себя элементы визуального и мультимедийного контента для отражения стиля жизни, привычек и интересов. Это ещё больше подчеркивает важность визуальных и мультимедийных элементов в контент-маркетинге. В России также наблюдается значительное увеличение роли визуального и мультимедийного контента в социальных сетях и онлайн-платформах. Визуальный контент, включая фото и видео, становится все более популярным. По данным Webfx, визуальный контент может увеличить потенциал распространения материала на 40 % [33]. Причем рост во многом обусловлен использованием нейросетевого контента, увеличивается доля мультимедийной информации сгенерированной нейросетями – это касается изображений, видео и анимации. С этим связан отказ от стоковых медиа: блогеры предпочитают уникальный дизайн, а не стоковые модели, одновременно уделяя большое внимание качеству фото и видео. Также, фиксируется рост коротких роликов, особенно до 1 минуты, которые показывают высокую вовлеченность аудитории. В пользу тезиса об увеличении доли медиаконтента говорят показатели платформы VK. В 2024 году VK Клипы и VK Видео продемонстрировали значительный рост. Среднесуточные просмотры VK Клипов достигли 2,5 млрд, а количество опубликованных клипов увеличилось почти в три раза [18]. Платформа RuTube также показывает рост, привлекая зрителей возможностью загрузки контента и новыми функциями монетизации. Месячная аудитория сервиса составляет более 70,5 млн. пользователей [1]. Платформа Telegram остается перспективной для продвижения, где инфокарточки вместо текста становятся более популярными в качестве способа разнообразить контент.

Вместе с тем, необходимо признать, что увеличение роли визуального и мультимедийного контента приводит и к его упрощению по сравнению с традиционными текстовыми формами. Тенденция к облегчению восприятия информации может способствовать усилению ее воздействующей силы, но снижает уровень понятийного критического мышления аудитории, поскольку баланс когнитивных функции чувственного восприятия, с одной стороны, и рационально-логического анализа, и рефлексии, с другой, утрачивается в результате превалирования входящих данных чувственно-эмоционального характера. В целом, во всем мире визуальный и мультимедийный контент играют значительную роль в формировании эмоционального восприятия информации и их популярность продолжает расти в связи с потребностями современного маркетинга и коммуникаций.

Третьим трендом в развитии цифровых СМИ является фрагментация аудитории и формирование «информационных пузырей». Фрагментация аудитории в цифровых медиа и формирование «информационных пузырей» стали важными аспектами, влияющими на общественное мнение и восприятие информации. Информационные пузыри – это состояния, при которых пользователи получают доступ только к информации, которая подтверждает их

существующие убеждения и взгляды. Данный феномен базируется на так называемой «эвристике доступности» информации [3, с. 189-232]. Это интуитивный процесс, в котором человек оценивает событие как вероятное по степени лёгкости, с которой ассоциированные события приходят на ум. Более вероятным или верным кажется то, что легче вспоминается. В групповом контексте это приводит к тому, что человек может считать определенные действия или мнения более вероятными или важными, если они часто встречаются в группе, даже если это не так. Такие пузыри часто формируются благодаря алгоритмам социальных сетей, которые адаптируют контент под интересы и предпочтения пользователей, что приводит к изоляции от альтернативных точек зрения, вплоть до поляризации мировоззренческих позиций.

Современные цифровые платформы, такие как социальные сети и новостные агрегаторы, могут способствовать, таким образом, фрагментации аудитории. Пользователи становятся частью определённых групп или сообществ, где общаются с единомышленниками и получают информацию, соответствующую их взглядам. Это приводит к росту однородных мнений и снижению разнообразия идей.

Фрагментация и формирование информационных пузырей могут усиливать поляризацию взглядов. Когда люди находятся в изоляции от различных мнений, это может привести к более агрессивным и крайним позициям. Исследования показывают, что пользователи, находящиеся в информационных пузырях, чаще подвержены радикализации и нетерпимости к альтернативным точкам зрения, что может быть питательной средой для развития ксенофобии, интолерантности и экстремистских взглядов.

Алгоритмы социальных медиа учитывают взаимодействие пользователей, чтобы предлагать контент, который вызывает наибольший интерес. Это может привести к тому, что пользователи получают информацию, соответствующую их уже сформированным, в том числе предвзятым взглядам, игнорируя более сбалансированные и объективные источники. В результате они могут оказаться в замкнутом круге однотипных мнений. Формирование информационных пузырей и фрагментация аудитории могут оказывать значительное влияние на общественные дискуссии и политику. Это явление способствует росту недоверия к традиционным СМИ и общественным институтам, а также может привести к увеличению социальной напряженности и конфликтам между различными группами.

Четвертый тренд в развитии цифровых СМИ – активное использование цифровых СМИ для продвижения социальных инициатив и ценностей. Цифровые СМИ играют ключевую роль в продвижении социальных инициатив и ценностей, предоставляя платформы для обсуждения, распространения информации и вовлечения граждан. Государственные и коммерческие ИТ платформы, социальные сети, блоги и видеохостинги, предоставляют площадки для запуска социальных кампаний. Государственные, некоммерческие организации и активисты используют эти платформы для распространения информации о важных социаль-

ных вопросах, в том числе, таких как противодействие преступности и кибермошенничеству, экология, забота о здоровье, образование, финансовая грамотность, изучение истории своей Родины и другие. Например, кампании, направленные на борьбу с насилием в отношении женщин или защиту окружающей среды, в зарубежном сегменте интернета становились вирусными именно благодаря активности пользователей в социальных сетях. Цифровые СМИ также используются для информирования и просвещения населения о социальных инициативах и актуальных темах. НКО, государственные организации и активисты публикуют статьи, видео и инфографику, чтобы донести до широкой аудитории информацию о своих проектах, целях и достижениях. Это помогает увеличить уровень осведомленности и поддержки среди граждан.

С помощью цифровых платформ организовываются краудфандинговые кампании для сбора средств на социальные инициативы. Такие платформы, как GoFundMe и Planeta.ru, позволяют организациям и индивидуальным активистам привлекать финансирование от граждан, заинтересованных в поддержке социальных проектов. Таким образом, активное использование цифровых СМИ для продвижения социальных инициатив и ценностей значительно расширяет возможности для участия граждан в общественной жизни, способствует распространению информации и формированию сознательного отношения к важным социальным вопросам. Но, с другой стороны, инициаторами продвижения собственных инициатив и ценностей могут выступать и маргинальные социокультурные субъекты, внедряя деструктивные взгляды и повестку ненависти и разобщения, что создает серьезные риски для устойчивого общественного развития.

Несмотря на большой конструктивный потенциал, цифровые СМИ также несут серьезные риски, связанные с распространением деструктивной информации, которая может подрывать традиционные гуманистические ценностно-мировоззренческие установки российского общества. К таким аспектам могут быть отнесены следующие негативные явления и процессы в публичном интернет пространстве:

- распространение фейков, манипулятивных нарративов и пропаганды, искажающих реальность;
- усиление социального раскола через информационные пузыри и поляризацию;
- пропаганда экстремизма, насилия и антисоциального поведения;
- упрощение и дегуманизация коммуникации в целом, снижающие уровень критического мышления и общественного доверия.

Распространение фейковой информации и манипулятивных нарративов стало значительной проблемой как в мире, так и в России. Это явление подрывает доверие к средствам массовой информации и негативно сказывается на общественном сознании. Фейки — это ложные или вводящие в заблуждение сведения, созданные с намерением дезинформировать. Манипулятивные нарративы используют искаженную или селективную информацию для

формирования определённого мнения или реакции у аудитории. Эти практики становятся особенно актуальными в контексте социальных медиа, где информация распространяется мгновенно и без должной проверки. Уровень распространения фейковой информации в мире продолжает расти. Согласно результатам социологического опроса АНО «Диалог Регионы», 60 % граждан сталкиваются с фейковыми новостями как минимум раз в неделю. 66 % людей признаются, что хотя бы раз верили дезинформации, что подчеркивает масштаб проблемы [5]. За три месяца 2025 г. в России были выявлены 61 уникальный дипфейк и 2,3 тыс. их копий. Это равно 67 % от общего количества дипфейков, обнаруженных в 2024 г. и в 2,6 раза превышает объем дипфейков, зафиксированных за весь 2023 г. Такие данные из исследования, проведенного Международной ассоциацией по фактчекингу Global Fact-checking Network (GFCN), прозвучали в рамках сессии «Принципы противодействия цифровой дезинформации» на RIGF 2025. По данным исследования Global Fact-checking Network (GFCN), 89 % обнаруженных в этом году дипфейков связаны с политической сферой, силовыми структурами и государственной безопасностью, рассказала специалист в области геополитики и кибербезопасности, журналист Geopolitics360 (Сингапур/США), эксперт GFCN Лили Онг. Она утверждает: «фейки и дипфейки – это не только российская проблема. Это всемирный феномен. Увеличивается число дипфейков, в том числе благодаря техническому развитию. В 2024 году в мире число дипфейков выросло на 118 % по сравнению с 2023 годом. Использование искусственного интеллекта приходится на 42,5 % финансовых преступлений в мире» [11].

Распространение фейков и манипулятивных нарративов может существенно повлиять на общественное мнение и политическую ситуацию. Например, манипулятивные кампании могут подрывать доверие к традиционным СМИ, способствовать поляризации общества, осуществлять вмешательство в политические, культурные и экономические процессы, создавать конфликты на основе ложных сведений.

Цифровые платформы (соцсети, мессенджеры, видеохостинги) активно используются для распространения контента, который разрушает традиционные семейные ценности, пропагандируя экстремистские движения. Ультралиберальная, чуждая традиционным ценностям крепкой, дружной, многодетной, суверенной семьи, надежной опоры гражданского общества, повестка индивидуализма и гедонизма пропагандирует радикальный феминизм и гендерный нигилизм, насаждает западный культурный релятивизм, отрицает национальную идентичность, обесценивает религиозные нормы путем насмешки над традиционными религиями России (православием, исламом, национальными верованиями).

По данным Роскомнадзора за 2023 год в российском сегменте интернета выявлено свыше 12 тыс. материалов, нарушающих закон о запрете пропаганды нетрадиционных отношений среди несовершеннолетних, а Telegram-каналы с аудиторией более 500 тыс. подписчиков распространяли инструкции по смене пола [9].

Атака на институт семьи продолжалась также в TikTok и «Дзене», где в 2022–2023 гг. набрали популярность хештеги [4; 6] с деструктивным контентом о «ненужности детей». Негативное влияние на молодежь в том числе таких информационных воздействий отражается в статистике: 40 % россиян 18–24 лет в 2023 г. считали, что «брак – это устаревший институт» (против 25 % в 2018 г.) [2].

Насмешки происходят и над темой патриотизма и величия российской истории. В 2021–2023 гг. YouTube и Twitter стали платформами для мемов о «ненужности Дня Победы» (более 500 заблокированных роликов), очернения памяти советских героев (например, кампания против Зои Космодемьянской) [7]. За деструктивным контентом стоят чаще всего агенты влияния – иностранные НКО, они финансируют оппозиционных блогеров, «либеральные» (на самом деле вражеские) медиа, анонимные телеграмм-каналы и осуществляют координацию провокаций. Цифровые СМИ стали орудием гибридной войны против традиционных российских ценностей.

Информационные события времен Пандемии COVID-19 ярко иллюстрируют способность цифровых СМИ выступать источником ажиотажной, ложной и деструктивной информации, снижающей уровень критического мышления и вызывающей дефицит рациональной коммуникации. В период пандемии COVID-19 цифровые медиа стали ключевым каналом распространения дезинформации, что привело к формированию параллельной «инфодемии». Мониторинг соцсетей (Twitter, Telegram), отчеты фактчекинговых организаций (AFP, Reuters), научных публикаций по теме медиавоздействия (TheLancet, Nature) выявили несколько механизмов циркуляции ложных для общественного здоровья нарративов. Большой вред принесло распространение конспирологических теорий, например, о лабораторном происхождении SARS-CoV-2 (не подтверждено научным сообществом), мифы о чипировании через вакцинацию (опровергнуто ВОЗ), манипуляции на основе упрощенных объяснений о том, что вакцины меняют ДНК (опровергнуто в журнале Nature в 2021 г.), мифы о том, что вакцины вызывают бесплодие на основе фейковых статей о синхронизации с белком плаценты (официальные исследования опровергли в журнале WHO в 2021 г). Посредством ажиотажных новостных каналов в соцсетях, вирусных видеороликов, народных советов и «секретных» сообщений в мессенджерах распространялись откровенно лженаучные методы лечения, в частности такие представления: «Хлорка/спирт убивает вирус внутри организма» (приводило к отравлению и ожогам слизистых), «Ивермектин лечит COVID» (ветпрепарат) (в результате – печеночная недостаточность и отсутствие какой-либо эффективности), «Чеснок/имбирь заменяют вакцину» (нет никаких доказательств пользы как и вреда), «Горячая ванна/фен убивают вирус» (ожоги, тепловые удары). Но самое страшное, что под влиянием этих слухов множество людей отказывались от верифицированных средств медицинской помощи и понесли множество страданий, вплоть до смертельного исхода. Значимые социальные последствия фейков и мифов о COVID-19 – снижение вакцинации на 30–50 % в от-

дельных регионах, рост недоверия к медицинским институтам и усиление политической поляризации.

Ресурсы распространения дезинформации, продемонстрировавшие наибольшую активность – это Telegram каналы с «альтернативной медициной» с охватом под 100 тыс. пользователей, Facebook/Instagram* (антивакцинные сообщества), боты в Twitter, You Tube – ролики с миллионами просмотров до удаления (например, «COVID – мировой заговор»), TikTok – короткие видео с хештегами #антипрививка, #COVIDобман. Распространением такого рода фейков занимают не только независимые субъекты коммуникации, но также боты и тролли – автоматизированные аккаунты и наемные комментаторы, распространяющие дезинформацию, которые могут использовать глубокую подделку (Deepfake) – AI-генерация фальшивых изображений и видео.

К сожалению, такие вредные мифы касаются не только COVID 19, но и других заболеваний, приводя к снижению коллективного иммунитета и распространению иррациональных и лженаучных заблуждений. В последние годы наблюдается рост антивакцинных настроений, во многом благодаря дезинформации, распространенной через цифровые СМИ. Сообщения о якобы опасных последствиях вакцинации и фейковые исследования привели к снижению доверия к прививкам, что, в свою очередь, способствовало вспышкам заболеваний, которые могли бы быть предотвращены вакцинацией. В 2023 г. только 68 % людей считали вакцины безопасными (в 2019 г. – 79 %). А в странах с высоким уровнем дезинформации (Франция, Россия, ЮАР) доверие упало на 15–30 % [25]. Пользователи, получавшие информацию о вакцинах из Facebook* и Twitter, на 45 % чаще отказывались от прививок. И каждый третий антивакцинный пост в 2020–2021 гг. распространялся через Telegram и TikTok [30]. Пандемия только продемонстрировала системные уязвимости цифрового информационного пространства, которые наметились еще до нее.

Из-за алгоритмов, усиливающих вовлечение, вирусный охват фейков оказывается гораздо выше, чем у правдивых новостей (исследование MIT, 2018) [34]. В данном исследовании говорится, что ложные новости распространяются в 6 раз быстрее правдивых, фейки получают на 70 % больше ретвитов, а особенно быстро распространяются новости, вызывающие страх или отвращение.

В условиях активного распространения цифровых СМИ информационные пузыри и поляризация взглядов стали важными факторами, способствующими социальному расколу. Эти явления оказывают значительное влияние на общественное сознание и взаимодействие между различными группами населения. Информационные пузыри – это ситуации, когда пользователи социальных медиа и других цифровых платформ получают доступ только к информации, которая подтверждает их уже существующие взгляды и убеждения. Это огра-

* Принадлежат Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории РФ.

* Принадлежит Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории РФ.

ничивает их восприятие альтернативных мнений и создает иллюзию, что их точка зрения является единственно правильной. В результате это приводит к поляризации взглядов – процессу, при котором мнения людей становятся все более крайними и непримиримыми. Это оказывает негативное воздействие на ценности диалога и открытой коммуникации. В результате фрагментации аудитории и создания информационных пузырей, пользователи все реже взаимодействуют с противоположными точками зрения, что усиливает конфликты и недопонимание между различными социальными группами при их непосредственном столкновении, ограничивает возможность нахождения компромиссов и соглашений. Социальные и политические последствия данного явления – это усиление социального раскола, что выражается во множестве негативных явлений. Поляризация и информационные пузыри способствуют снижению доверия к традиционным СМИ и институтам, поскольку различные группы начинают воспринимать информацию через призму своих убеждений. Усиление поляризации может привести к более агрессивным действиям и конфликтам между различными социальными группами, росту ксенофобии и культурной нетерпимости, что потенциально крайне опасно в условиях многонациональной и поликонфессиональной среды нашей страны. Подобные процессы наблюдаются во многих странах, где разделение по политическим, расовым или религиозным признакам приводит к насилию и социальным беспорядкам. В преддверии выборов в различных странах, включая Россию, информационные пузыри способствуют росту поляризации среди избирателей. Люди получают информацию, которая усиливает их предвзятые взгляды и снижает вероятность коалиционных соглашений. Поляризация по вопросам культуры и идентичности носит очаговый, но острый характер в результате комбинации фейковых деструктивных воздействий с изоляционистской тактикой информационных пузырей. Как следствие, социальные сети становятся ареной для споров между различными группами, что может приводить к обострению конфликтов. Алгоритмы социальных сетей эксплуатируют конфликтный контент для увеличения просмотров.

С другой стороны, алгоритмы социальных медиа играют значительную роль в создании и поддержании информационных пузырей, поскольку не противодействуют, а потворствуют им. Они направляют пользователей к контенту, который соответствует их интересам, что ограничивает их доступ к разнообразной информации. Это приводит к изоляции от других мнений и углубляет социальный раскол.

Распространение экстремистских идей и насилия через цифровые СМИ стало актуальной проблемой в современном обществе. Социальные платформы, блоги и мессенджеры используются для распространения контента, который может способствовать радикализации и антисоциальному поведению. Экстремизм включает в себя идеи, которые могут оправдывать насилие или ненависть к другим группам на основе различных признаков, таких как раса, религия или политические взгляды. Пропаганда экстремизма в цифровых СМИ может принимать различные формы, включая видео, посты, мемы и обсуждения на форумах.

По данным различных исследований, количество случаев пропаганды экстремизма через цифровые СМИ растет. Согласно исследованиям и отчетам международных организаций в последние годы наблюдается значительный рост онлайн-активности радикальных групп. В сети Telegram в 2021–2023 гг. число каналов, связанных с экстремистскими идеологиями, выросло на 300 % (Институт стратегического диалога, ISD) [27]. В 2024 г. выявлено свыше 800 активных каналов, пропагандирующих насилие (Counter Extremism Project) [21]. В 2023 г. Facebook* удалила более 26 млн единиц контента, связанного с терроризмом (+15 % к 2022 г.) [29]. В TikTok зафиксировано увеличение на 200 % экстремистских хештегов (2022–2023, а сама компания признала удаление 1,7 млн видео за экстремизм в 2023 году [32]. Число скрытых платформ, распространяющих инструкции по изготовлению оружия и взрывчатки, выросло в 5 раз с 2020 г. (Europol, 2023) [24]. В Германии в 2023 г. заблокировано более 1200 сайтов праворадикального содержания (BfV, 2024) [20]. В США активность ультраправых группировок в соцсетях выросла на 40 % после 2020 г. (SITE Intelligence Group) [31]. ИГИЛ и Аль-Каида* используют зашифрованные мессенджеры (WhatsApp, Signal) для вербовки – их активность выросла на 25 % (2022–2023, ICT) [28]. В России в 2023 г. Роскомнадзор заблокировал свыше 5000 ресурсов за экстремизм (данные МВД) [8].

Причины роста тут не только радикализация населения, деятельность незаконных преступных организаций и обострение геополитической обстановки в мире, что конечно имеет место быть, но и собственно информационно-технологические. По исследованию международной организации Algorithm Watch, алгоритмы соцсетей сами по себе усиливают радикальный контент (исследование Algorithm Watch, 2023) [19].

Социальные медиа стали основным каналом распространения экстремистских идей. По данным отчета Европейской комиссии в 2020 году более 70 % контента, связанного с экстремизмом, распространялось через платформы такие как Facebook*, Twitter и YouTube [23]. Алгоритмы этих платформ могут способствовать распространению радикальных идей, так как они продвигают негативный контент, который, к сожалению, вызывает высокий уровень вовлеченности пользователей. Террористические организации, такие группы, как ИГИЛ и Аль-Каида*, используют цифровые СМИ для вербовки новых членов, распространения идеологии и организации атак. Они создают профессионально сделанные видео и пропагандистские материалы, которые становятся вирусными в интернете. Таким образом, пропаганда экстремизма, насилия и антисоциального поведения посредством цифровых СМИ представляет собой серьезную угрозу для общества.

Еще один аспект негативного влияния цифровых СМИ на мировоззренческие установки аудитории – это упрощение и дегуманизация коммуникации в целом, снижающая уро-

* Принадлежит Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории РФ.

* Экстремистские организации, запрещенные в России.

* Принадлежит Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории РФ.

* Экстремистские организации, запрещенные в России.

вень критического мышления и общественного доверия. Упрощение коммуникации в цифровых СМИ означает сведение сложных вопросов к простым лозунгам, мемам или эмоциональным реакциям, что может препятствовать глубокому анализу проблем. Дегуманизация, в свою очередь, заключается в обесценивании или утрате человеческого облика в общении, что приводит к снижению эмпатии и понимания. Современные цифровые СМИ часто прибегают к упрощению информации для привлечения внимания аудитории. Это проявляется в использовании кликбейтов, сенсационных заголовков и упрощенных новостных форматов, вроде информационных карточек, которые не могут учитывать все детали и нюансы обсуждаемых тем. Зато такой подход снижает возможность критического анализа информации и приводит к восприятию событий через призму эмоций, а не фактов, что неуместно при рассмотрении серьезных вопросов, к которым относится в том числе ценностно-смысловая сфера человеческой культуры. В социальных сетях и на форумах часто наблюдается дегуманизация участников дискуссий, когда оппоненты становятся объектами насмешек или агрессии, вплоть до попыток расчеловечивания своих идеологических оппонентов. Это приводит уже не просто к поляризации мнений и снижению доверия между группами, а к открытым конфликтам. Упрощение и дегуманизация коммуникации могут значительно снизить уровень доверия к информации и институтам. Когда пользователи видят, что обсуждения сводятся к эмоциональным выпадам или простым лозунгам, они начинают сомневаться в достоверности источников и информации. Это может привести к тому, что аудитория, в конечном счете перестает воспринимать серьезные обсуждения и исследования, считая их «недоступными» или «слишком сложными».

Примерами упрощения контента является массовое использование мемов и кликбейт-заголовков. В социальных медиа мемы часто используются для того, чтобы разбавить эмоциями коммуникацию, разрядить обстановку. Но когда происходит нарочитое изложение серьезных, сложных тем таким способом, это может исказить суть вопроса. Кликбейт-статьи, обещающие сенсационные откровения, но не предоставляющие фактической информации, также способствуют уменьшению критического восприятия и доверия к источнику информации. Во время выборов, политических противостояний и тем более военных противостояний в социальных сетях можно часто наблюдать чрезмерное упрощение позиций сторон до крайностей, что подрывает доверие к политическим дебатам, дипломатическим усилиям и аналитике как средствам разрешения конфликтов. Таким образом, упрощение и дегуманизация коммуникации в цифровых СМИ представляют собой серьезные проблемы, которые снижают уровень критического мышления и общественного доверия.

Заключение. Проведенный анализ позволяет сделать некоторые выводы. Современные цифровые СМИ следует рассматривать как инновационный и крайне эффективный культурный феномен, с одной стороны, отражающий общественные ориентации и установки, а с другой, как поддерживающий и инструментально осуществляющий общественные

преобразования. В развитии современных цифровых СМИ сложились следующие основные тренды:

- рост значимости социальных сетей и платформ с пользовательским контентом как источников формирования убеждений и норм;
- увеличение роли визуального и мультимедийного контента, способствующего более эмоциональному восприятию информации;
- фрагментация аудитории и формирование «информационных пузырей»;
- активное использование цифровых СМИ для продвижения социальных инициатив и ценностей. Однако, именно потому, что цифровые СМИ имеют серьезный потенциал в сфере влияния на целостность общественного сознания, необходимо искать меры снижения рисков, связанных с распространением деструктивной информации, которая может подрывать традиционные ценностно-мировоззренческие установки российского общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. В 2024 году аудитория Rutube достигла 70,5 млн. человек в месяц. URL: <https://sdelanounas.ru/blogs/167091/> (дата обращения: 17.04.2025).
2. Исследование ВЦИОМ «Семья в России: ценности и установки» (2023) URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-v-rossii-cennosti-i-ustanovki> (дата обращения: 15.05.2025).
3. Канеман, Д., Словик, П., Тверски, А. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения / Пер. с англ. Харьков: Изд-во Институт прикладной психологии «Гуманитарный Центр», 2005. 632 с.
4. Мониторинг «Кибердружины» (2023). URL: <https://кибердружина.рф/reports> (дата обращения: 15.05.2025).
5. Новости цифровой трансформации телекоммуникаций, вещания и ИТЦБ РФ URL: <https://www.comnews.ru/content/238685/2025-04-07/2025-w15/1010/nachala-2025-g-obnaruzheno-67-dipfeykov-ikh-obschego-kolichestva-za-2024-g> (дата обращения: 15.05.2025).
6. Отчет «Аналитики Безопасности» TikTok (2023) URL: <https://safe-analytics.ru/reports/tiktok-2023> (дата обращения: 19.05.2025).
7. Отчет Минцифры о блокировках (2023). URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/45862/> (дата обращения: 19.05.2025).
8. Официальная статистика МВД РФ за 2023: URL: <https://мвд.рф/reports/item/32912222/> (дата обращения: 19.05.2025).
9. Официальная статистика Роскомнадзора (2023): URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news89542.htm> (дата обращения: 19.05.2025).

10. Постигание рынка визуального контента.

URL: <https://www.verifiedmarketreports.com/ru/product/visual-content-market/> (дата обращения: 19.05.2025).

11. С начала 2025 г. обнаружено 67 % дипфейков от их общего количества за 2024 г.

URL: <https://www.comnews.ru/content/238685/2025-04-07/2025-w15/1010/nachala-2025-g-obnaruzheno-67-dipfeykov-ikh-obschego-kolichestva-za-2024-g> (дата обращения: 19.05.2025).

12. Социальные сети в России: рост на 16% и ключевые платформы в 2024 году.

URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/67360b899a7947c0e0b72feb> (дата обращения: 25.05.2025).

13. Социальные сети в России: цифры и тренды, весна 2023.

URL: <https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-spring-2023/> (дата обращения: 25.05.2025).

14. Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2024.

URL: <https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-autumn-2024> (дата обращения: 12.06.2025).

15. Статистика интернета и соцсетей на 2024 год - цифры и тренды в мире и в России.

URL: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2024-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения: 12.06.2025).

16. Число авторов в соцмедиа в РФ в октябре побило рекорд.

URL: <https://tass.ru/obschestvo/22396813> (дата обращения: 12.06.2025).

17. Что такое TikTok: особенности и возможности площадки, а также реклама на ней.

URL: <https://rocketscience.global/ru/cto-takoe-tiktok-osobennosti-i-vozmozhnosti-ploshhadki-a-takzhe-reklama-na-nej/> (дата обращения: 12.06.2025).

18. Что такое VK Клипы и как их использовать бизнесу.

URL: <https://ads.vk.com/insights/cto-takoe-vk-klipy> (дата обращения: 12.06.2025).

19. Algorithm Watch 2023 study on radicalization:

URL: <https://algorithmwatch.org/en/social-media-radicalization/> (дата обращения: 25.05.2025).

20. BfV report 2023. URL: <https://www.verfassungsschutz.de/SharedDocs/publikationen/EN/2023/annual-report-2023.pdf> (дата обращения: 25.05.2025).

21. Counter Extremism Project 2023 data. URL: <https://www.counterextremism.com/content/telegrams-role-spread-extremism> (дата обращения: 12.06.2025).

22. Digital 2025: ключевые данные из нового отчета Data Reportal.

URL: <https://www.byyd.me/ru/blog/2025/03/digital-2025-key-data-datareportal/> (дата обращения: 12.06.2025).

23. European Commission: «Terrorist Content Online Regulation» (2020).

URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/terrorist-content-online> (дата обращения: 14.06.2025).

24. Europol IOCTA 2023 report. URL: https://www.europol.europa.eu/cms/sites/default/files/documents/iocta_2023.pdf (дата обращения: 14.06.2025).
25. Gallup World Poll 2023. URL: <https://news.gallup.com/poll/510809/global-vaccine-confidence-declines-pandemic.aspx> (дата обращения: 25.05.2025).
26. Herausforderungen und Perspektiven. Weltbevölkerung. URL: <https://www.dsw.org/weltbevoelkerung/> (дата обращения: 25.05.2025).
27. Institute for Strategic Dialogue (ISD) 2023 report. URL: https://www.isdglobal.org/digital_dispatches/telegram-and-the-channelization-of-hate/ (дата обращения: 14.06.2025).
28. International Counter-Terrorism Center 2023 analysis. URL: https://www.ict.org.il/Article/2573/Digital_Jihad (дата обращения: 14.06.2025).
29. Meta Q4 2023 Transparency Report. URL: <https://transparency.fb.com/data/community-standards-enforcement/terrorist-propaganda/> (дата обращения: 14.06.2025).
30. Nature Human Behaviour (2021). URL: <https://www.nature.com/articles/s41562-021-01156-y> (дата обращения: 14.06.2025).
31. Rise of Far-Right Extremism Online 2021 Report. URL: <https://ent.siteintelgroup.com/> (дата обращения: 17.06.2025).
32. TikTok Transparency Report (2023). URL: <https://www.tiktok.com/transparency/en/terrorism-violent-extremism> (дата обращения: 17.06.2025).
33. Visual Content Statistics for 2025: Continue to Engage and Amaze. URL: <https://www.webfx.com/blog/content-marketing/visual-content-statistics/> (дата обращения: 17.06.2025).
34. Vosoughi, S., Roy, D., & Aral, S. (2018). «The spread of true and false news online» Science, 359(6380), 1146-1151.

REFERENCES

1. V 2024 godu auditoriya Rutube dostigla 70,5 mln. chelovek v mesyats. URL: <https://sdelanounas.ru/blogs/167091/> (дата обращения: 17.04.2025).
2. Issledovanie VTsIOM «Sem'ya v Rossii: tsennosti i ustanovki» (2023) URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-v-rossii-cennosti-i-ustanovki> (дата обращения: 15.05.2025).
3. Kaneman, D., Slovik, P., Tverski, A. Prinyatie resheniy v neopredelennosti: Pravila i predubezhdeniya / Per. s angl. Xar'kov: Izd-vo Institut prikladnoy psikhologii «Gumanitarnyy Tsentr», 2005. 632 s.
4. Monitoring «Kiberdruzhiny» (2023) URL: <https://kiberdruzhina.rf/reports> (дата обращения: 15.05.2025).

5. Novosti tsifrovoy transformatsii telekommunikatsiy, veshchaniya i ITsB RF URL: <https://www.comnews.ru/content/238685/2025-04-07/2025-w15/1010/nachala-2025-g-obnaruzhenno-67-dipfeykov-ikh-obschego-kolichestva-za-2024-g> (data obrashcheniya: 15.05.2025).
6. Otchet «Analitiki Bezopasnosti» TikTok (2023) URL: <https://safe-analytics.ru/reports/tiktok-2023> (data obrashcheniya: 19.05.2025).
7. Otchet Mintsifry o bloirovkakh (2023). URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/45862/> (data obrashcheniya: 19.05.2025).
8. Ofitsial'naya statistika MVD RF za 2023: URL: <https://mvd.rf/reports/item/32912222/> (data obrashcheniya: 19.05.2025).
9. Ofitsial'naya statistika Roskomnadzora (2023): URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news89542.htm> (data obrashcheniya: 19.05.2025).
10. Postizhenie rynka vizual'nogo kontenta. URL: <https://www.verifiedmarketreports.com/ru/product/visual-content-market/> (data obrashcheniya: 19.05.2025).
11. S nachala 2025 g. obnaruzhenno 67 % dipfeykov ot ikh obshchego kolichestva za 2024 g. URL: <https://www.comnews.ru/content/238685/2025-04-07/2025-w15/1010/nachala-2025-g-obnaruzhenno-67-dipfeykov-ikh-obschego-kolichestva-za-2024-g> (data obrashcheniya: 19.05.2025).
12. Sotsial'nye seti v Rossii: rost na 16 % i klyuchevye platformy v 2024 godu. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/67360b899a7947c0e0b72feb> (data obrashcheniya: 25.05.2025).
13. Sotsial'nye seti v Rossii: tsifry i trendy, vesna 2023. URL: <https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-spring-2023/> (data obrashcheniya: 25.05.2025).
14. Sotsial'nye seti v Rossii: tsifry i trendy, osen' 2024. URL: <https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-autumn-2024> (data obrashcheniya: 12.06.2025).
15. Statistika interneta i sotssetey na 2024 god – tsifry i trendy v mire i v Rossii. URL: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2024-v-mire-i-v-rossii/> (data obrashcheniya: 12.06.2025).
16. Chislo avtorov v sotsmedia v RF v oktyabre pobilo rekord. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22396813> (data obrashcheniya: 12.06.2025).
17. Chto takoe TikTok: osobennosti i vozmozhnosti ploshchadki, a takzhe reklama na nej. URL: <https://rocketscience.global/ru/chto-takoe-tiktok-osobennosti-i-vozmozhnosti-ploshhadki-a-takzhe-reklama-na-nej/> (data obrashcheniya: 12.06.2025).
18. Chto takoe VK Klipy i kak ikh ispol'zovat' biznesu. URL: <https://ads.vk.com/insights/chto-takoe-vk-klipy> (data obrashcheniya: 12.06.2025).
19. Algorithm Watch 2023 study on radicalization: URL: <https://algorithmwatch.org/en/social-media-radicalization/> (data obrashcheniya: 25.05.2025).

20. BfV report 2023. URL: <https://www.verfassungsschutz.de/SharedDocs/publikationen/EN/2023/annual-report-2023.pdf> (data obrashcheniya: 25.05.2025).
21. Counter Extremism Project 2023 data. URL: <https://www.counterextremism.com/content/telegrams-role-spread-extremism> (data obrashcheniya: 12.06.2025).
22. Digital 2025: klyuchevye dannye iz novogo otcheta Data Reportal. URL: <https://www.byvd.me/ru/blog/2025/03/digital-2025-key-data-datareportal/> (data obrashcheniya: 12.06.2025).
23. European Commission: «Terrorist Content Online Regulation» (2020). URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/terrorist-content-online> (data obrashcheniya: 14.06.2025).
24. Europol IOCTA 2023 report. URL: https://www.europol.europa.eu/cms/sites/default/files/documents/iocta_2023.pdf (data obrashcheniya: 14.06.2025).
25. Gallup World Poll 2023. URL: <https://news.gallup.com/poll/510809/global-vaccine-confidence-declines-pandemic.aspx> (data obrashcheniya: 25.05.2025).
26. Herausforderungen und Perspektiven. Weltbevölkerung. URL: <https://www.dsw.org/weltbevoelkerung/> (data obrashcheniya: 25.05.2025).
27. Institute for Strategic Dialogue (ISD) 2023 report. URL: https://www.isdglobal.org/digital_dispatches/telegram-and-the-channelization-of-hate/ (data obrashcheniya: 14.06.2025).
28. International Counter-Terrorism Center 2023 analysis. URL: https://www.ict.org.il/Article/2573/Digital_Jihad (data obrashcheniya: 14.06.2025).
29. Meta Q4 2023 Transparency Report. URL: <https://transparency.fb.com/data/community-standards-enforcement/terrorist-propaganda/> (data obrashcheniya: 14.06.2025).
30. Nature Human Behaviour (2021). URL: <https://www.nature.com/articles/s41562-021-01156-y> (data obrashcheniya: 14.06.2025).
31. Rise of Far-Right Extremism Online 2021 Report. URL: <https://ent.siteintelgroup.com/> (data obrashcheniya: 17.06.2025).
32. TikTok Transparency Report (2023). URL: <https://www.tiktok.com/transparency/en/terrorism-violent-extremism> (data obrashcheniya: 17.06.2025).
33. Visual Content Statistics for 2025: Continue to Engage and Amaze. URL: <https://www.webfx.com/blog/content-marketing/visual-content-statistics/> (data obrashcheniya: 17.06.2025).
34. Vosoughi, S., Roy, D., & Aral, S. (2018). «The spread of true and false news online» Science, 359 (6380), 1146-1151.

Информация об авторе

Платон Андреевич Поломошнов, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии, Ростовский государственный экономический университет, 344002, ул. Большая Садовая, д. 69 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, platon_@list.ru, SPIN-код: 8929-1725.

Information about the Author

Platon A. Polomoshnov, Candidate of Philosophy Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Rostov State University of Economics, 344002, Bolshaya Sadovaya st., 69, Rostov-on-Don, Russian Federation, platon_@list.ru, SPIN code: 8929-1725

Для цитирования: Поломошнов П. А. Цифровые СМИ: возможности и риски // Парадигмы управления, экономики и права. 2025. Т. 6, № 3 (17). С. 24-44. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2025_N3.pdf.

ФИЛОСОФИЯ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ

PHILOSOPHY OF POWER AND MANAGEMENT

УДК 17.023.32

АНДРОГИННОСТЬ КАК НЕТРАДИЦИОННЫЙ ТИП ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Людмила Анатольевна Рыковскова

Донской государственный аграрный университет,
п. Персиановский, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье предлагается рассматривать основные проблемы гендерной идентичности в современном мире в контексте современных трансформаций традиционных гендерных модусов маскулинности и феминности.

Методы. Методологическую базу исследования представляют современные концепции гендерной трансформации культуры общества и личности. Используются методы культурологического и социально-философского структурного анализа.

Анализ. Анализ современных трансформаций традиционных гендерных модусов маскулинности и феминности построен на критическом осмыслении социальных гендерных практик и теорий. Обращается внимание на то, что современные «новаторские» типы гендерной идентичности рассматриваются как деструктивные искажения традиционных модусов и являются разрушительными для гендерной культуры.

Результаты. Современное общество переживает период неоднозначных трансформаций, касающихся гендерной идентичности. Индивиды все чаще переосмысливают свое самоощущение и находят новые способы самовыражения, отражая это в своем облике, манерах, стиле общения и построении отношений. Меняются и общественные представления о том, как должны выглядеть и вести себя мужчины и женщины. Эти изменения настолько масштабны, что традиционные границы гендера стираются, а привычные гендерные идентичности могут быть кардинально пересмотрены.

Ключевые слова: гендер, гендерная идентичность, андрогинность, пол, гендерная культура, маскулинность, феминность.

UDC 17.023.32

ANDROGYNY AS AN UNCONVENTIONAL TYPE OF GENDER IDENTITY

Lyudmila A. Rykovskova

Don State Agrarian University,
P. Persianovsky, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article proposes to consider the main problems of gender identity in the modern world in the context of modern transformations of traditional gender modes of masculinity and femininity.

Methods. The methodological basis of the research is represented by modern concepts of gender transformation of the culture of society and personality. The methods of cultural and socio-philosophical structural analysis are used.

Analysis. The analysis of modern transformations of traditional gender modes of masculinity and femininity is based on a critical understanding of social gender practices and theories. Attention is drawn to the fact that modern «innovative» types of gender identity are considered as destructive distortions of traditional modes, and are destructive for gender culture as a bipolar system.

Results. Modern society is going through a period of ambiguous transformations concerning gender identity. Individuals are increasingly rethinking their sense of self and finding new ways to express themselves, reflecting this in their appearance, manners, communication style and building relationships. Public perceptions of how men and women should look and behave are also changing. These changes are so large-scale that the traditional boundaries of gender are being erased, and familiar gender identities can be radically revised.

Keywords: gender, gender identity, androgyny, gender, gender culture, masculinity, femininity.

Введение. В современном постиндустриальном обществе формируются и активно развиваются нетрадиционные типы гендерной идентичности, которые вступают в конфликт с традиционными типами гендерной идентичности. К этим нетрадиционным типам можно отнести андрогинность.

В западном научном дискурсе сложилось целое направление, исследующее нетрадиционные формы гендерной идентичности, которое получило название «Квир-теория». В рамках квир-теории дискутируется тема третьего нетрадиционного пола. Сторонники квир-теории подвергают сомнению субстанциональность гендерной идентичности. С. О. Изрина, характеризуя обозначенную теорию, замечает, что ее сторонники убеждены, что «в действительности же женщин и мужчин как таковых не существует, эти категории являются

изменчивыми и разнообразными. ... Гендерная идентичность человека способна меняться под влиянием социокультурных факторов и непрерывно конструироваться. Логическим выходом из-под давления власти, социума и культуры в лице навязывания гендерных установок представители квир-теории считают отказ от устойчивой самоидентификации в рамках нормативных категорий и конструирование свободной, независимой от пола и гендера идентичности» [8].

Сторонники квир-теории выдвигают также идею небинарности гендерной идентичности, стремясь сконструировать такую форму гендерной идентичности, которая выходит за рамки традиционной оппозиции маскулинности – феминности.

Методы исследования. В статье используется теоретический анализ научных источников. Современное изучение андрогинии в контексте философско-культурологического дискурса имеет ярко выраженный междисциплинарный подход. В настоящее время исследования в этой области проводятся в различных направлениях, однако они пока не объединены ни под единой теоретической основой, ни в рамках общей программы. В такой ситуации возникает необходимость уточнения содержания понятия «андрогинность».

Анализ. Рассмотрим андрогинность как тип нетрадиционной гендерной идентичности. Для характеристики сущности андрогинности как типа гендерной идентичности, прежде всего, необходимо отличить это понятие от формально близкого, но, по сути, далекого, понятия гермафродитизм. Гермафродитизм – это биологическая характеристика, присущая некоторым организмам, обладающим и мужскими, и женскими репродуктивными органами. Это редкая генетическая аномалия. Андрогинность это сложный социально-психологический комплекс, характеризующий гендерное самосознание некоторых людей, которые вовсе не обязательно являются биологическими гермафродитами. В научном дискурсе встречается множество различных определений сущности андрогинности.

Л. В. Бызова исследует андрогинность как «сложный комплекс установок, стереотипов, ролевых представлений» [2], который одновременно сочетает в себе феминные и маскулинные признаки. В этом же направлении рассуждает и Н. А. Балезина, особо подчеркивая амбивалентность андрогинной идентичности, основополагающий характер которой определяется бинарностью мужественность и женственность, другими словами, человек находится в пограничном состоянии восприятия самого себя, и имеет «... склонность к обладанию андрогинии» [1, с. 8].

Несколько иначе трактует это явление С. Г. Гутова, она пытается представить андрогинность как идеальную, наивысшую форму гендерной идентичности, в которой мужское и женское гармонично дополняют друг друга. «Андрогин как идеал – это, прежде всего, духовно совершенное существо, которое одновременно выступает и как первообраз, и как цель развития. В самом общем виде, андрогинизм представляет собой некий духовный, идеальный принцип полноты, целостности и совершенства» [5, с. 114]. О сочетании мужского и

женского, но без образования своего единства ведет речь В. В. Зеленский [7], обозначая это основным принципом андрогинности.

Андрогиния активно исследуется в культуре постмодерна, так И. А. Едошина интерпретирует андрогинизм как ключевую черту художественного сознания модернизма [6], а Н. Ю. Рымарев исследует ее с точки зрения социокультурных и природно-биологических аспектов. Исследователь отмечает, что в культуре постмодерна андрогиния становится своеобразным символом свободы от социальных предписаний и стереотипов. Андрогинные образы в искусстве, моде и массовой культуре репрезентируют размывание границ между мужским и женским, утверждая идею множественности и текучести идентичности. Мужской андрогинный тип тендерной идентичности характеризуется агрессивностью по маскулинной характеристике и зависимостью по феминной характеристике, а также неполным совпадением образа идеального мужчины и представления о самом себе [9].

Женский андрогинный тип тендерной идентичности, по мнению Н. Ю. Рымарева, характеризуется эгоистичностью и агрессивностью по маскулинной характеристике и подчиненностью, и зависимостью по феминной характеристике, а также существенными различиями между маскулинными и феминными Я-образами [9].

Другую характеристику мужской андрогинности дает А. Д. Швецова, которая, по ее мнению, отличается большей гибкостью, сбалансированностью и адаптивностью по сравнению с традиционной маскулинностью. Она настаивает на том, что «... для андрогинных мужчин характерны адаптивность и адекватность в выборе моделей поведения и жизненных стратегий, баланс принятия внешнего мира и проявлений внутреннего» [11].

Исследования показывают, что культурные представления о гендере продолжают эволюционировать и всё больше людей идентифицируют себя вне бинарных рамок. Это поднимает важные вопросы о том, как общество воспринимает и принимает андрогинность. Многие современные художники и писатели становятся символами этой трансформации, разрушая стереотипы о гендерных ожиданиях и позволяя множеству идентичностей сосуществовать. В научном дискурсе андрогинность как нетрадиционная форма гендерной идентичности оценивается преимущественно позитивно. Один из авторитетных западных специалистов С. Бем видит преимущество андрогинности в том, что она может обеспечить значительно больше возможностей для социальной адаптации [12]. Это же преимущество также отмечает Н. Н. Григорьева [4].

Группа исследователей (А. М. Валишина, Э. Ш. Шаяхметова, Г. Н. Кунц) утверждает, что девушки с андрогинной гендерной идентичностью легче вступают в брак, более терпеливые и мягкосердечные, нежные и добрые во взаимоотношениях со своим будущим мужем. «Они способны проявлять такие черты как: покладистость, умение идти на компромисс, мягкость, доброта, уступчивость, что благоприятно сказывается на союзе с партнером» [3, с. 101]. Позитивный момент видит в андрогинности и Е. С. Турутина, полагая, что это

наиболее совершенный способ преодоления полярности полов, которая обеспечивает лучшее взаимопонимание и взаимодействие между мужчинами и женщинами [10, с. 104-105].

Заключение. Не отрицая позитивных элементов в обозначенных выше наработках, следует заметить, что в современном обществе наблюдается формирование моды на «уни-секс», которая подразумевает безликость и неопределенность гендерной принадлежности. Эти изменения, характерные для развитых западных стран, активно распространяются по всему миру в рамках западной глобализации. Таким образом, трансформация гендерной идентичности проникает и в традиционные восточные цивилизации, включая Россию. Массовое смешение и размывание традиционных представлений о мужской и женской идентичности, а также их обесценивание, вызывают полярные оценки в научном и общественном дискурсе. Мы видим в них критическую деградацию или кризис нормальной гендерной идентичности, ставящий под угрозу демографическое воспроизводство. Именно традиционные гендерные роли, основанные на биологических различиях, играют важную роль в социальной стабильности и преемственности поколений.

Эти вопросы требуют глубокого и всестороннего анализа, учитывающего потенциальные риски для социальной стабильности и демографического благополучия. Важно вести открытый и уважительный диалог, чтобы понять многогранность этого явления и найти пути его осмысления в контексте глобальных трансформаций и сохранения культурного наследия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Балежина, Н. А. Социально-философский анализ феномена андрогинности в современной культуре / Н. А. Балежина, Р. А. Шакир // Наука и секулярность: миф и реальность : Материалы Нац. (Всерос.) науч.-прак. конф., приуроч. к Всемир. дню философии, Красноярск, 17 ноября 2022 года. Красноярск: КГАУ. 2022. С. 7-10.

2. Бызова, Л. В. Влияние гендерной идентичности на социально-психологическую адаптацию женщин. автореф. дис. ... к-та психол. наук :19.00.05 / Лариса Васильевна Бызова; Ярослав. госуд. ун-та им. П. Г. Демидова. Ярославль, 2006. 26 с.

3. Валишина, А. М. Особенности социальной идентичности девушек с различным уровнем готовности к браку / А. М. Валишина, Э. Ш. Шаяхметова, Г. Н. Кунц // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М.: Акмуллы. 2022. № 1-3 (62). С. 98-102. – EDN UVBNHO.

4. Григорьева, Н. Н. Гендерные особенности проявления лидерства у студентов: На примере учебных групп колледжа: автореф. дис. ... к-та психол. наук :19.00.01 / Моск. гуманитар. ун-т. Москва, 2006. 32 с.

5. Гутова, С. Г. Андрогинность как идеал человека в философии всеединства / С. Г. Гутова // Образ человека будущего: Кого и Как воспитывать в подрастающих поколе-

ниях / Под редакцией О. А. Базалука. Том 1. Киев : Філософсько-космологічне об'єднання, 2011. С. 113-123. – EDN SFZPQZ.

6. Едошина, И. А. Художественное сознание модернизма: Истоки и мифологемы: дис. ... докт. культурологии / Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова. Кострома, 2002. 350 с.

7. Зеленский, В. В. Толковый словарь по аналитической психологии / В. В. Зеленский. Изд. 3-е, испр. и доп. Москва : Когито-Центр, 2008. 334, [2] с.

8. Изрина, С. О. Феномен андрогинии и идея гендерной небинарности в современную эпоху: теоретические заметки // Вестник ВятГУ. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-androginii-i-ideya-gendernoy-nebinarnosti-v-sovremennuyu-epohu-teoreticheskie-zametki> (дата обращения: 29.08.2025).

9. Рымарев, Н. Ю. Личностные особенности подростков с различной тендерной идентичностью : автореф. дис. ... к-та психол. наук : 19.00.01 / Кубан. госуд. ун-т. Краснодар, 2006. 24 с.

10. Турутина, Е. С. Андрогинность как выражение антропологического смысла любви в гендерной деконструкции отечественного философско-культурологического дискурса / Е. С. Турутина // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 7 (58). С. 98-105. – EDN JUDFCF.

11. Швецова, А. Д. Различия смысловой сферы мужчин и женщин с разной гендерной идентичностью : автореф. дис. ... к-та психол. наук : 19.00.01 / Сахалин. госуд. ун-т. Южно-Сахалинск, 2009. 23 с.

12. Bem, S. L. The measurement of psychological androgyny // J. of Consulting and Clinical Psychology. 1974. Vol. 42. N 2. P. 155-162.

REFERENCES

1. Balezina, N. A. Sotsial'no-filosofskiy analiz fenomena androginnosti v sovremennoy kul'ture / N. A. Balezina, R. A. Shakir // Nauka i sekulyarnost': mif i real'nost' : Materialy Nats. (Vseros.) nauch.-praktich. konf., priuroch. k Vsemir. dnyu filosofii, Krasnoyarsk, 17 noyabrya 2022 goda. Krasnoyarsk: KGAU. 2022. S. 7-10.

2. Byzova, L. V. Vliyanie gendernoy identichnosti na sotsial'no-psikhologicheskuyu adaptatsiyu zhenshchin. avtoref. dis. ... k-ta psikholog. nauk :19.00.05/ Byzova Larisa Vasil'evna ; Yaroslavl. gosud. un-ta im. P. G. Demidova. Yaroslavl', 2006. 26 s.

3. Valishina, A. M. Osobennosti sotsial'noy identichnosti devushek s razlichnym urovnem gotovnosti k braku / A. M. Valishina, E. Sh. Shayakhmetova, G. N. Kunts // Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. M. Akmully. 2022. № 1-3 (62). S. 98-102. – EDN UVBNHO.

4. Grigor'eva, N. N. Gendernye osobennosti proyavleniya liderstva u studentov: Na primere uchebnykh grupp kolledzha: avtoref. dis. ... k-ta psikh. nauk : 19.00.01 / Moskov. gumanitar. un-t. Moskva, 2006. 32 s.
5. Gutova, S. G. Androginnost' kak ideal cheloveka v filosofii vseedinstva / S. G. Gutova // *Obraz cheloveka budushchego: Kogo i Kak vospityvat' v podrastayushchikh pokoleniyakh* / Pod redaktsiey O. A. Bazaluka. Tom 1. Kiev : Filososfs'ko-kosmologichne ob'ednannya, 2011. S. 113-123. – EDN SFZPQZ.
6. Edoshina, I. A. Khudozhestvennoe soznanie modernizma: Istoki i mifologemy: diss. ... dokt. kul'turologii / Kostromskoy gosudarstvennyy universitet im. N. A. Nekrasova. Kostroma, 2002. 350 s.
7. Zelenskiy, V. V. Tolkovyy slovar' po analiticheskoy psikhologii / V. V. Zelenskiy. Izd. 3-e, ispr. i dop. Moskva : Kogito-Tsentr, 2008. 334, [2] s.
8. Izrina, S. O. Fenomen androginii i ideya gendernoy nebinarnosti v sovremennuyu epokhu: teoreticheskie zametki // *Vestnik VyatGU*. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-androginii-i-ideya-gendernoy-nebinarnosti-v-sovremennuyu-epokhu-teoreticheskie-zametki> (data obrashcheniya: 29.08.2025).
9. Rymarev, N. Yu. Lichnostnye osobennosti podrostkov s razlichnoy tendernoy identichnost'yu : avtoref. dis. ... k-ta psikh. nauk : 19.00.01 / Kuban. gosud. un-t. Krasnodar, 2006. 24 s.
10. Turutina, E. S. Androginnost' kak vyrazhenie antropologicheskogo smysla lyubvi v gendernoy dekonstruktsii otechestvennogo filosofsko-kul'turologicheskogo diskursa / E. S. Turutina // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2006. № 7 (58). S. 98-105. – EDN JUDFCF.
11. Shvetsova, A. D. Razlichiya smyslovoy sfery muzhchin i zhenshchin s raznoy gendernoy identichnost'yu : avtoref. dis. ... k-ta psikh. nauk : 19.00.01 / Sakhalin. gosud. un-t Yuzhno-Sakhalinsk, 2009. 23 s.
12. Bem, S. L. The measurement of psychological androgyny // *J. of Consulting and Clinical Psychology*. 1974. Vol. 42. N 2. P. 155-162.

Информация об авторе

Людмила Анатольевна Рыковская, старший преподаватель кафедры иностранных языков и социально-гуманитарных дисциплин, ФГБОУ ВО «Донской государственный аграрный университет» – ул. Кривошлыкова, 24, 346493 п. Персиановский, Октябрьский район, Российская Федерация, ludmilyakovskova@xmail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-0723-2355>, SPIN-код: 2232-6528, AuthorID: 1233521

Information about the author

Lyudmila A. Rykovskova, Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages and Social and Humanitarian Disciplines, Don State Agrarian University, Kryvoshlykova str., 24, 346493 p. Persianovsky, Oktyabrsky district, Russian Federation, ludmilyakovskova@xmail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-0723-2355>, SPIN code: 2232-6528, AuthorID: 1233521

Для цитирования: Рыковскова Л. А. Андрогинность как нетрадиционный тип гендерной идентичности // Парадигмы управления, экономики и права. 2025. Т. 6, № 3 (17). С. 45-52. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2025_N3.pdf.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

УДК 316.473

СТИГМАТИЗАЦИЯ УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ НА УКРАИНЕ КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Марина Юрьевна Болдина, Виталий Владимирович Вишняков

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,

г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Статья раскрывает возможности применения теории стигматизации к анализу процесса ресоциализации военнослужащих, возвращающихся из зоны боевых действий к гражданской жизни. Участники специальной военной операции на Украине сталкиваются со сложностями во взаимодействии с местным сообществом. Авторы выдвигают гипотезу, что одной из причин этих проблем являются социальные стереотипы, конструируемые социумом и отдельными лидерами мнений.

Материалы и методы исследования. Методологической основой исследования отношений участников специальной военной операции, вернувшихся из зоны боевых действий, с местным социумом стал символический интеракционизм. Объяснительная модель процессов взаимодействия построена на теории стигматизации И. Гофмана. Теоретический анализ осуществляется с использованием методов анализа текстов, интерпретации, обобщения, систематизации.

Основная часть. В статье описаны основные положения теории стигматизации И. Гофмана. Процесс формирования стигмы представлен с опорой на концепцию Дж. Фелана и Б. Линка. Анализ социальных последствий стигматизации осуществлен, в соответствии с идеями Г. Беккера. Позиция авторов статьи раскрывается через описание возможных стигм, которые социум приписывает участникам специальной военной операции. Высказываются предположения о причинах стигматизации. Прогнозируются социальные и личностные по-

следствия «навешивания ярлыков» на военнослужащих, вернувшихся из зоны боевых действий.

Выводы. Результатом статьи является описание основных направлений программы ресоциализации военнослужащих. Разработанные авторами рекомендации направлены на борьбу со стереотипами и предрассудками и на гармонизацию отношений участников специальной военной операции с социумом.

Ключевые слова: стигматизация, специальная военная операция на Украине, военнослужащие, стереотипы, дискриминация.

UDC 316.473

STIGMATIZATION OF PARTICIPANTS OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION IN UKRAINE AS A SOCIAL AND POLITICAL PROBLEM

Marina Yu. Boldina, Vitaly V. Vishnyakov

Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA,

Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article reveals the possibilities of applying the theory of stigmatization to the analysis of the process of resocialization of military personnel returning from the combat zone to civilian life. Participants in a special military operation in Ukraine face difficulties in interacting with the local community. The authors hypothesize that one of the reasons for these problems is social stereotypes constructed by society and individual opinion leaders.

Materials and methods of research. Symbolic interactionism became the methodological basis for studying the relationships between participants in a special military operation who returned from the combat zone and the local society. The explanatory model of interaction processes is based on I. Hoffman's theory of stigmatization. The theoretical analysis is carried out using methods of text analysis, interpretation, generalization, and systematization.

Main part. The article describes the main provisions of the theory of stigmatization by I. Goffman. The process of stigma formation is presented based on the concept of J. Phelan and B. Link. The analysis of the social consequences of stigmatization is carried out in accordance with the ideas of G. Becker. The position of the authors of the article is revealed through the description of possible stigmas that society attributes to participants in a special military operation. Assumptions are made about the causes of stigmatization. Social and personal consequences of «labeling» servicemen who have returned from the combat zone are predicted.

Conclusions. The result of the article is a description of the main directions of the military personnel resocialization program. The recommendations developed by the authors are aimed at

combating stereotypes and prejudices and harmonizing the relations of participants in a special military operation with society.

Keywords: stigmatization, special military operation in Ukraine, military personnel, stereotypes, discrimination.

Введение. Специальная военная операция на Украине как социально-политический феномен породила множество новых для российской действительности неоднозначных явлений и процессов. Одним из таких процессов является ресоциализация военнослужащих, возвращающихся из зоны боевых действий. Адаптация их к мирной жизни, восстановление после физических и психологических травм могут быть затруднены в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств, возникающих в среде принимающего сообщества.

Теория стигматизации, разработанная Ирвингом Гофманом, предоставляет мощный инструмент для понимания проблем, с которыми сталкиваются военнослужащие при ресоциализации, особенно при переходе от военной службы к гражданской жизни. Она объясняет, как общественное мнение и предвзятости формируют восприятие индивида, который обладает определенной характеристикой, отличающей его от других. В контексте ресоциализации военнослужащих, особенно тех, кто вернулся из зон боевых действий или прошел через значительные изменения в личной жизни, эта теория может быть очень актуальной.

Материалы и методы исследования. Методологией исследования проблем ресоциализации военнослужащих, возвращающихся из зоны боевых действий, выбран символический интеракционизм. Данный подход позволяет проанализировать, как сообщество, в которое возвращается военнослужащий, интерпретирует его действия, какие символы воспринимает за социально значимую информацию о нем и как на них реагирует. Теория стигматизации в рамках этой методологии показывает, как формируются негативные стереотипы в отношении участников СВО (специальной военной операции на Украине) и как это может привести к дискриминации. Исследование носит теоретический характер и основано на методах анализа текстов, интерпретации, обобщения, систематизации.

Основная часть. Основные положения теории стигматизации в социологии. Стигма, по определению Ирвинга Гофмана, является характеристикой или состоянием, которое вызывает негативную реакцию со стороны общества и снижает статус человека в глазах других. В своей работе «Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью» [6] Гофман выделяет три типа стигм: физические (инавlidность, внешние дефекты), характерные (психические расстройства, преступность, алкоголизм) и «родовые», связанные с группами (раса, сексуальная ориентация). Гофман описывает, как стигма влияет на идентичность индивида и его социальные взаимодействия. Люди, обладающие стигматизированными чертами, могут сталкиваться с предвзятостью, дискриминацией и социальной изоляцией. Они могут стремиться управлять своим образом и скрывать свои стигмы, чтобы избежать негатив-

ных последствий. Таким образом, стигма по Гофману – это не только индивидуальная черта, но и социальная конструкция, формируемая ожиданиями и предрассудками общества.

«Испорченная идентичность» – это концепция, предложенная И. Гофманом для объяснения того, как люди с «недостатками» или теми чертами, которые могут вызвать предвзятое отношение, взаимодействуют с окружающими и как эти характеристики влияют на их самоидентификацию и социальные отношения. Социолог выделяет возможные варианты взаимодействия «стигматизированных» индивидов с обществом:

- **Стилизация идентичности:** И. Гофман утверждает, что люди создают свои идентичности через социальные взаимодействия. Когда у человека есть «испорченная» идентичность, он может столкнуться с трудностями в управлении своим образом в обществе. Стигма приводит к дискриминации и исключению.

- **Менеджмент идентичности:** Люди с испорченной идентичностью часто разрабатывают стратегии для управления восприятием других. Это может включать сокрытие своей стигмы, использование юмора или привлечение сочувствия.

- **Роли и контексты:** И. Гофман акцентирует внимание на том, что идентичность меняется в зависимости от контекста. В разных социальных ситуациях люди могут подстраивать свое поведение и идентичность, чтобы смягчить последствия своей стигмы.

- **Социальная интеграция:** Испорченная идентичность может приводить к социальной изоляции, однако некоторые люди находят способы интегрироваться в общество, создавая группы поддержки или сообщества единомышленников.

Таким образом, концепция испорченной идентичности по И. Гофману подчеркивает сложности, с которыми сталкиваются люди, имеющие отрицательную стигму, и их усилия по адаптации и управлению своим социальным образом.

И. Гофман рассматривает концепцию стигмы как социального феномена, который влияет на отношение общества к людям, обладающим определенными характеристиками или особенностями. Он делит людей на две категории: «нормальные» и «стигматизированные».

- **Нормальные** – это те, кто соответствуют общепринятым социальным нормам и ожиданиям. Их идентичности не вызывают сомнений, и они не испытывают стигматизации. Эти люди воспринимаются в обществе как «нормальные», они имеют возможность свободно участвовать в социальной жизни, гораздо меньше подвергаются предвзятости и дискриминации.

- **Стигматизированные** – это те, кто по каким-либо причинам попадает под негативные категории. Эти люди сталкиваются с предвзятостью, дискриминацией и социальной изоляцией. И. Гофман подчеркивает, что стигматизированные часто вынуждены управлять своим образом, скрывая или минимизируя свою «дискредитирующую» характеристику, чтобы избежать социального осуждения.

Гофман рассматривает взаимодействие между нормальными и стигматизированными, описывает, как общество определяет и конструирует стигмы, а также какие стратегии могут использовать стигматизированные для адаптации и преодоления негативных последствий стигматизации. Он акцентирует внимание на том, что стигма – это не просто характеристика индивида, но и социальный процесс, который влияет на все общество.

Дж. Фелан и Б. Линк [7] описывают процесс формирования стигмы. Стигматизация начинается с «навешивания ярлыка». Суть данного процесса в том, что какая-то незначительная специфическая черта индивида гипертрофируется в глазах сообщества и начинает восприниматься как определяющая характеристика данного индивида, резко отличающая его от других. Следующий этап – стереотипизация, когда людям, обладающим выделенной характеристикой, общество приписывает негативные качества, признаки. Так формируется отрицательный стереотип в отношении представителей стигматизированной группы. Закрепление стереотипа приводит к сепарации – отнесению индивидов «с ярлыком» к особой категории, характеризуемой как «они», в противовес «мы». Завершается данный процесс дискриминацией, предполагающей, что индивидов из категории «они» ограничивают в доступе к каким-либо общественным ресурсам.

Главным негативным социальным последствием стигматизации Говард Беккер [1] считает то, что индивиды, носящие определенный «ярлык», начинают себя вести в соответствии с ним. В частности, возможность исправления девиантов резко сокращается, поскольку окружающие ждут от них определенных ненормативных действий и не обращают внимания или списывают на случайность нормативное поведение стигматизированных. Особенно опасно это явление, если изначальная девиация была вымышленной. Например, индивид, ошибочно осужденный за преступление, которого не совершал, отбыв наказание, не может стать полноценным членом общества, которое видит в нем преступника.

Теория стигматизации традиционно используется для объяснения отношения общества к инвалидам, преступникам, расовым, этническим, сексуальным меньшинствам, людям с ВИЧ инфекцией и психическими заболеваниями [2; 4]. Современные исследователи успешно применяют ее к анализу процессов в социальной коммуникации и образовании [3; 5]. Однако новейшие реалии в жизни российского общества открывают новый вектор развития теории стигматизации – понимание тенденций в формировании отношения отдельных членов социума к участникам специальной военной операции на Украине. Военные, имеющие боевой опыт, при возвращении к мирной жизни сталкиваются с отдельными фактами непринятия со стороны местного сообщества. Теория стигматизации может пролить свет на данные процессы.

Применение теории стигматизации для объяснения проблем ресоциализации военнослужащих. Военнослужащие, возвращающиеся к гражданской жизни, могут столкнуться с различными стигмами, связанными с их военной службой:

- Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР): военнослужащие с ПТСР часто подвергаются стигматизации как «психически неуравновешенные» или «опасные». Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) – это психическое состояние, которое может развиваться у людей после того, как они пережили или стали свидетелями травмирующих событий. У военнослужащих это расстройство часто связано с опытом боевых действий, насилия, утраты товарищей и другими стрессовыми ситуациями, возникающими в ходе военной службы. ПТСР может возникнуть из-за сочетания различных факторов: прежде всего, это экстремальный стресс: боевые действия, смерть товарищей, серьезные травмы и другие критические переживания. Также отсутствие поддержки от семьи и друзей после возвращения домой может усугубить ситуацию. Наконец, индивидуальные факторы, такие как личностные характеристики, предшествующий опыт травм или наличие других психических расстройств оказывают влияние на развитие ПТСР.

- Физические увечья и инвалидность: военнослужащие, получившие ранения в бою, могут сталкиваться с дискриминацией и предрассудками из-за своей инвалидности.

- Военный опыт: непонимание гражданскими лицами реалий военной службы может приводить к стигматизации военнослужащих как «жестоких», «дегуманизированных», «способных на убийство».

- Безработица и социально-экономические проблемы: военнослужащие, испытывающие трудности с трудоустройством и адаптацией к гражданской жизни, могут подвергаться стигматизации как «неудачники» или «нахлебники».

- Предрассудки, связанные с участием в военных конфликтах: общественное мнение о конкретных военных конфликтах может негативно влиять на восприятие военнослужащих, участвовавших в них. Например, различное отношение население к СВО перекладывается на восприятие ее участников.

Процесс стигматизации участников СВО разворачивается, в соответствии с описанной выше теоретической схемой:

- Навешивание ярлыков: общество навешивает на военнослужащих определенные ярлыки (например, «ветеран с ПТСР», «инвалид войны»), основанные на негативных стереотипах.

- Стереотипизация: ярлыки усиливают негативные стереотипы о военнослужащих, приписывая им определенные качества и характеристики (например, «агрессивность», «непредсказуемость»).

- Предрассудки: стереотипы приводят к предвзятому отношению, негативным чувствам и установкам по отношению к военнослужащим.

- Дискриминация: предрассудки приводят к дискриминации, ограничению возможностей и исключению военнослужащих из социальной жизни.

На данный момент процесс стигматизации, скорее всего, не дошел до стадии дискриминации. Однако симптомы предшествующих этапов можно заметить, исходя из публикаций СМИ, комментариев читателей к этим публикациям, наблюдений самих участников СВО и высказываний населения.

Относительно причин стигматизации участников СВО можно высказать ряд предположений, носящих дискуссионный характер:

1. Положительная дискриминация. Льготы и социальные гарантии, предоставляемые участникам СВО и членам их семей, могут вызывать зависть представителей отдельных социальных групп и формировать стереотип «незаслуженности» этих льгот. Так, например, детям участников СВО учебные заведения предоставляют бесплатное горячее питание. Однако представители администраций этих заведений отмечают массовый отказ детей от данной льготы и стремление не демонстрировать свой статус. Это обстоятельство может указывать на формирование напряженности в отношениях со сверстниками по поводу их исключительного статуса.

2. Распространенная практика рекрутирования участников СВО из рядов заключенных или находящихся под следствием. В результате, у населения формируется стереотип, что все или почти все участники СВО имеют криминальное или уголовное прошлое.

3. Поведение отдельных участников СВО при возвращении к мирной жизни, характеризующееся демонстрацией собственного превосходства и требованием особых условий и привилегий. Как следствие, население, столкнувшееся с подобными проявлениями, стремится избегать общения с участниками СВО в дальнейшем.

Стигматизация участников СВО является проблемой, включающей социальные и политические аспекты.

В социальном плане данная тенденция создает барьеры для ресоциализации военнослужащих при возвращении их к мирной жизни.

- Снижение самооценки и уверенности в себе: стигматизация может подорвать самооценку военнослужащих и снизить их уверенность в своих силах, затрудняя процесс адаптации к гражданской жизни.
- Социальная изоляция и отчуждение: стигматизация может приводить к тому, что военнослужащие избегают социальных контактов или исключаются из социальных групп.
- Трудности с трудоустройством: стигматизация может затруднять поиск работы, поскольку работодатели опасаются нанимать военнослужащих с ПТСР или инвалидностью.
- Проблемы в межличностных отношениях: стигматизация может создавать проблемы в межличностных отношениях, поскольку гражданские лица испытывают неловкость или страх при общении с военнослужащими.
- Психологические проблемы: стигматизация может усугублять психологические проблемы военнослужащих, такие как депрессия, тревожность и чувство вины.

Политический аспект озвученной проблемы также имеет свои проявления:

Десолидаризация общества: стигматизация ведет к расколу общества на участников СВО и всех остальных, что способствует формированию у этих категорий своих, во многом не совпадающих интересов.

Манипулирование общественным мнением для формирования политических сил, транслирующих альтернативный вариант развития российского общества, подрыв политической стабильности.

Для преодоления проблем и барьеров, связанных со стигматизацией, военнослужащие могут использовать различные стратегии. Например, военнослужащие могут пытаться скрыть свои проблемы или ограничения, связанные с военной службой. Также они могут пытаться компенсировать свою стигматизацию, демонстрируя другие положительные качества и достижения. Военнослужащие могут отрицать негативные стереотипы и предрассудки, связанные с их военной службой. И естественно, участники СВО могут пытаться сформировать позитивную идентичность, основанную на своих достижениях и вкладе в общество. В качестве социальной стратегии может быть выбрано и объединение с другими стигматизированными людьми, так военнослужащие могут объединяться с другими ветеранами для взаимной поддержки и защиты от дискриминации.

Выводы и рекомендации. Теория стигматизации является важным инструментом для понимания проблем, с которыми сталкиваются военнослужащие при ресоциализации. Стигматизация, связанная с их военной службой, может приводить к снижению самооценки, социальной изоляции, трудностям с трудоустройством и другим негативным последствиям. Программы ресоциализации должны быть направлены на борьбу со стигматизацией и создание благоприятной социальной среды, чтобы помочь военнослужащим успешно адаптироваться к гражданской жизни. Программы ресоциализации должны быть направлены на борьбу со стереотипами и предрассудками, связанными с военнослужащими, и на повышение осведомленности общественности о проблемах, с которыми они сталкиваются.

Также на институциональном уровне должна оказываться психологическая помощь военнослужащим, страдающим от ПТСР и других психологических проблем. Эта поддержка должна помогать им справляться со стигматизацией и дискриминацией. Важным аспектом адаптации к мирной жизни должны стать программы содействия трудоустройству военнослужащих, направленные на помощь в поиске работы и преодоление дискриминации со стороны работодателей.

Создание поддерживающей социальной среды могут взять на себя некоммерческие организации. Для военнослужащих в процессе адаптации необходимо функционирование сообществ, площадок, клубов, где они могут чувствовать себя принятыми и понятыми. Социальные проекты с участием военнослужащих должны помочь им повышать самооценку и уверенность в себе. Все это необходимо для успешной адаптации участников СВО к гражданской жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Беккер, Г. Аутсайдеры : Исследования по социологии девиантности. М. : Элементарные формы, 2018. 272 с.
2. Бовина, И. Б., Якушенко, А. В. Стигматизация психически больных людей и борьба с ней: социально-психологическое измерение проблемы // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stigmatizatsiya-psihicheski-bolnyh-lyudey-i-borba-s-ney-sotsialno-psihologicheskoe-izmerenie-problemy> (дата обращения: 26.04.2025).
3. Бубнова, М. И., Медведев, М. А. Роль стигматизации в социальных коммуникациях // Научные высказывания. 2021. № 8 (8). С. 20-22. URL: <https://nvjournal.ru/article/86-rol-stigmatizatsii-v-sotsialnikh-kommunikatsiya> (дата обращения: 11.04.2025).
4. Дессау, М. И. Стигматизация, качество жизни, приверженность диспансерному наблюдению и лечению больных ВИЧ-инфекцией / М. И. Дессау, Д. А. Лиознов, С. Л. Николаенко, Т. В. Беляева // Инфекционные болезни: Новости. Мнения. Обучение. 2017. № 4 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stigmatizatsiya-kachestvo-zhizni-priverzhennost-dispansernomu-nablyudeniyu-i-lecheniyu-bolnyh-vich-infektsiey> (дата обращения: 26.04.2025).
5. Пашковский, Е. А. Социальная стигматизация в современном образовании // Дискурс. 2017. № 3. URL: [https://discourse.etu.ru/assets/files/pashkovskij-e.a\(2\).pdf](https://discourse.etu.ru/assets/files/pashkovskij-e.a(2).pdf) (дата обращения: 11.04.2025).
6. Goffman, E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. New York: Prentice Hall, 1963. 147 p.
7. Link, B., Phelan, J. Conceptualizing Stigma // Annual Review of Sociology. URL: www.annualreviews.org/doi/abs/10.1146/annurev.soc.27.1.363 (дата обращения: 11.04.2025).

REFERENCES

1. Bekker, G. Outsiders : Issledovaniya po sotsiologii deviantnosti [Outsiders: Research in the Sociology of Deviance]. Moscow: Elementary Forms, 2018. 272 p.
2. Bovina, I. B., Yakushenko, A. V. Stigmatization of mentally ill people and the fight against it: socio-psychological dimension of the problem. Bulletin of RUDN. Series: Psychology and pedagogy, 2015. no. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stigmatizatsiya-psihicheski-bolnyh-lyudey-i-borba-s-ney-sotsialno-psihologicheskoe-izmerenie-problemy> (date of access: 26.04.2025).
3. Bubnova, M. I., Medvedev, M. A. The role of stigmatization in social communications. Scientific statements, 2021. No. 8 (8). Pp. 20-22. URL: <https://nvjournal.ru/article/86-rol-stigmatizatsii-v-sotsialnikh-kommunikatsiya> (date of access: 11.04.2025).
4. Dessau, M. I., Lioznov, D. A., Nikolaenko, S. L., Belyaeva, T. V. Stigmatization, quality of life, adherence to dispensary observation and treatment of patients with HIV infection. Infectious

diseases: News. Opinions. Training, 2017. No. 4 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stigmatizatsiya-kachestvo-zhizni-priverzhennost-dispansernomu-nablyudeniyu-i-lecheniyu-bolnyh-vich-infektsiy> (date of access: 26.04.2025).

5. Pashkovsky, E. A. Social stigmatization in modern education. Discourse, 2017. No. 3. URL: [https://discourse.etu.ru/assets/files/pashkovskij-e.a\(2\).pdf](https://discourse.etu.ru/assets/files/pashkovskij-e.a(2).pdf) (date of access: 11.04.2025).

6. Goffman, E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. New York: Prentice Hall, 1963. 147 p.

7. Link, B., Phelan, J. Conceptualizing Stigma // Annual Review of Sociology. Access mode: www.annualreviews.org/doi/abs/10.1146/annurev.soc.27.1.363 (date of access: April 11, 2025).

Информация об авторах

Болдина Марина Юрьевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 400066, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8, koma34@mail.ru, ORCID: 0000-0002-6506-1176, SPIN-код: 1580-5954, AuthorID: 668023

Вишняков Виталий Владимирович, аспирант кафедры социологии, общей и юридической психологии Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 400066, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8, 22220aa@rambler.ru

Information about Authors

Marina Yu. Boldina, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor of the Department of Sociology, General and Legal Psychology, Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, 8, Gagarina str., Volgograd, 400066, Russian Federation. koma34@mail.ru, ORCID: 0000-0002-6506-1176, SPIN-код: 1580-5954, AuthorID: 668023

Vitaly V. Vishnyakov, Postgraduate Student of the Department of Sociology, General and Legal Psychology, Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, 8, Gagarina str., Volgograd, 400066, Russian Federation. 22220aa@rambler.ru

Для цитирования: Болдина М. Ю., Вишняков В. В. Стигматизация участников специальной военной операции на Украине как социально-политическая проблема // Парадигмы управления, экономики и права. 2025. Т. 6, № 3 (17). С. 53-62. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2025_N3.pdf.

ЭКОНОМИКА

ECONOMICS

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

SOCIAL AND ECONOMIC ANALYSIS

УДК 338.2

ОСОБЕННОСТИ И МЕТОДЫ ОЦЕНКИ НАЛОГОВЫХ РИСКОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Наталья Анатольевна Алексеева, Екатерина Игоревна Радько

Удмуртский государственный аграрный университет,

г. Ижевск, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Комплексный анализ методов оценки налоговых рисков сельскохозяйственных предприятий, а также результатов налоговых проверок являются актуальной проблемой, обусловленной спецификой отрасли и повышенным вниманием контролирующих органов. Цель исследования состоит в изучении ключевых подходов к идентификации и минимизации налоговых рисков в агропромышленном секторе.

Методы. Методологическую основу исследования составили научные работы отечественных ученых, данные ФНС России, Росстата, Министерства сельского хозяйства РФ, собственные исследования. Применены общенаучные и специфические методы исследования: системный анализ, комплексный подход, сравнительный анализ, элементы экономико-статистического анализа.

Анализ. Исследование включает обзор особенностей сельскохозяйственной деятельности предприятий и их отражения в расчетах налоговых рисков на предприятиях, анализ качественных и количественных методов оценки, а также анализ статистики налоговых нарушений. Особое внимание уделено интерпретации данных и практическим рекомендациям по снижению рисков при применении специальных налоговых режимов, таких как ЕСХН.

Результаты. Результаты исследования могут быть использованы для проведения самостоятельных проверок налоговой нагрузки сельскохозяйственными предприятиями, соответствия их критериям применения специальных налоговых режимов, повышения финансовой устойчивости сельскохозяйственных предприятий и оптимизации их налоговой нагрузки, совершенствования методик проведения проверок налоговыми органами.

Ключевые слова: налоговые риски, оценка налоговых рисков, методы анализа налоговых рисков, налоговый контроль, налоговые нарушения, единый сельскохозяйственный налог, специальные налоговые режимы.

UDC 338.2

FEATURES AND METHODS OF ASSESSING TAX RISKS OF AGRICULTURAL ACTIVITIES

Natalya A. Alekseeva, Ekaterina I. Radko

Udmurt State Agrarian University, Izhevsk, Russian Federation

Abstract. Introduction. A comprehensive analysis of methods for assessing the tax risks of agricultural enterprises, as well as the results of tax audits, is an urgent problem due to the specifics of the industry and the increased attention of regulatory authorities. The purpose of the study is to explore key approaches to identifying and minimizing tax risks in the agro-industrial sector.

Methods. The methodological basis of the study was the scientific work of domestic scientists, data from the Federal Tax Service of Russia, Rosstat, the Ministry of Agriculture of the Russian Federation, and their own research. General scientific and specific research methods were applied: system analysis, integrated approach, comparative analysis, elements of economic and statistical analysis.

Analysis. The study includes an overview of the characteristics of agricultural activities of enterprises and their reflection in the calculations of tax risks at enterprises, an analysis of qualitative and quantitative methods of assessment, as well as an analysis of statistics on tax violations. Particular attention is paid to data interpretation and practical recommendations for risk mitigation in the application of special tax regimes, such as the Unified Tax System.

Results. The results of the study can be used to conduct independent inspections of the tax burden by agricultural enterprises, their compliance with the criteria for applying special tax regimes, increase the financial stability of agricultural enterprises and optimize their tax burden, and improve the methods of conducting inspections by tax authorities.

Keywords: tax risks, assessment of tax risks, methods of tax risk analysis, tax control, tax violations, unified agricultural tax, special tax regimes.

Введение. Налоговые риски – это вероятность и размер неблагоприятных последствий политики предприятия, касающихся налоговой оптимизации, усложняющих деятельность налогоплательщика вплоть до остановки деятельности. Уплата налогов и сборов является расходной частью бизнеса. Одной из стратегий управления предприятием является стратегия минимизации затрат, в т.ч. за счет уплаты налогов и сборов. Так что налоговая оптимизация – это законное желание налогоплательщика [2; 4]. С другой стороны, ввиду темпа развития хозяйственных отношений растет уровень налогового администрирования и налогового контроля со стороны налоговых органов за различными моделями минимизации налогов. Зача-

стую политика оптимизации налогообложения может повлечь и такие неблагоприятные последствия для налогоплательщика как переквалификация сделки, признание необоснованной налоговой выгоды, налоговая ответственность, а в некоторых случаях и уголовная ответственность. Например, УК РФ статьей 198 пунктом 1 предусматривается ответственность за уклонение физического лица от уплаты налогов, сборов и (или) физического лица-плательщика страховых взносов от уплаты страховых взносов путем непредставления налоговой декларации (расчета) или иных документов, либо путем включения в налоговую декларацию (расчет) или такие документы заведомо ложных сведений, совершенное в крупном размере, в виде штрафа в размере от ста тысяч до трехсот тысяч руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо принудительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до одного года [8; 12].

Сельское хозяйство остается одной из стратегически важных отраслей российской экономики, обеспечивая за 2023 г. около 4,7 % ВВП страны [10]. Однако специфика отрасли создает уникальные налоговые риски, требующие особого подхода к управлению. Усилилась деятельность налоговых органов по проведению выездных проверок. Так по итогам 2024 г. проведено около 5 тыс. таких проверок и в 98 % случаев были основания для доначисления налогов [7].

Цель исследования – выявление особенностей налоговых рисков в сельском хозяйстве, систематизация методов оценки налоговых рисков сельскохозяйственных предприятий и разработка практических рекомендаций по их минимизации.

Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи:

- анализ теоретических основ сельскохозяйственных налоговых рисков, классификация методов оценки налоговых рисков (качественные и количественные подходы);
- анализ статистики налоговых нарушений в агросекторе;
- разработка рекомендаций по оптимизации налоговой нагрузки и повышению финансовой устойчивости сельхозпредприятий.

Материалы и методы исследования. Теоретическую основу исследования составили опубликованные научные работы российских ученых об особенностях налоговых рисков в сельском хозяйстве и походах к их оптимизации. Эмпирическую базу исследования составили данные статистики и данные выездных проверок ФНС по сельхозпредприятиям за 2020–2023 гг. Применены методы системного анализа, комплексного подхода, сравнительного анализа, элементы экономико-статистического анализа.

Основная часть. Общий подход к налогообложению сельскохозяйственных организаций осложняется их уникальными характеристиками: выраженной сезонностью, высокой зависимостью от природно-климатических условий, разнообразием видов деятельности, а также специфическими особенностями реализации и хранения продукции. Можно согласиться с Т. С. Сычевой в том, что эти факторы формируют комплексные риски, характерные для аграрного сектора, а также особые меры противостояния рискам [14].

Высокая степень рисков в сельскохозяйственном производстве делает практически невозможным их полноценное страхование, что определяет необходимость особого налогового подхода. В связи с этим было признано целесообразным не только предоставление отдельных налоговых льгот в рамках общей системы налогообложения, но и введение специализированного налогового режима, ориентированного на сельскохозяйственных товаропроизводителей. При этом в действующем налоговом законодательстве существуют отдельные преференции по ряду налогов, направленные на поддержку аграрных предприятий.

Анализ зарубежного опыта показывает, что в большинстве развитых экономик эволюция налогообложения сельского хозяйства шла в сторону упрощения системы за счет сокращения количества налогов и снижения их ставок, расширения налоговой базы и отмены специальных льгот. Специальные налоговые режимы, выделяющие сельскохозяйственный сектор, как правило, не применяются и считаются характерными преимущественно для стран постсоветского пространства.

В развитых странах налоговые льготы в аграрном секторе целенаправленно стимулируют научно-технический прогресс и способствуют ускоренному внедрению инновационных технологий. Например, в США фермеры имеют право инвестировать до 25 % своей прибыли в приоритетные направления производства без налоговых начислений. Исследователи (Е. С. Тищенко, В. Е. Нохрина) отмечают, что в ряде государств Европейского союза государственные бюджеты частично компенсируют налоговые обязательства, связанные с приростом инвестиций в сельское хозяйство [15].

В российской налоговой системе сформировался универсальный льготный подход к налогообложению сельскохозяйственной отрасли, предоставляющий организациям и индивидуальным предпринимателям возможность выбирать наиболее выгодную налоговую систему, ориентируясь на рациональность применения и снижение налоговых рисков. Например, определённые транспортные средства, применяемые в сельскохозяйственных работах и зарегистрированные на сельскохозяйственных товаропроизводителей – такие как тракторы, самоходные комбайны и специальные сельхозавтомобили – освобождаются от уплаты транспортного налога, что существенно снижает налоговую нагрузку ввиду высокой мощности этих машин.

Дополнительно действует льгота по налогу на имущество организаций: движимое имущество, учтенное в качестве основных средств, исключается из объектов налогообложения. В сфере земельного законодательства предусмотрены сниженные налоговые ставки на земельные участки, классифицированные как земли сельскохозяйственного назначения, либо входящие в сельскохозяйственные зоны населённых пунктов и используемые в агропроизводстве, а также земли, предназначенные для личных подсобных хозяйств. Муниципальные органы вправе устанавливать пониженные ставки налога в пределах 0,3 %. Для сельскохозяйственных товаропроизводителей установлен льготный режим по налогу на добавленную стоимость, общеизвестно, что пониженная ставка 10 % применяется к ряду реализуемых ими товаров.

Важные преимущества имеются и в налогообложении прибыли для деятельности, связанной с реализацией произведённой сельскохозяйственной продукции и её переработкой. Право на применение данной льготы имеют субъекты, обладающие статусом сельхозтоваропроизводителя в рамках специального режима ЕСХН.

В современной экономической науке выделяют несколько методов оценки налоговых рисков в сельском хозяйстве [1; 13]:

- качественный анализ (идентификация рисков на основе различных классификаций и нормативных требований, проведенная на основе, например, экспертных интервью с аудиторами и налоговыми консультантами агросектора);
- количественный анализ (расчет возможных финансовых потерь и оценка вероятности рисков на основе экспертных оценок или статистики, расчет критериев соответствия специальным налоговым режимам. Например, определение соотношения доходов от сельскохозяйственной деятельности к общей выручке предприятия в условиях ЕСХН);
- сценарное моделирование (прогнозирование налоговых последствий при изменении законодательства);
- аудит налоговой отчетности (проверка правильности заполнения деклараций) (табл. 1).

Таблица 1 – Методы оценки налоговых рисков в сельском хозяйстве

Метод оценки	Характеристика	Инструменты/источники данных	Применение в сельском хозяйстве
Качественный анализ	Идентификация рисков на основе экспертных оценок и нормативных требований	Отраслевые стандарты Экспертные заключения Судебная практика Нормативные правовые акты	Анализ соответствия деятельности критериям ЕСХН Оценка правомерности учета субсидий Проверка соблюдения лимитов по спецрежимам
Количественный анализ	Расчет возможных финансовых потерь в денежном выражении и вероятности рисков, расчет критериев соответствия специальным налоговым режимам	Налоговые калькуляторы Финансовая отчетность Статистические данные Росстат, ФНС России	Расчет сумм доначислений при ошибках в ЕСХН Оценка потерь от неправильного учета расходов Прогноз штрафных санкций
Сценарное моделирование	Прогнозирование налоговых последствий при изменении условий хозяйствования или законодательства	Финансовые модели (Excel, специализированное программное обеспечение) Прогнозы урожайности Анализ законопроектов	Оценка последствий отмены льгот Расчет налоговой нагрузки при изменении ставок Анализ влияния климатических рисков
Аудит налоговой отчетности	Проверка правильности заполнения деклараций и соответствия требованиям законодательства	Электронные системы проверки (ФНС России) Методические указания Минсельхоза Внутренние регламенты предприятий	Выявление технических ошибок в декларациях Проверка обоснованности расходов Контроль сроков подачи отчетности

По данным ФНС России за 2023 г. более 60 % предприятий использовали спецрежимы (ЕСХН, УСН) (табл. 2) [11].

Таблица 2 – Основные налоговые режимы в АПК

Налоговый режим	Ставка, %	Доля предприятий АПК, %
ЕСХН	6	45
УСН (доходы)	6	25
УСН (доходы-расходы)	15	10
ОСНО	20	20

ЕСХН остается самым популярным режимом налогообложения (45 % предприятий), что объясняется его низкой ставкой (6 %) и адаптированностью под отрасль [5]. УСН используют 25 % сельхозпроизводителей, что говорит о его востребованности среди небольших хозяйств. ОСНО применяют преимущественно крупные агрохолдинги (20 %), что связано с необходимостью НДС-вычетов (табл. 3).

Таблица 3 – Распространенные налоговые риски в АПК [9]

Риск	Доля случаев, %	Последствия
Некорректный учет расходов	40	Доначисления налогов и штрафы
Ошибки при применении ЕСХН	25	Потеря права на спецрежим
Расхождения в отчетности	20	Риск выездной проверки ФНС России
Неправильный учет субсидий	15	Доплата налогов и пени

Исследование основных налоговых рисков выявляет значительную проблему, связанную с некорректным учетом расходов, которая проявляется в 40 % выявленных нарушений. Чаще всего фиксируется завышение норм списания горюче-смазочных материалов на 15–20 % и отсутствие первичной документации примерно на 30 % закупаемых удобрений. Для минимизации указанных рисков необходимо внедрение комплексной системы документального контроля, включающего обязательную проверку актов выполненных работ, путевых листов и результатов лабораторного анализа почвы.

Отдельного внимания требуют трудности при правомерном применении специального налогового режима ЕСХН, где ошибки обнаруживаются в четверти случаев. Основные затруднения связаны с некорректным отражением операций по переработке сельскохозяйственной продукции при доле переработки свыше 30 % от общей выручки, а также с неверным определением доли сельскохозяйственных доходов в общем доходе. Для предотвращения подобных нарушений Т. В. Зырянова и Е. В. Манакова рекомендуют ежемесячные мони-

торинговые процедуры, обеспечивающие детализацию структуры доходов по видам экономической деятельности в соответствии с кодами ОКВЭД-2 [6].

Кроме того, значительную проблему составляет учет государственных субсидий, где нарушения зафиксированы в 15 % случаев. Наиболее частой ошибкой является включение целевых субсидий в налогооблагаемую базу, что противоречит нормативным требованиям. Для корректного учета необходимо строго разграничивать категории государственной поддержки: субсидии, направленные на возмещение процентной ставки, они освобождены от налогообложения, в то время как компенсационные выплаты части производственных затрат подлежат включению в состав доходов [3].

В результате выявленных нарушений суммы доначислений налогов у сельскохозяйственных предприятий составили значительные величины (рис. 1).

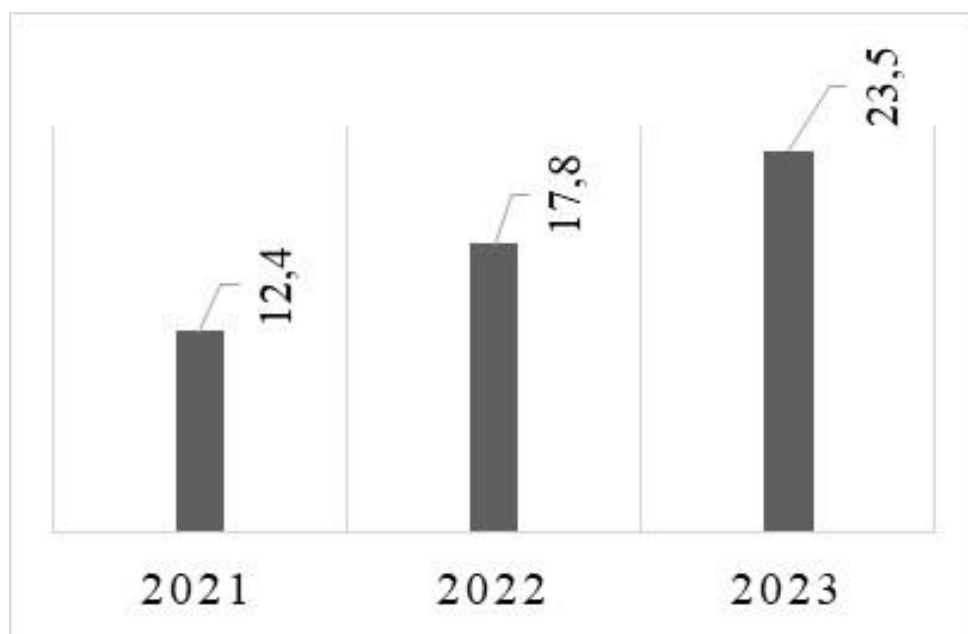

Рисунок 1 – Доначисления сельхозпредприятиям, млрд. руб.

Заключение. Проведенное исследование методов оценки налоговых рисков сельскохозяйственной деятельности и ее особенностей позволяет констатировать, что сельскохозяйственные предприятия сталкиваются со значительными налоговыми рисками, обусловленными как спецификой отрасли, так и сложностью нормативного регулирования. Анализ данных Росстата и ФНС России показал, что основными проблемными зонами остаются некорректный учет расходов, ошибки при применении специальных режимов налогообложения и неправильное отражение государственной поддержки. При этом эффективное управление налоговыми рисками требует комплексного подхода, сочетающего регулярный мониторинг законодательства, глубокий анализ финансовых показателей и использование современных методов оценки.

По нашему мнению, особое значение приобретает дифференцированный подход к предприятиям разного масштаба – от автоматизации учета для малых хозяйств до разработки сложных сценарных моделей для крупных агрохолдингов. Практика свидетельствует, что своевременное выявление и профилактика налоговых рисков позволяют не только избежать существенных финансовых потерь, но и оптимизировать налоговую нагрузку. В условиях изменяющегося законодательства и усиления контроля со стороны налоговых органов сельхозпроизводителям необходимо уделять особое внимание квалификации персонала экономических служб и внедрению цифровых инструментов контроля. Реализация предложенных в статье методов оценки рисков, которые предприятия могли бы сами применять для предупреждения потерь, создает основу для устойчивого развития агробизнеса и минимизации потенциальных негативных последствий. Ключевым фактором успеха становится системный подход, объединяющий анализ нормативных требований, финансовое моделирование и регулярный внутренний аудит.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеева, Н. А. Самостоятельная оценка налоговых рисков предприятиями // Наука Удмуртии. 2024. № 1 (104). С. 34-45.
2. Алексеева, Н. А. Ориентиры инвестиционного развития сельского хозяйства региона / Н. А. Алексеева, О. И. Рыжкова, Н. Б. Пименова // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2025. Т. 35, № 1. С. 17-24. DOI: 10.35634/2412-9593-2025-35-1-17-24
3. Алексеева, Н. А. Реалии, перспективы и эффективность государственной поддержки сельского хозяйства / Н. А. Алексеева, В. А. Соколов // Управленческий учет. 2021. № 2-1. С. 4-11.
4. Векторы социально-экономического развития России: современные вызовы и возможности: монография / С. Л. Данильченко, В. С. Шемет, А. В. Минаков [и др.]. Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2025. 172 с. DOI: 10.31483/a-10685
5. Единый сельскохозяйственный налог: преимущества и недостатки применения / М. В. Калинская, А. Ф. Кузина, В. В. Бондарева, Д. Д. Гончарова // Вестник Академии знаний. 2024. № 1 (60). С. 424-428.
6. Зырянова, Т. В. Влияние методов контроля запасов на эффективность деятельности предприятий АПК / Т. В. Зырянова, Е. В. Манакова // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2024. № 10. С. 28-36. DOI: 10.31442/0235-2494-2024-0-10-28-36
7. Налоговый контроль в цифрах и фактах. Статистика ФНС и бюджета 2024-2025. URL: <https://pravovest-audit.ru/nashi-statii-nalogi-i-buhuchet/nalogovaya-realnost-v-tsifrakh-i-faktakh/?ysclid=mc93rurbd4809916386> (дата обращения: 22.06.2025).

8. Носов, А. В. Оценка уровня налоговой безопасности сельскохозяйственной организации / А. В. Носов, Д. А. Мурзин, Т. Ф. Боряева // Сурский вестник. 2023. № 3 (23). С. 95-99. DOI: 10.36461/2619-1202_2023_03_016
9. Официальный сайт Министерства сельского хозяйства РФ. URL: <https://mcx.gov.ru/> (дата обращения: 08.06.2025).
10. Официальный сайт Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 08.06.2025).
11. Официальный сайт ФНС РФ. URL: <https://www.nalog.gov.ru/rn77/> (дата обращения: 08.06.2025).
12. Рудская, И. Б. Оценка влияния налоговой нагрузки на финансовые результаты деятельности сельскохозяйственных организаций / И. Б. Рудская, Г. В. Лебедева // Исследование проблем экономики и финансов. 2025. № 1. DOI: 10.31279/2782-6414-2025-1-6. EDN NMSBZO.
13. Смирнова, Е. В. Антикризисное управление: современные методы диагностики / Е. В. Смирнова. М.: Экономика, 2024. 320 с.
14. Сычева, Т. С. Проблемы и перспективы риск-менеджмента на предприятиях АПК // Актуальные вопросы современной экономики. 2022. № 6. С. 162-170.
15. Тищенко, Е. С. Налоговый менеджмент как фактор эффективного управления финансовыми ресурсами предприятия / Е. С. Тищенко, В. Е. Нохрина // Естественно-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (54). С. 347-353. EDN RUFLCU.

REFERENCES

1. Alekseeva, N. A. Samostoyatel'naya otsenka nalogovykh riskov predpriyatiyami // Nauka Udmurtii. 2024. № 1 (104). S. 34-45.
2. Alekseeva, N. A. Orientiry investitsionnogo razvitiya sel'skogo khozyaystva regiona / N. A. Alekseeva, O. I. Ryzhkova, N. B. Pimenova // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo. 2025. T. 35, № 1. S. 17-24. DOI 10.35634/2412-9593-2025-35-1-17-24
3. Alekseeva, N. A. Realii, perspektivy i effektivnost' gosudarstvennoy podderzhki sel'skogo khozyaystva / N. A. Alekseeva, V. A. Sokolov // Upravlencheskiy uchët. 2021. № 2-1. S. 4-11.
4. Vektory sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii: sovremennye vyzovy i vozmozhnosti: monografiya / S. L. Danil'chenko, V. S. Shemet, A. V. Minakov [i dr.]. Cheboksary: ООО «Izdatel'skiy dom «Sreda», 2025. 172 s. DOI 10.31483/a-10685
5. Edinyy sel'skokhozyaystvennyy nalog: preimushchestva i nedostatki primeneniya / M. V. Kalinskaya, A. F. Kuzina, V. V. Bondareva, D. D. Goncharova // Vestnik Akademii znaniy. 2024. № 1 (60). S. 424-428.

6. Zyryanova, T. V. Vliyanie metodov kontrolya zapasov na effektivnost' deyatel'nosti predpriyatiy APK / T. V. Zyryanova, E. V. Manakova // *Ekonomika sel'skokhozyaystvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatiy*. 2024. № 10. S. 28-36. DOI 10.31442/0235-2494-2024-0-10-28-36
7. Nalogovyy kontrol' v tsifrakh i faktakh. Statistika FNS i byudzheta 2024-2025. URL: <https://pravovest-audit.ru/nashi-statii-nalogi-i-buhuchet/nalogovaya-realnost-v-tsifrakh-i-faktakh/?ysclid=mc93rurbd4809916386> (data obrashcheniya: 22.06.2025).
8. Nosov, A. V. Otsenka urovnya nalogovoy bezopasnosti sel'skokhozyaystvennoy organizatsii / A. V. Nosov, D. A. Murzin, T. F. Boryaeva // *Surskiy vestnik*. 2023. № 3 (23). S. 95-99. DOI: 10.36461/2619-1202_2023_03_016
9. Ofitsial'nyy sayt Ministerstva sel'skogo khozyaystva RF. URL: <https://mcx.gov.ru/> (data obrashcheniya: 08.06.2025).
10. Ofitsial'nyy sayt Rosstata. URL: <https://rosstat.gov.ru> (data obrashcheniya: 08.06.2025).
11. Ofitsial'nyy sayt FNS RF. URL: <https://www.nalog.gov.ru/m77/> (data obrashcheniya: 08.06.2025).
12. Rudskaya, I. B. Otsenka vliyaniya nalogovoy nagruzki na finansovye rezul'taty deyatel'nosti sel'skokhozyaystvennykh organizatsiy / I. B. Rudskaya, G. V. Lebedeva // *Issledovanie problem ekonomiki i finansov*. 2025. № 1. DOI 10.31279/2782-6414-2025-1-6. EDN NMSBZO.
13. Smirnova, E. V. Antikrizisnoe upravlenie: sovremennyye metody diagnostiki / E. V. Smirnova. M.: Ekonomika, 2024. 320 s.
14. Sycheva, T. S. Problemy i perspektivy risk-menedzhmenta na predpriyatiyakh APK // *Aktual'nye voprosy sovremennoy ekonomiki*. 2022. № 6. S. 162-170.
15. Tishchenko, E. S. Nalogovyy menedzhment kak faktor effektivnogo upravleniya finansovymi resursami predpriyatiya / E. S. Tishchenko, V. E. Nokhrina // *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya*. 2024. № 4 (54). S. 347-353. EDN RUFLCU.

Информация об авторах

Наталья Анатольевна Алексеева, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и организации АПК Удмуртского государственного аграрного университета, ул. Свердлова, 30, 426069, г. Ижевск, Российская Федерация, 497477@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4220-0193>, SPIN-код: 8709-9766, AuthorID: 644352

Екатерина Игоревна Радько, студент экономического факультета Удмуртского государственного аграрного университета, ул. Свердлова, 30, 426069, г. Ижевск, Российская Федерация, ekaterinaradko20@gmail.com

Information about Authors

Natalya A. Alekseeva, Doctor of Economics, Professor, Department of Economics and Organization of Agro-Industrial Complex, Udmurt State Agrarian University, Sverdlova Str., 30, 426069, Izhevsk, Russian Federation, 497477@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4220-0193>, SPIN-код: 8709-9766, AuthorID: 644352

Ekaterina I. Radko, student of the Faculty of Economics, Udmurt State Agrarian University, st. Sverdlova, 30, 426069, Izhevsk, Russian Federation, ekaterinaradko20@gmail.com

Для цитирования: Алексеева Н. А., Радько Е. И. Особенности и методы оценки налоговых рисков сельскохозяйственной деятельности // Парадигмы управления, экономики и права. 2025. Т. 6, № 3 (17). С. 64-74. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2025_N3.pdf.

УДК 369.04(510)

ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ОЦЕНКЕ ВЗАИМОСВЯЗИ И КООРДИНАЦИИ МЕЖДУ ПОТЕНЦИАЛОМ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ И ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКОЙ*

На Ли, Нин Ван

Колледж менеджмента, Чанчуньский университет,
Чанчунь, Китай 130022

Аннотация. В этой статье рассматривается скоординированное развитие цифровой экономики и предоставление услуг по уходу за пожилыми людьми в сельской местности. На основе панельных данных из 31 провинции Китая за 2021 год была построена комплексная система индексов для цифровой экономики и обеспечения ухода за пожилыми людьми в сельской местности, которая была проанализирована с использованием метода энтропии и модели степени координации взаимосвязи. Исследование показало, что существуют значительные региональные различия в комплексном уровне развития цифровой экономики и предоставлении услуг по уходу за пожилыми людьми в сельской местности. Восточные прибрежные регионы (такие как Гуандун, Цзянсу и Чжэцзян) продемонстрировали выдающиеся результаты в развитии цифровой экономики и предоставлении услуг по уходу за пожилыми людьми в сельской местности, в то время как западные регионы (такие как Сицзян, Цинхай и Нинся) относительно отстают. Степень координации взаимодействия в целом показала положительную динамику, но уровень скоординированного развития между регионами, очевидно, был разным. Восточный регион вступил в стадию хорошей или высококачественной координации, в то время как западный регион все еще находился в состоянии серьезного или умеренного дисбаланса. В этом документе предлагается придерживаться политики региональной дифференциации, осуществлять целенаправленные меры, углублять сотрудничество между деревнями и общинами, содействовать интеграции ресурсов, повышать цифровую грамотность пожилых людей, преодолевать цифровой разрыв, создавать систему межрегиональных связей и содействовать совместному использованию ресурсов для улучшения скоординированного развития сельского ухода за пожилыми людьми и цифровых технологий. экономика.

Ключевые слова: пенсионное обеспечение в сельской местности; производственный потенциал; цифровая экономика; координация взаимодействия.

* Проекты фонда: Проект университетского уровня Чанчуньского университета: «Исследование инноваций и развитие индустрии интеллектуального ухода за пожилыми людьми в контексте цифровизации» (№ SKZXZ202305).

UDC 369.04(510)

STUDY ON EVALUATION OF COUPLING AND COORDINATION BETWEEN RURAL PENSION SUPPLY CAPACITY AND DIGITAL ECONOMY*

Na Li, Ning Wang

Management College, Changchun University,
Changchun, China 130022

Abstract. This paper explores the coordinated development of the digital economy and rural elderly care service supply. Based on panel data from 31 provinces in China in 2021, a comprehensive index system for the digital economy and rural elderly care supply was constructed and analyzed using the entropy method and the coupling coordination degree model. The study found that there are significant regional differences in the comprehensive level of digital economy and rural elderly care service supply. The eastern coastal regions (such as Guangdong, Jiangsu, and Zhejiang) have shown outstanding performance in digital economy development and rural elderly care service supply, while the western regions (such as Xizang, Qinghai, and Ningxia) lag behind relatively. The coupling coordination degree generally showed a positive trend, but the level of coordinated development among regions was obviously different. The eastern region had entered the stage of good or high-quality coordination, while the western region was still in the state of serious or mild imbalance. This paper proposes to adhere to regional differentiation policies, implement targeted measures, deepen village and community collaboration, promote resource integration, improve the digital literacy of the elderly, bridge the digital divide, build a cross-regional linkage system, and promote resource sharing to improve the coordinated development of rural elderly care and digital economy.

Keywords: rural pension care; supply capacity; digital economy; coupling coordination.

I. Introduction

With the intensification of population aging in rural China, enhancing the supply capacity of rural elderly care services has become an urgent need to improve people's livelihood and promote social harmony. As an innovative development model, the digital economy has brought new opportunities for the improvement of rural elderly care services. Currently, rural elderly care services face challenges such as low service quality, uneven development, and inefficient resource allocation [1]. In the new context of China's national strategy for population aging, the collaborative innovation

* Fund projects: University-level project of Changchun University: "Research on Innovation and Development of Smart Elderly Care Industry in the Context of Digitalization" (No. SKZXZ202305).

model empowered by digital technology in building rural elderly care systems offers an innovative solution to address the imbalance in elderly care resources between urban and rural areas. The 2025 Government Work Report of the Third Session of the 14th National People's Congress emphasized accelerating the development of the third pillar of pension insurance and effectively implementing the individual pension system. To proactively address population aging, policymakers will enhance policy frameworks for elderly care services and industries while vigorously developing the silver economy. Meanwhile, the application of digital technologies in rural areas has laid a solid foundation for improving elderly care service provision in these regions. Technologies such as big data, cloud computing, and artificial intelligence can optimize the allocation of rural elderly care resources to improve service efficiency and provide more convenient and personalized services for the elderly. Additionally, digital technologies can promote innovation in rural elderly care service models, such as developing smart elderly care and telemedicine, which are gradually meeting the needs of the elderly. By integrating regional development strategies, exploring the correlation and differential causes between the digital economy and the supply capacity of rural elderly care services through coordinated development holds significant theoretical and practical implications for enhancing China's rural elderly care services.

II. Review of The Literature

How to Effectively Meet the Growing Elderly Care Needs in Rural Areas? Research on rural elderly care service supply involves multiple aspects. Zhang Yanxia et al. (2024) explored pathways for sustainable participation of external entities in rural elderly care services, emphasizing the importance of leveraging their organizational integration advantages to ensure the sustainability of rural elderly care supply [2]. Zhang Jianghai et al. (2024) explored the multifaceted applications of digital technologies in rural elderly care services, including multi-stakeholder communication and precision data collection from a technology empowerment perspective [3]. Meanwhile, A Qi (2024) investigated how evolving family structures reshape elderly care practices, highlighting the coexistence of «discontinuity» and «continuity» in traditional care models [4]. Jin Jing (2024) conducted research on embedded elderly care service supply mechanisms, proposing to enhance rural elderly care governance efficiency through multi-dimensional integration including spatial layout, resource allocation, and structural optimization [5]. Wang Xiangyang et al. (2024), from the perspective of «village community endogenous development», argue that village-endogenous family-based elderly care facilities better align with rural realities and demonstrate strong market adaptability [6]. Wu Chunmei et al. (2024) analyzed the value realization of rural elderly care service supply, proposing solutions such as government-driven initiatives and urban-enterprise collaboration to address existing issues [7]. Wang Liumeng et al. (2023), through examining the evolution of rural pension security systems, highlighted current challenges including imbalanced urban-rural investment allocation and insufficient precision in coverage [8]. Nie Jianliang et al. (2023) proposed a multi-level

resource integration approach that combines structural optimization, supply patterns, and demand alignment to meet diverse needs of elderly populations [9]. These studies collectively provide multidimensional theoretical support and practical guidance for optimizing rural elderly care services, thereby promoting high-quality development in this sector. Furthermore, extensive research has been conducted on the digital economy's impacts on industrial growth, regional development, and social welfare in rural areas. Zhu Tian (2025), Zhao Yixing (2025) and Liu Fang (2025) found that the digital economy can significantly improve the resilience and development potential of commercial circulation industry and manufacturing industry [10-12]. Wang Lei (2025) and Chen Junlong (2025) research shows that digital advancement plays an important role in high-quality development and industrial chain modernization [13, 14]. Meanwhile, Chi Yuanying (2025), Huang Lu (2025), Zhang Wei (2025) and Zhou Yuan (2025) pointed out that digital economy can also help the flow of factors and economic links between regions, narrow the development gap between regions, and promote the realization of common prosperity [15-18]. In addition, Zheng Xiaodong (2025) found that the digital economy has a more significant impact on residents' flexible employment, especially for young people, low-skilled and rural residents [19]. The relationship between the digital economy and old-age care is multi-dimensional. At the macro level, the digital economy has an important impact on the overall development of the elderly care service industry. As Xia Jiechang et al. (2025) pointed out, the digital economy plays an important role in optimizing the allocation of elderly care resources, reducing the cost of elderly care services and improving the elderly care ecosystem, and is an important force to overcome the «low-level equilibrium trap» of the elderly care service industry [20]. At the micro level, participation in the digital economy has a significant optimizing effect on household pension financial asset allocation. Zhu Jingjing (2024) research shows that participation in the digital economy can improve the scale of pension financial assets, enrich the types and enhance the diversification, and has more obvious effects on rural areas, central and western regions, female-headed households and families with low education level [21]. In the spatial dimension, the impact of digital economy on elderly care services has spatial differences and linkage. Sun Yuanxu et al. (2023) found that digital economy has positive spatial spillover effect on urban-rural integrated development, which can promote the improvement of urban-rural integration level in surrounding areas, and also bring new opportunities for rural elderly care service development [22]. Meanwhile, the impact of the digital economy on elderly care remains heterogeneous. Across different age groups, its effects vary according to demographic characteristics. Qiu Wenwen's (2024) research indicates that while the digital economy significantly boosts consumption among younger seniors and urban households, it shows limited effectiveness for older adults and rural families [23]. The digital economy exerts nonlinear impacts and spatial spillover effects on elderly care services. However, its effectiveness in this sector remains constrained by multiple factors and limitations. The digital literacy level of seniors significantly influences the digital economy's impact on elderly

care. Niu Lingjie (2024) emphasizes that while leveraging the digital economy's advantages like low costs and broad coverage can facilitate data sharing and enhance real-time monitoring, these benefits are contingent upon seniors possessing adequate digital literacy [24].

III. Data Selection and Research

(I) Data Sources

As the inaugural year of China's 14th Five-Year Plan, 2021 saw the government roll out key policies like «Digital Villages» and «Smart Elderly Care» that charted the course for rural revitalization and aging population challenges. This policy landscape made 2021 a pivotal moment for implementing these initiatives nationwide. Around 2021, the internet penetration rate in rural China significantly increased, providing infrastructure conditions for empowering rural elderly care through the digital economy. Meanwhile, the accelerated application of digital technologies in fields such as healthcare and education in 2021 further highlighted their potential integration with elderly care services. However, 2021 witnessed a more severe phase in rural elderly care challenges, with traditional models proving unsustainable. While smart elderly care initiatives have shown initial success in pilot regions, the overall sector remains in its infancy. This makes 2021 data particularly valuable for clearly illustrating supply-demand imbalances and underscoring the necessity of digital technology integration. The analysis draws from three key sources: the National Statistical Yearbook, Social Development Statistical Bulletin, and Mark Data Network.

(2) Construction of index system

Zheng Xiaodong (2025) highlights that well-developed digital infrastructure not only creates more flexible employment opportunities for residents but also drives green and low-carbon development [19]. Wang Ruoyu et al. (2025) further demonstrate that digital economy infrastructure can reduce urban carbon emissions by improving energy efficiency and fostering green technological innovation [25]. Wang Meijuan et al. (2025) simultaneously found that digital technology input-output helps reduce transaction costs, alleviate financing constraints, and improve the allocation efficiency of capital markets [26]; Chen Junlong et al. (2025) also found through testing that digital technology input-output has a significant positive impact on the modernization of manufacturing industry chains [14]. In addition, Hao Hanyu et al. (2025) found that the development of digital economy can promote the development of domestic and international double circulation, improve the efficiency and stability of supply chain through promoting the digital transformation and construction of supply chain [27]. Yu Binbin et al. (2025) analyzed data from 274 prefecture-level cities in China between 2003 and 2018, finding that enhancing urban innovation capabilities can significantly strengthen urban economic resilience. The pathway of this effect is mainly achieved through optimizing resource allocation efficiency, promoting industrial structure upgrading, and strengthening talent reserves [28]. To sum up, digital economy infrastructure, digital technology

input and output, digital development and application as first-level indicators can promote the optimization and upgrading of economic structure from various aspects and promote high-quality economic development, as shown in Table 1.

Table 1 – **Digital Economy Index System**

Primary indicators	Secondary indicators	Indicator directions
infrastructure	Capacity of mobile telephone switchboards (10,000)	+
	Optical cable line length (km)	+
	Internet broadband access port (10,000)	+
	Number of computers used per 100 people (units)	+
	Local fiscal science and technology expenditure (in billion yuan)	+
input-output	R&D expenditure of science and technology industrial enterprises (ten thousand yuan)	+
	Technology market turnover (100 million yuan)	+
	Sales revenue of new products of industrial enterprises above designated size (ten thousand yuan)	+
	Employment in information transmission, software and information technology services (10,000)	+
Development of applications	Number of legal entities in information transmission, software and information technology services (No)	+
	Number of domestic patent applications accepted (items)	+
	Number of domestic patent applications granted (items)	+

With the nation's growing emphasis on elderly care, evaluation metrics for elderly care service capabilities have been progressively refined. Wang Xiaofeng advocates assessing rural elderly care supply through economic and medical lenses, while Du Peng emphasizes fulfilling rural seniors' needs by integrating production services, daily living support, healthcare provisions, and social care systems [29]. Tong Feng believes that hardware facilities, financial status and institutional personnel are the important factors to accurately measure rural pension supply [30]. At the same time, Chen Wenbo believes that social security is also an important part of rural pension supply [31]. In general, scholars' research mainly includes financial status, health care, social security, and life services. Based on the current actual needs of rural elderly care, we will build a system by combining existing academic achievements, as shown in Table 2.

Table 2 Rural supply index system

Primary indicators	Secondary indicators	Indicator directions
Medical support capacity	Number of rural health technicians (person)	+
	Number of rural practicing (assistant) doctors (person)	+
	Number of rural registered nurses (person)	+
	Number of beds in rural health institutions (10,000)	+
	Number of new rural cooperative medical care (number)	+
Ability to support the economy	Local fiscal medical and health expenditure (100 million yuan)	+
	Social old-age insurance fund expenditure for urban and rural residents (100 million yuan)	+
	Per capita disposable income of rural residents (yuan)	+
Social support capacity	Number of rural people living separately with five guarantees (10,000)	+
	Number of rural residents receiving subsistence allowances (10,000)	+
	Number of village committees (units)	+

IV. Research Methodology

(1) Entropy Evaluation Method

Because the dimension and dimension unit of different indicators are different, it is necessary to standardize the data so that its value range is between 0 and 1. For positive indicators (the larger, the better), the standardization formula is:

$$X' = \frac{X_{ij} - \min(X_{ij})}{\max(X_{ij}) - \min(X_{ij})} \quad (1)$$

For the negative index (the smaller, the better), the standardization formula is:

$$X' = \frac{\max(X_{ij}) - X_{ij}}{\max(X_{ij}) - \min(X_{ij})} \quad (2)$$

For the standardized data matrix, calculate the proportion of each sample under each indicator:

$$P_{ij} = \frac{X_{ij}}{\sum_{i=1}^n X_{ij}} \quad (3)$$

Use the following formula to calculate the entropy of each indicator:

$$e_j = -K \sum_{i=1}^n (P_{ij} \ln(P_{ij})) \quad (4)$$

in, $K = \frac{1}{\ln(n)}$, n is the number of samples.

The coefficient of variation for each indicator is:

$$d_j = 1 - e_j \quad (5)$$

The difference coefficient is normalized to obtain the weight of each index:

$$w_j = \frac{d_j}{\sum_{j=1}^m d_j} \quad (6)$$

The standardized value of each index is multiplied by its corresponding weight, and then the score of each index is added up to get the comprehensive score of each sample point:

$$z_i = \sum_{j=1}^m w_j x_{ij} \quad (7)$$

Among them, Z_i is the comprehensive score of the i th sample, W_j is the weight of the j th index, and X_{ij} is the standardized value of the j th index of the i th sample.

(2) Coupling coordination degree

The model is used to analyze the coordinated development level of rural pension supply and digital economy. Cohesion refers to the interaction between rural pension supply and digital economy, realizing the dynamic correlation of development, and reflecting the degree of mutual dependence between them. The coupling coordination degree model produces three indicators, namely the coupling degree C value, the coordination index T value and the coupling coordination degree D value. Pass through,

$$C = \sqrt{\frac{F(x) \times G(x)}{\left(\frac{F(x) + G(x)}{2}\right)^2}} \quad (8)$$

$$T = \alpha F(x) + \beta G(x) \quad (9)$$

$$D = \sqrt{C \times T} \quad (10)$$

Calculation, α and β represent the weights, $F(x)$ represents the comprehensive score of rural pension supply, $G(x)$ represents the comprehensive score of digital economy, Rural pension supply has the same weight as digital economy, take $\alpha = \beta$. Finally, the coupling coordination degree D value and the coordination level classification standard are combined to obtain the coupling coordination degree of each item. Calculate the coupling degree C value, the larger the value is, the greater the interaction between rural pension supply and digital economy; The coupling coordination degree D value is between 0 and 1, the larger the value, the higher the degree of coordination between the two systems.

V. Results and Analysis

(1) Comprehensive level evaluation

The comprehensive level of digital economy and rural pension supply is the basis for the coupling and coordination of the two. Based on Equation (1)-(7), this paper measures the comprehensive level of digital economy and rural pension supply in 31 provinces of China in 2021. The results show that, according to the measurement results of the comprehensive level of digital economy and rural pension supply in 31 provinces of China in 2021, the development level of digital economy and the capacity of rural pension supply both show significant regional differences. Guangdong (digital economy 3.77, pension supply 3.21), Jiangsu (digital economy 2.83, pension supply 3.08), Zhejiang (digital economy 2.21, pension supply 2.60), Shandong (digital economy 1.85, pension supply 2.95) and Henan (pension supply 2.37) all performed well in terms of digital economy and rural pension supply. These regions demonstrate remarkable advantages in digital infrastructure, technological innovation, economic development, and policy support. They also excel in key indicators such as the number of rural health professionals, licensed (assistant) physicians, and registered nurses. With well-established social security systems and substantial local fiscal investments in healthcare and social welfare, these areas are driving high-quality elderly care services in rural communities. In contrast, Gansu (digital economy 0.22, elderly care supply 0.65), Hainan (digital economy 0.18, elderly care supply 0.30), Qinghai (digital economy 0.12, elderly care supply 0.16), Ningxia (digital economy 0.12, elderly care supply 0.24), and Xizang (digital economy 0.09, elderly care supply 0.01) all lag behind in both the digital economy and rural elderly care supply. These regions are obviously deficient in digital infrastructure construction, investment in science and technology, technological innovation capacity and economic development level, especially in key indicators such as the number of employees in information transmission, software and information technology services, and the turnover of technology market. In addition, the social security system is not perfect, and the local financial investment in rural elderly care services is limited, which leads to the supply capacity of rural elderly care services being greatly limited, as shown in Table 3.

Table 3 Comprehensive score of digital economy and rural pension supply

area	digital economy	ranking	area	Rural pension supply	ranking
Guangdong	3.77	1	Guangdong	3.21	1
Jiangsu	2.83	2	Jiangsu	3.08	2
Zhejiang	2.21	3	Shandong	2.95	3
Beijing	2.04	4	Zhejiang	2.60	4
Shandong	1.85	5	Henan	2.37	5
Shanghai	1.35	6	Sichuan	2.23	6
Hubei	1.14	7	Hubei	1.90	7
Sichuan	1.12	8	Hunan	1.83	8

area	digital economy	ranking	area	Rural pension supply	ranking
Anhui	1.10	9	Hebei	1.79	9
Henan	1.04	10	Anhui	1.72	10
Hebei	0.88	11	Shanghai	1.68	11
Hunan	0.87	12	Beijing	1.46	12
Fujian	0.79	13	Liaoning	1.30	13
Shaanxi	0.72	14	Jiangxi	1.15	14
Jiangxi	0.64	15	Fujian	1.14	15
Liaoning	0.63	16	Chongqing	1.12	16
Guangxi	0.55	17	Yunnan	1.11	17
Tianjin	0.51	18	Shaanxi	1.08	18
Chongqing	0.49	19	Guizhou	1.08	19
Yunnan	0.42	20	Guangxi	1.07	20
Shanxi	0.40	21	Shanxi	0.94	21
Heilongjiang	0.38	22	Heilongjiang	0.85	22
Guizhou	0.33	23	Inner Mongolia	0.81	23
Inner Mongolia	0.31	24	Xinjiang	0.72	24
Jilin	0.28	25	Jilin	0.71	25
Xinjiang	0.27	26	Tianjin	0.70	26
Gansu	0.22	27	Gansu	0.65	27
Hainan	0.18	28	Hainan	0.30	28
Qinghai	0.12	29	Ningxia	0.24	29
Ningxia	0.12	30	Qinghai	0.16	30
Xizang	0.09	31	Xizang	0.01	31

(2) Coordination development evaluation

In 2021, China's 31 provinces showed significant regional differences in the coordinated development of digital economy and rural elderly care service supply. As shown in Figure 1, Guangdong, Jiangsu, Zhejiang, Shandong, Shanghai and Beijing are at the top, among which Guangdong ranks first with a coupling coordination degree value of 0.995 and a high-quality coordination grade. Jiangsu, Zhejiang and Shandong ranked second, with good coordination or high-quality coordination, while Shanghai and Beijing were in primary coordination and intermediate coordination respectively. With the advantages of developed economy, strong digital economy foundation, strong policy support and rich medical resources, these regions have promoted the efficient and coordinated development of digital economy and rural elderly care service supply. For example, Guangdong has boosted digitalization of rural elderly care through fiscal subsidies and technical support policies; Jiangsu has leveraged integrated urban-rural development; Zhejiang developed the «Internet + Elderly Care» model; Shandong has relied on its solid economic foundation; while Shanghai and Beijing have capitalized on their status as science and technology innovation hubs. All these ap-

proaches have effectively enhanced the digital transformation of rural elderly care services. However, provinces such as Xizang, Qinghai, Ningxia, Gansu, Hainan and Guizhou are relatively lagging behind in the coordinated development of digital economy and rural elderly care service supply, with coordination levels mostly being seriously or close to imbalance. Due to the relatively low level of economic development, insufficient policy support, and relatively scarce medical resources, Xizang, Qinghai and Ningxia have coupling coordination values of only 0.100, 0.179 and 0.190 respectively, which are in a state of severe imbalance. Although Gansu, Hainan and Guizhou have a slight advantage, the coupling coordination degree value is still at a low level, which is 0.310, 0.238 and 0.396 respectively, and the coordination degree is mild or moderate imbalance. These regions are obviously deficient in digital infrastructure construction, policy implementation and medical resource supply, which restricts the coordinated development of digital economy and rural elderly care service supply. Especially Guizhou, although relatively high among the bottom six, its development level still needs to be improved urgently.

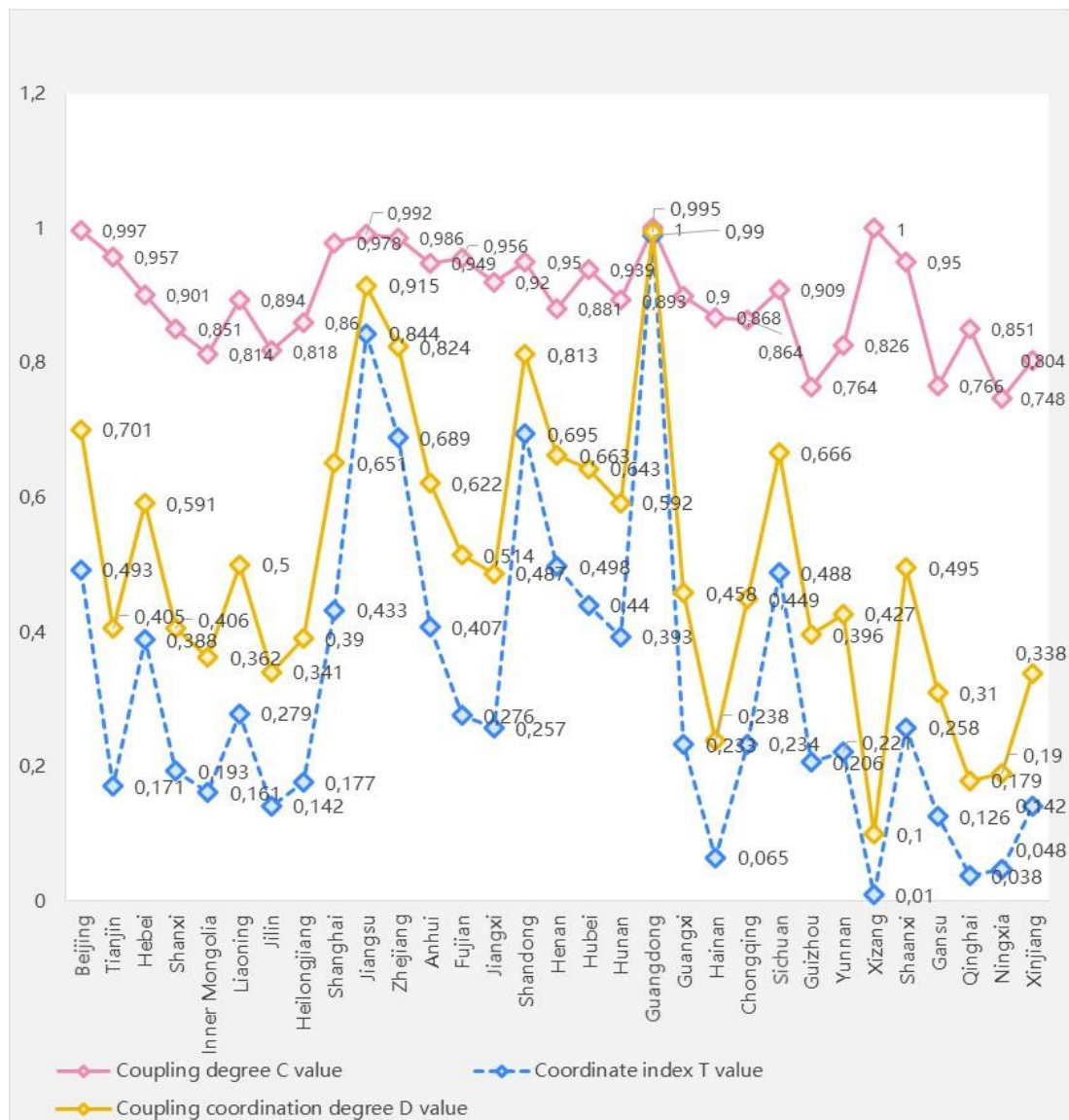

Figure 1 Coupling coordination diagram

VI. Research Conclusions and Policy Recommendations

(I) Research conclusions

This paper, based on panel data from 31 provinces (autonomous regions and municipalities directly under the central government) in China in 2021 and in conjunction with major regional development strategies, constructs a comprehensive index system for digital economy and rural elderly care supply. Using methods such as the entropy method and the coupling coordination degree model, this study conducts a measurement analysis of the coupling and coordination relationship between the digital economy and rural elderly care service supply. The main conclusions are as follows:

1. Significant regional development differences

There are significant regional differences in the comprehensive level of digital economy and rural elderly care service supply. The eastern coastal regions (such as Guangdong, Jiangsu and Zhejiang) have performed outstandingly in the digital economy and rural elderly care service supply, while the western regions (such as Xizang, Qinghai and Ningxia) are relatively lagging behind. The differences are due to uneven distribution of economic development, digital infrastructure, policy support and medical resources.

2. The coupling coordination degree is generally good, but the regional imbalance still exists

The coupling and coordination degree between digital economy and rural elderly care service supply generally showed a positive trend, but the level of coordinated development among regions was significantly different. The developed eastern regions (such as Guangdong, Jiangsu, and Zhejiang) have achieved a high degree of coupling coordination and have entered the stage of good or high-quality coordination; while the underdeveloped western regions (such as Xizang, Qinghai, and Gansu) still have a low degree of coupling coordination and remain in a state of severe or mild imbalance.

3. The development of digital economy plays a significant role in promoting rural elderly care services

By optimizing the allocation of resources, improving service efficiency and innovating service modes (such as smart elderly care and telemedicine), the digital economy has significantly improved the supply capacity of rural elderly care services. However, the impact of digital economy on the elderly care service industry has spatial differences. In eastern China, the promotion effect is more significant due to the perfect digital infrastructure and strong policy support, while in western China, the role is greatly limited due to the weak digital infrastructure and insufficient policy implementation.

4. Digital literacy of the elderly is a key constraint

The digital literacy of elderly individuals significantly impacts how the digital economy enhances elderly care services. While digital technologies provide technical support for elderly care,

their low adoption and usage rates among seniors have become a key constraint hindering the coordinated development between the digital economy and rural elderly care systems.

(II) Policy Recommendations

1. Adhere to the policy of regional differentiation and take targeted measures

Implement differentiated strategies based on regional development characteristics. For western regions with lower coupling coordination levels, priority should be given to strengthening policy guidance, increasing fiscal investment, improving digital infrastructure construction, and promoting the decentralization of medical resources to rural areas. This will address deficiencies in digital infrastructure and healthcare resources while enhancing the supply capacity of elderly care services in rural communities. For the eastern region, it should make full use of the first-mover advantage of digital economy, promote the in-depth development of the «Internet + elderly care» model, and explore new service models such as smart elderly care and telemedicine.

2. Deepen village community collaboration and promote resource integration

Encourage village organizations to collaborate with external entities in developing endogenous elderly care models. Leveraging their proximity to communities and resource integration capabilities, these organizations can effectively coordinate material resources to establish rural-specific elderly care networks. Simultaneously, targeted policies such as tax incentives and service subsidies should be implemented to guide urban medical resources toward rural areas, creating integrated urban-rural healthcare systems that enable telemedicine services and talent sharing.

3. Improve digital literacy and bridge the digital divide among older people

We will promote coordinated efforts in both training and technological upgrades. Through community classes, online tutorials and other forms, we will help the elderly master basic skills such as smartphone usage and participation in telemedicine services, thereby enhancing their trust and reliance on digital elderly care services. At the same time, we should promote the adaptation of digital technology to the elderly, develop intelligent devices and service platforms that meet the needs of the elderly, simplify interface design, add voice interaction functions, optimize operation procedures, so as to reduce the threshold for the elderly to use digital technology.

4. Build a cross-regional linkage system to promote resource sharing

We will actively learn from the successful experience of coordinated development in eastern China, and build a cross-regional elderly care service collaboration platform based on advanced digital technology. Through this platform, the interconnection of elderly care service resources between regions can be realized, the resource allocation can be optimized, and the overall service efficiency can be improved. Secondly, strengthen inter-regional institutional cooperation, reduce inter-regional policy barriers through policy coordination and institutional innovation, and create a good institutional environment for resource flow. On this basis, we will promote the flow of technology, capital and talent from eastern to western regions, help western regions improve their digital infrastructure, and enhance the supply capacity of rural elderly care services.

REFERENCES

1. Wang Cheng and Wang Dianli. Vertical Incentives, Village Governance, and Rural Elderly Care Service Supply [J]. Journal of South China Agricultural University (Social Sciences Edition), 2023, 22 (06) : 126-138.
2. Zhang Yanxia & Xu Rong. Externalization leads to internalization: Exploring the path of sustainable participation of external subjects in rural elderly care service supply [J]. Journal of Soochow University (Philosophy and Social Sciences Edition), 2024, 45 (06) : 67-79.
3. Zhang Jianghai & Zhou Qizheng. Practical Exploration and Optimization Pathways of Technology Empowerment in Targeted Supply of Rural Elderly Care Services [J]. Journal of Fujian Provincial Party School (Fujian Academy of Governance), 2024, 47 (05) : 99-107.
4. Aqi. Fracture and Continuity: The Evolution of Rural Households and Elderly Care in Eastern Qinghai [J]. Qinghai Social Sciences, 2024, 45 (05) : 141-155.
5. Jin Jing. Embedded Elderly Care Service Supply Mechanism and Governance Effectiveness in Rural Support Institutions [J]. Journal of South China Agricultural University (Social Sciences Edition), 2024, 23 (04) : 36-47.
6. Wang Xiangyang & Wang Wenbo. «Village-Based Elderly Care Model for Self-Sustaining Households: Addressing Rural Solitary Seniors' Needs in Their Native Communities» [J]. Journal of Gansu Administrative College, 2024, 33 (02) : 102-112+128.
7. Wu Chunmei & Hua Wenjian. Analysis of Value Realization in Rural Elderly Care Service Supply under Inclusive Goals [J]. Agricultural Economics, 2024, 45 (03) : 91-93.
8. Wang Lulun and Zeng Quanhai. Rural Pension Security in China: Institutional Change, Supply-Demand Imbalance and Improvement Pathways [J]. Southern Finance, 2023, 45 (09) : 28-40.
9. Nie Jianliang. Resource Structure, Supply Patterns and Demand Alignment: Effective Supply Pathways for Rural Elderly Care Services [J]. Social Security Review, 2023, 7 (05) : 100-115.
10. Zhu Tiantian. Empirical Analysis of the Impact of Digital Economy on the Resilience of Commercial Circulation Industry from the Perspective of Spatial Spillover Effects [J]. Journal of Commercial Economics, 2025, 44 (06) : 5-9.
11. Zhao Yixing. The Impact of Digital Economy on the Development Potential of Commercial Circulation – An Empirical Analysis Based on Dual Mediating Effects [J]. Journal of Commercial Economic Research, 2025, 44 (05) : 11-15.
12. Liu Fang, Ju Changzhi. Reconstructing New Productive Forces in Commercial Circulation: Theoretical Mechanisms and Empirical Verification of Digital Economy Empowerment [J]. Journal of Commercial Economics, 2025, 44 (04) : 15-20.

13. Wang Lei, Zhang Lin, Wang Pengwu, et al. Digital Economy, ESG Performance and High-Quality Development of Manufacturing Industry [J]. Statistical Decision, 2025, 41 (03) : 180-184.
14. Chen Junlong, Tang Qiu, Han Zuli. Research on the Impact of Digital Economy on the Modernization of Manufacturing Industry Chain [J]. Modern Management Science, 2025, 44 (01) : 163-174.
15. Chi Yuanying, Yao Xingjia, Zhang Yanzhao, et al. Digital Economy Reshapes Industrial Spatial Layout in the Capital Metropolitan Area: Macro Effects and Micro Mechanisms [J]. Economic and Management Review, 2025, 41 (02) : 5-17.
16. Huang Lu. Impact of Digital Economy on Consumption Upgrade in Yangtze River Delta Urban Agglomeration [J]. Journal of Commercial Economics, 2025, 44 (05) : 185-188.
17. Zhang Wei, Li Mingwei, Liu Hanran. Digital Economy, Tax Source Diversion and Regional Economic Coordinated Development [J]. International Taxation, 2025, 38 (03) : 14-20.
18. Zhou Yuanren, Chen Menggen. Spatial Correlation Effects and Influencing Factors of Digital Economy Development in China [J]. Economic Theory and Economic Management, 2025, 45 (02) : 96-117.
19. Zheng Xiaodong. The Development of Digital Economy and Flexible Employment of Residents – From the Empirical Evidence of «Broadband China» [J]. Economics and Management, 2025, 39 (02) : 50-58.
20. Xia Jiechang & Luo Jingwei. Empowering the Elderly Care Service Industry to Overcome the «Low-Level Equilibrium Trap» through Digital Economy [J]. Hebei Academic Journal, 2025, 45 (01) : 152-161.
21. Zhu Jingjing. The Impact of Digital Economy Participation on Household Pension Financial Asset Allocation – An Analysis Based on CHFS Microdata [J]. Rural Finance Research, 2024, 45 (08) : 30-42.
22. Sun Yuanxu, Lei Na, and Liu Xiaoqian. Can the Digital Economy Promote Integrated Urban-Rural Development? – empirical evidence from 268 cities in China [J]. Southern Finance, 2023, 45 (12) : 38-53.
23. Qiu Wenwen. Empowering Consumption Growth Among the Aging Population through Digital Economy: An Analysis of Regulatory Effects Based on the Silver Economy [J]. Journal of Commercial Economics, 2024, 43 (06) : 76-79.
24. Niu Lingjie. Practice and Implications of Digital Literacy Services for Elderly in Public Libraries from the Perspective of Cultural Aging [J]. Library, 2024, 52 (08) : 63-68+82.
25. Wang Ruoyu, An Qiguang, and Wang Yongkai. Digital Economy, Energy Efficiency Optimization, and Carbon Reduction [J]. Statistical and Information Forum, 2025, 40 (03) : 87-97.

26. Wang Meijuan, Yu Donghua, Liu Xiaoyan. Does the Digital Economy Promote the Integration of Capital Factor Markets? – An Empirical Analysis Based on Cross-Regional Investments of Listed Companies [J]. Xinjiang Social Sciences, 2025, 45 (01) : 21-31.
27. Hao Hanyu, Du Conghui, Chen Weixiong, et al. How the Digital Economy Facilitates Domestic and International Dual Circulation [J]. Research World, 2025, 38 (03) : 14-27.
28. Yu Binbin, Wang Zhigang. Why Cities Can Become More Resilient – Empowerment Effects of the Digital Economy [J]. Geographical Research, 2025, 44 (02) : 378-399.
29. Du Peng & Wang Yongmei. Opportunities, Challenges and Responses in Rural Elderly Care System Development under the Rural Revitalization Strategy [J]. Hebei Academic Journal, 2019, 39 (04) : 172-178+184.
30. Tong Feng and Liu Jinhua. A Brief Discussion on the Construction of Elderly Care Service Evaluation Index System [J]. Academic Forum, 2015, 38 (12) : 127-130.
31. Chen Wenbo. Evaluation and Improvement of Public Service Quality: A Review of Research [J]. China Administrative Management, 2012, 28 (03) : 39-43.

Информация об авторах

На Ли, доктор менеджмента, доцент факультета менеджмента, Чанчуньский университет, Чанчунь, Китай, адрес: школа менеджмента, Чанчуньский университет, улица Вэйсин № 6543, город Чанчунь, провинция Цзилинь, 130022, Ли На, lina@ccu.edu.cn

Нин Ван, магистр факультета менеджмента, Чанчуньский университет, Чанчунь, Китай.

Information about Authors

Na Li, Doctor of Management, associate professor in School of Management, Changchun University, Changchun, China, Address: School of Management, Changchun University, No.6543 Weixing Road, Changchun City, Jilin Province, 130022, Li Na, lina@ccu.edu.cn

Ning Wang, Master in School of Management, Changchun University, Changchun, China.

Для цитирования: Ли На, Ван Нин Исследование по оценке взаимосвязи и координации между потенциалом пенсионного обеспечения в сельской местности и цифровой экономикой // Парадигмы управления, экономики и права. 2025. Т. 6, № 3 (17). С. 75-90. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2025_N3.pdf

Citation: Li Na, Wang Ning, Study on evaluation of coupling and coordination between rural pension supply capacity and digital economy // Paradigms of Management, Economics and Law. 2025. T. 6, № 3 (17). С. 75-90. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2025_N3.pdf

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

ECONOMIC SECURITY

УДК 338.439.6:341.018

ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ И ЗАПАДНЫХ САНКЦИЙ

Екатерина Владимировна Беликова

Волгоградская государственная академия физической культуры,

г. Волгоград, Российская Федерация

Екатерина Юрьевна Чернявская

Волгоградский институт бизнеса,

г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье рассматриваются особенности обеспечения продовольственной безопасности в условиях геополитической нестабильности и западных санкций. Даются рекомендации по разработке и обоснованию комплекса условий, способствующих выводу кризисных отраслей и депрессивных территорий из состояния стагнации. Это включает вовлечение их в инновационные, интеграционные и цифровые процессы, а также интеграцию в сферу экономически активных отраслей, обладающих высоким потенциалом для дальнейшего развития.

Методы. Методы исследования, использованные авторами в данной работе, включают методологию статистического анализа, прогнозирования, сравнения, методы компоновки материала и результатов исследования.

Анализ. Целью исследования является комплексный анализ внешних и внутренних факторов, которые могут оказать влияние на продовольственную безопасность Волгоградской области. Это позволит выявить слабые места и определить направления для разработки эффективных стратегий и мер по обеспечению продовольственной безопасности региона.

Результаты. Можно сделать вывод, что продовольственная безопасность является одним из ключевых факторов обеспечения устойчивого развития региона и повышения качества жизни его населения. Волгоградская область сталкивается с рядом рисков, которые могут негативно влиять на уровень продовольственной безопасности. Продовольственная безопасность Волгоградской области имеет как сильные стороны, так и слабые, а также сталкивается с возможностями для развития и угрозами. К сильным сторонам можно отнести рост поголовья крупного рогатого скота, увеличение производства зерновых и масличных культур, устойчивый рост производства картофеля, овощей и бахчевых, а также рост среднедушевых доходов и снижение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума. При этом существуют и слабые стороны развития сельского хозяйства, производственных мощностей перерабатывающих предприятий не хватает.

Ключевые слова: Продовольственная безопасность, объем потребления продуктов питания, коэффициент удовлетворения физиологических потребностей населения, потребительские расходы домашних хозяйств, снижение подушевого потребления продуктов питания, модели концентрации инвестиционных потоков.

UDC 338.439.6:341.018

FEATURES OF ENSURING FOOD SECURITY IN THE CONTEXT OF GEOPOLITICAL INSTABILITY AND WESTERN SANCTIONS

Ekaterina V. Belikova

Volgograd State Academy of Physical Culture, Volgograd, Russian Federation

Ekaterina Y. Chernyavskaya

Volgograd Institute of Business, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article discusses the features of ensuring food security in the context of geopolitical instability and Western sanctions. Recommendations are given for the development and substantiation of a set of conditions that contribute to the withdrawal of crisis industries and depressed territories from a state of stagnation. This includes their involvement in innovative, integration and digital processes, as well as integration into the sphere of economically active industries with high potential for further development.

Methods. The research methods used by the authors in this work include the methodology of statistical analysis, forecasting, comparison, methods of composing material and research results.

Analysis. The purpose of the study is a comprehensive analysis of external and internal factors that can affect the food security of the Volgograd region. This will identify weaknesses and determine areas for developing effective strategies and measures to ensure food security in the region.

Results. It can be concluded that food security is one of the key factors in ensuring sustainable development of the region and improving the quality of life of its population. The Volgograd region faces a number of risks that can negatively affect the level of food security. Food security of the Volgograd region has both strengths and weaknesses, and also faces opportunities for development and threats. Strengths include the growth of cattle population, increased production of grain and oilseed crops, steady growth in potato, vegetable and melon production, as well as growth in per capita income and a decrease in the share of the population with incomes below the subsistence level. At the same time, there are also weaknesses in the development of agriculture, and there are not enough production facilities for processing enterprises.

Keywords: Food security, volume of food consumption, satisfaction rate of physiological needs of the population, consumer spending of households, decrease in per capita food consumption, investment flow concentration models.

Введение. Продовольственная безопасность страны является одной из ключевых составляющих устойчивого развития Российской Федерации. В условиях глобализации, изменения климата, экономических кризисов и других вызовов, стоящих перед экономикой Российской Федерации, обеспечение продовольственной безопасности становится одной из важнейших задач для государства.

В условиях геополитической нестабильности и западных санкций возрастает значение обеспечения продовольственной независимости регионов Российской Федерации. Исследование механизмов управления рисками в этой сфере позволит разработать стратегии развития местного сельского хозяйства и снижения зависимости от импорта.

Продовольственная безопасность складывается из нескольких ключевых компонентов: физической доступности продуктов питания, экономической доступности, обеспечения населения продуктами питания, отвечающими определённым стандартам качества и безопасности, способности национальной системы обеспечивать население продуктами питания на постоянной основе, даже при возникновении внешних и внутренних шоков (например, природных катастроф, экономических кризисов), наличия у страны или региона возможностей производить основные продукты питания на своей территории для снижения зависимости от внешних поставок [1].

Нарушение продовольственной безопасности страны или конкретного региона может иметь серьёзные экономические и социальные последствия поскольку связано с ростом цен, снижением уровня жизни населения и увеличением социальной напряжённости в регионе. Исследование рисков продовольственной безопасности и разработка мер по их предотвращению помогут не допустить или снизить эти негативные явления и обеспечить устойчивое развитие регионов [3].

Продовольственная безопасность может быть нарушена под воздействием различных внешних и внутренних факторов, которые оказывают влияние на продовольственную безопасность регионов, таких как экономические кризисы, технологические сбои, болезни животных и растений. Разработка комплексных подходов к управлению рисками в этих условиях станет важным шагом для обеспечения стабильного снабжения продовольствием и устойчивого развития регионов.

Анализ. Исходя из требований продовольственной независимости, основным источником пищевых продуктов является продукция сельского, лесного, рыбного, охотничьего хозяйств, а также продукция пищевой промышленности. Определяющую роль в обеспечении продовольственной безопасности играют сельское и рыбное хозяйство, пищевая промышленность.

Для повышения уровня стабильности и независимости продовольственной системы определяются показатели, характеризующие продовольственную безопасность. Данные показатели закреплены в Доктрине продовольственной безопасности. В определении продовольственной безопасности заложены критерии, выполнение которых свидетельствует о достижении состояния обеспеченности продовольственной безопасности [8].

За последние 6 лет физический объем потребления продуктов питания снизился на 13,5 %, а среднегодовая динамика составила – 2,9 %.

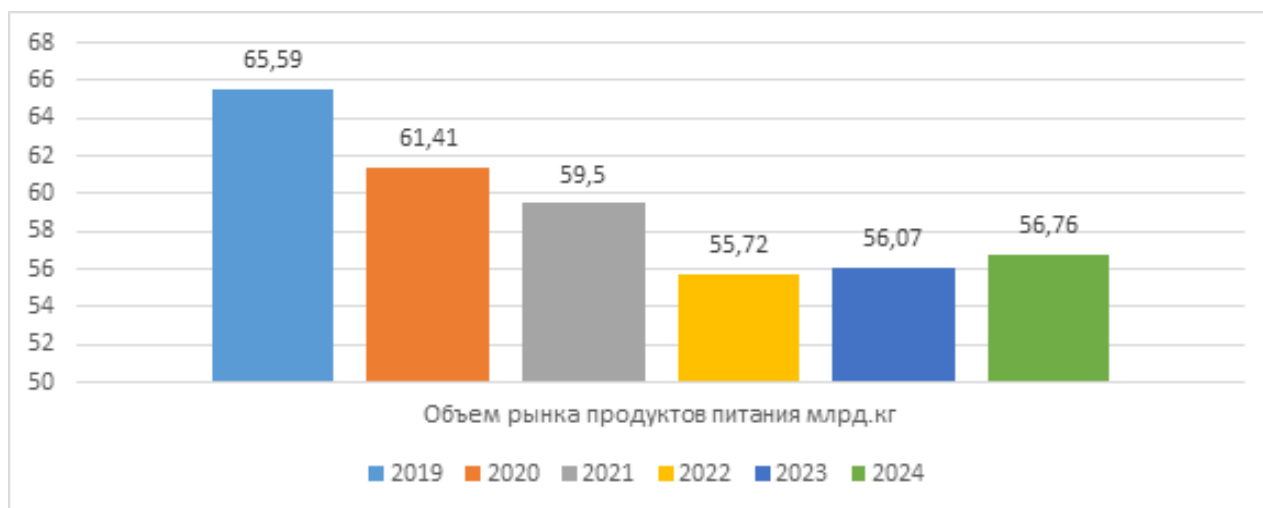

Рис. 1 – Объем рынка продуктов питания 2019–2024 [9]

В расчете на душу населения страны потребление продуктов питания за последние шесть лет снизилось на 12,4 % с 447,6 кг/чел. в 2019 году до 391 в 2024 году. Среднегодовое снижение подушевого потребления продуктов питания в России составило -2,6 %.

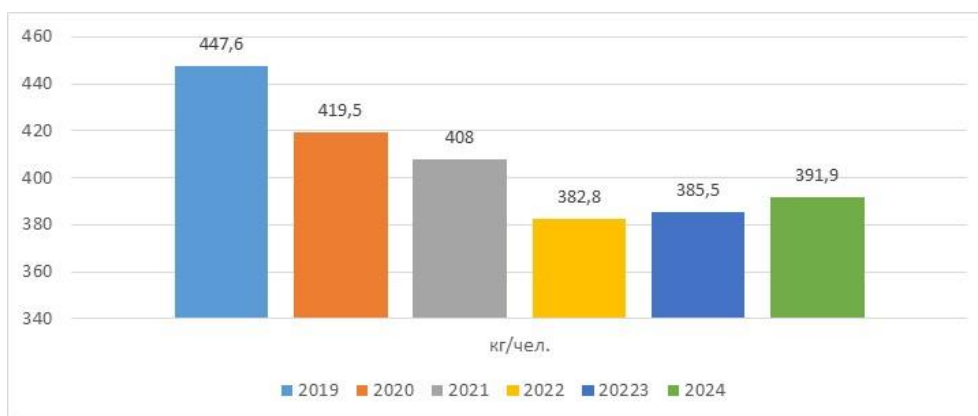

Рис. 2 – Объем потребления продуктов питания на душу населения

Волгоградская область – важный сельскохозяйственный регион России. Основная специализация: производство зерновых (пшеница, рожь, ячмень, кукуруза), технических культур (подсолнечник, горчица), овощей, бахчевых культур. Разведение крупного рогатого скота (мясное и молочное направление), свиноводство, овцеводство, птицеводство [2]. Сельское хозяйство является одной из ведущих отраслей экономики Волгоградской области. Здесь выращивают зерновые культуры, такие как пшеница, ячмень, кукуруза, а также технические культуры, например, подсолнечник. Также развито животноводство, включая разведение крупного рогатого скота, свиней, овец и птиц. В настоящее время АПК Волгоградской области находится на стадии активного развития, чему, прежде всего, способствовали санкционное давление на экономику России и соответствующие оперативные меры государственной поддержки.

Таблица 1 – Валовой сбор и урожайность основных сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий Волгоградской области [14]

Наименование показателя	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2024 г. в % к 2023 г.
Зерно (в весе после доработки) валовой сбор, тыс. тонн	4562,3	4126,1	7008,4	169,9
урожайность, центнеров с одного гектара убранной площади	21,8	22,7	32,4	142,7
Масличные культуры (в весе после доработки) валовой сбор, тыс. тонн	1356,2	1473,9	1381,0	93,7
урожайность, центнеров с одного гектара убранной площади	13,0	14,0	16,6	118,8
Картофель валовой сбор, тыс. тонн	172,5	173,2	179,3	103,5
урожайность, центнеров с одного гектара убранной площади	190,2	191,1	201,2	105,3
Овощи открытого и защищенного грунта валовой сбор, тыс. тонн	1042,3	1051,72	1077,2	102,4
урожайность открытого грунта, центнеров с одного гектара убранной площади	377,1	378,52	388,6	102,7

За 2024 г. объем производства сельскохозяйственной продукции в хозяйствах всех категорий (сельскохозяйственные организации, крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели, хозяйства населения) в действующих ценах, по предварительной оценке, составил 251,5 млрд рублей, или 116,6 % к 2023 г. в сопоставимых ценах. В 2024 г. в хозяйствах всех категорий, по предварительным данным, валовой сбор зерна (в первоначально – оприходованном весе) составил 7179,9 тыс. тонн (169,9 % к уровню 2023 г.). Валовой сбор овощей открытого и защищенного грунта по сравнению с 2023 г. увеличился на 2,4 %, картофеля – на 3,5 %, масличных культур (в весе после доработки) – уменьшился на 6,3 % [8].

На конец 2024 г. поголовье крупного рогатого скота в хозяйствах всех категорий, по расчетам, составляло 350,1 тыс. голов (на 2,2 % больше по сравнению с 2023 г.), из него коровы – 183,1 тыс. (на 1,2 % больше), поголовье свиней – 226,7 тыс. (на 2,3 % меньше), овец и коз – 1000,7 тыс. (на 0,2 % меньше), птицы – 7630,4 тыс. голов (на 0,7 % больше). В структуре поголовья скота на хозяйства населения приходилось 63,3% поголовья крупного рогатого скота, 24,2 % – свиней, 61,3 % – овец и коз (на конец 2023 г. – соответственно 65,1 %, 27,2 %, 61,4 %).

**Таблица 2 – Производство основных видов продукции животноводства
в хозяйствах всех категорий Волгоградской области [13]**

	2024 г., тыс. тонн	2024 г. в % 2023 г.	2024 г., тыс. тонн	2024 г. в % к 2023 г.	2023 г. в % к 2022 г.
Скот и птица на убой (в живом весе)	200,9	92,9	220,9	101,8	100,4
Молоко	29,4	102,3	587,9	102,1	102,0
Яйца, млн штук	47,6	96,3	835,4	102,0	100,1

В 2024 г. увеличение объемов производства скота и птицы на убой (в живом весе), коровьего молока и куриных яиц отмечено в сельскохозяйственных организациях, не относящихся к субъектам малого предпринимательства. Развитие сельского хозяйства – одно из приоритетных направлений работы органов власти региона. С каждым годом растет финансовая поддержка этого сектора, совершенствуются инструменты и механизмы ее предоставления.

Так, в Волгоградской области активно поддерживают проекты, связанные с наращиванием мелиорируемых площадей: объемы средств, которые выделяют на эти цели, увеличены с 77,4 млн рублей в 2022 году до 635,7 млн рублей в 2024 г. За это время, орошаемый клин

вырос до 67,1 тысячи га. Однако засушливый климат и нехватка влаги могут приводить к снижению урожайности и необходимости внедрения систем орошения и других агротехнических мероприятий для повышения эффективности сельского хозяйства.

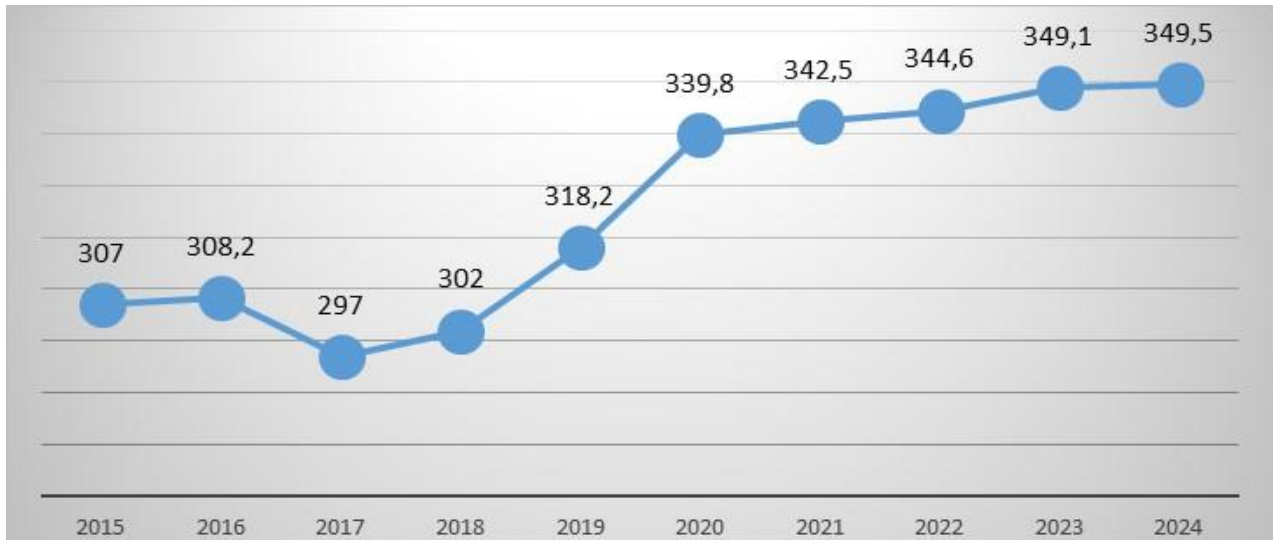

Рис. 3 – Динамика поголовья скота Волгоградская область 2015–2024 гг. тыс. голов [15]

На основе данных можно сделать вывод, что животноводство в Волгоградской области является стабильной отраслью сельского хозяйства, хотя и с некоторыми колебаниями в поголовье различных видов скота.

Таблица 3 – Основные социально-экономические индикаторы уровня жизни населения Волгоградской области [14]

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Среднедушевые денежные доходы (в месяц), рублей	21953	21241	21819	22551	23843	24627	27226	32673	35575
Реальные денежные доходы, в % к предыдущему году	97,6	90,2	98,8	100,1	101,0	99,3	103,1	105,5	102,4
Реальные располагаемые денежные доходы, в % к предыдущему году	98,6	90,8	99,0	99,3	100,6	98,7	103,7	106,0	101,7
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работающих в экономике ² , рублей	24361	26554	27962	30894	33371	35962	39031	44242	51833
Реальная начисленная заработная плата, в % к предыдущему году	91,8	101,9	101,6	107,3	103,6	104,2	101,9	100,5	111,2

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Величина прожиточного минимума ³⁾ (в среднем на душу населения в месяц), рублей	8889	8991	9096	9146	9686	9877	10158	11970	12363
из него:									
трудоспособное население	9568,8	9663,0	9756,5	9809,0	10408,3	10600	10892	13047	13476
пенсионеры	7243,3	7314,5	7386,8	7448,5	7895,3	8012	9020	10319	10660
дети	8868,3	9049,5	9246,8	9267,3	9728,3	10030	10414	11914	12307
Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума – всего ⁴⁾ , тыс. человек ⁵⁾	365,3	369,4	348,0	345,5	331,9	305,1	288,8	233,3	225,4
в % от общей численности населения	14,2	14,4	13,6	13,6	13,1	12,1	11,5	9,4	9,1
Дефицит денежного дохода									
млн. рублей в месяц	908,1	909,6	863,4	875,5	878,5	815,1	822,8	751,4	774,0
в процентах от общего объема денежных доходов населения	1,6	1,7	1,5	1,5	1,5	1,3	1,2	0,9	0,9
Соотношение с величиной прожиточного минимума, %:									
среднедушевых денежных доходов	247,0	236,2	239,9	246,6	246,2	249,3	268,0	273,0	287,7
среднемесячной номинальной начисленной заработной платы	254,6	274,8	286,6	315,0	320,6	339,3	358,3	339,1	384,6
Коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов), в раз	10,4	9,6	9,5	10,0	9,7	9,3	10,0	9,8	10,2

На основе представленных данных можно сделать вывод, что среднедушевые денежные доходы и среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в Волгоградской области постепенно увеличивались с 2015 по 2023 год. Это говорит о повышении уровня жизни населения и улучшении социально-экономических условий. Однако, несмотря на рост доходов, численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума всё ещё остаётся значительной. В 2023 году этот показатель составил 225,4 тыс. человек, или 9,1 % от общей численности населения. Это указывает на наличие проблем в обеспечении продовольственной безопасности для некоторых слоёв населения, особенно для тех, кто имеет доходы ниже прожиточного минимума. Также стоит отметить, что коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов) остаётся достаточно высоким, что может указывать на значительное неравенство в распределении доходов и, как следствие, на различия в доступе к качественным продуктам питания между различными слоями населения.

**Таблица 4 – Потребление основных продуктов питания
по Волгоградской области 2015–2024 гг., кг/чел. [13]**

	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Картофель	100	95	94	94	92	93	92	87	91	92
Овощи и продовольственные бахчевые культуры	184	186	185	178	179	181	183	175	179	179
Фрукты и ягоды	69	65	66	62	62	65	61	63	65	68
Мясо и мясопродукты в пересчете на мясо	75	73	73	74	74	74	73	76	78	78
Молоко и молочные продукты в пересчете на молоко	197	195	195	193	193	196	200	203	208	210
Яйца и яйцепродукты, штук	298	293	297	314	316	307	307	303	321	321
Сахар	34	34	33	35	34	33	34	34	33	33
Масло растительное	12,6	11,9	11,8	12,7	12,1	11,6	11,7	11,2	11,7	11,1
Хлебные продукты	124	115	115	116	116	116	114	114	118	120

На основе представленных данных можно сделать вывод, что в Волгоградской области за период с 2014 по 2023 год потребление основных продуктов питания в целом стабильно, хотя и наблюдаются небольшие колебания. Можно отметить, что потребление некоторых продуктов, таких как картофель, овощи и фрукты, варьируется в пределах 187–186 единиц в год на человека. Это свидетельствует о разнообразии рациона жителей области. Также можно заметить, что потребление молока и молочных продуктов, мяса и мясопродуктов, яиц и яйцепродуктов в пересчёте на душу населения остаётся на достаточно высоком уровне. Это говорит о том, что жители области имеют доступ к разнообразному и относительно полноценному рациону.

Проведем коэффициентный анализ обеспеченности населения Волгоградской области основными продуктами питания. На основе данных таблицы 5 можно сделать вывод, что в Волгоградской области за период с 2014 по 2023 годы потребление некоторых основных продуктов питания на душу населения остаётся относительно стабильным. Однако есть небольшие колебания в потреблении различных продуктов.

**Таблица 5 – Коэффициент удовлетворения физиологических потребностей населения
Волгоградской области в продовольствии 2014–2023 гг. [13]**

	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Картофель	1,31	1,33	1,32	1,27	1,28	1,29	1,31	1,25	1,28	1,28
Овощи и продовольственные бахчевые культуры	1,31	1,33	1,32	1,27	1,28	1,29	1,31	1,25	1,28	1,28
Мясо и мясопродукты в пересчете на мясо	0,96	0,94	0,94	0,95	0,95	0,95	0,94	0,97	1,00	1,00
Молоко и молочные продукты в пересчете на молоко	0,61	0,60	0,60	0,59	0,59	0,60	0,62	0,62	0,64	0,65
Яйца и яйцепродукты, штук	1,15	1,13	1,14	1,21	1,22	1,18	1,18	1,17	1,23	1,23
Хлебные продукты	1,29	1,20	1,20	1,21	1,21	1,21	1,19	1,19	1,23	1,25

Например, потребление картофеля и овощей с продовольственными бахчевыми культурами демонстрирует незначительные изменения в сторону уменьшения, что может свидетельствовать о возможных изменениях в структуре потребления или предпочтениях населения. Потребление мяса и мясопродуктов в пересчёте на мясо также остаётся на относительно стабильном уровне, но немного ниже среднего показателя.

Рассмотрим основные риски и угрозы, влияющие на продовольственную безопасность региона, и методы их оценки.

**Таблица 6 – Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума по Российской Федерации и по субъектам Южного федерального округа
(в процентах от общей численности населения субъекта)**

	2019	2020	2021	2022	2023
Республика Адыгея	13,2	13,2	12,2	12,3	11,1
Республика Калмыкия	23,5	22,7	22,6	20,6	18,8
Республика Крым	17,4	17,5	16,5	14,2	13,8
Краснодарский край	10,6	10,6	9,9	9,2	8,7
Астраханская область	15,1	15,2	15,0	12,5	12,0
Волгоградская область	13,1	12,1	11,5	9,4	9,1
Ростовская область	13,3	13,0	12,0	10,2	9,6
г. Севастополь	13,3	12,1	11,0	9,3	9,0

На основе предоставленных данных можно сделать вывод, что в Волгоградской области, как и в других субъектах Южного федерального округа, наблюдается тенденция к сни-

жению доли населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в период с 2019 по 2023 год. Это свидетельствует о положительных изменениях в уровне жизни населения региона [4].

Несмотря на то, что доля населения с доходами ниже прожиточного минимума снижается, степень неравномерности распределения населения по уровню доходов изменилась незначительно.

**Таблица 7 – Степень неравномерности распределения населения
Волгоградской области по уровню доходов**

	2019	2020	2021	2022	2023
Денежные доходы – всего	100	100	100	100	100
в том числе по 20-ти процентным группам населения: первая (с наименьшими доходами)	7,0	7,1	6,8	6,9	6,8
вторая	11,8	11,9	11,7	11,8	11,6
третья	16,5	16,6	16,4	16,5	16,4
четвертая	23,1	23,1	23,1	23,1	23,0
пятая (с наибольшими доходами)	41,6	41,3	42,0	41,7	42,2
Коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов), в раза	9,7	9,3	10,0	9,8	10,1
Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов)	0,345	0,340	0,350	0,346	0,352

Из данных таблицы можно сделать вывод, что в Волгоградской области степень неравномерности распределения населения по уровню доходов остаётся значительной на протяжении нескольких лет. Об этом свидетельствует высокий коэффициент фондов (дифференциации доходов) и индекс концентрации доходов (коэффициент Джини), которые превышают единицу и демонстрируют стабильную тенденцию к небольшим колебаниям.

Наиболее заметно, что пятая группа населения (с наибольшими доходами) значительно опережает остальные группы по доле в общем объёме денежных доходов. В то же время первая группа (с наименьшими доходами) имеет стабильно невысокий процент от общего объёма доходов.

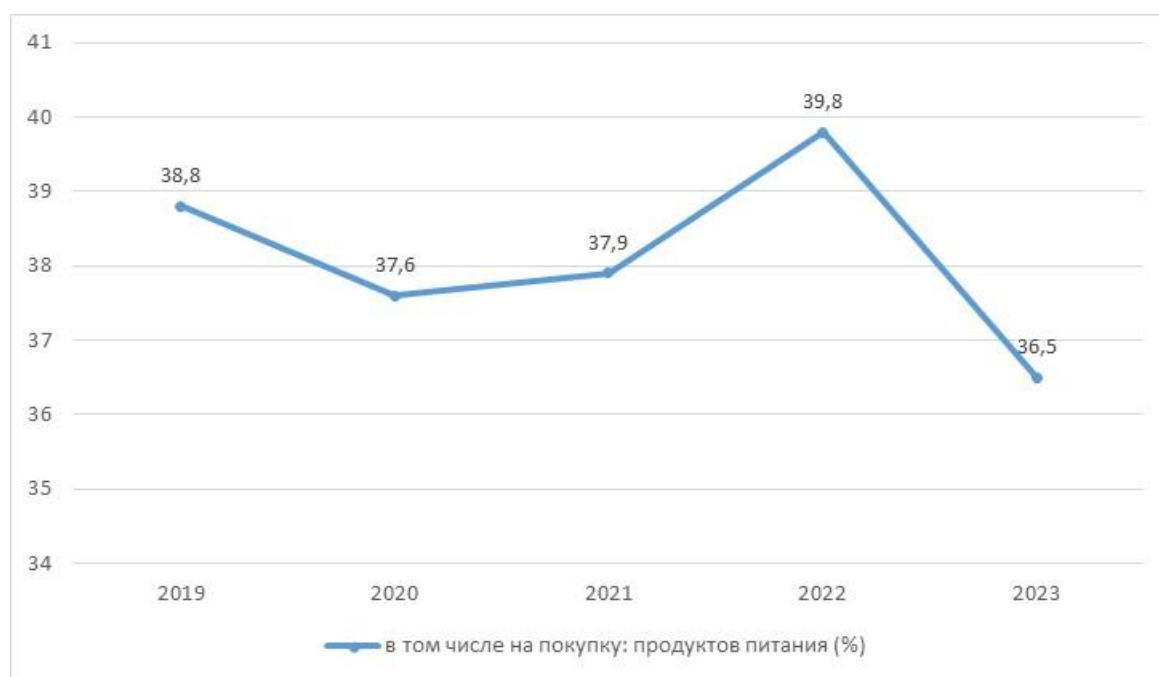
Также видно, что в целом структура распределения доходов по 20-процентным группам населения остаётся относительно стабильной, с небольшими изменениями в долях каждой группы из года в год.

Последний показатель, который, по нашему мнению, характеризует продовольственную безопасность региона, является удельный вес расходов на питание в структуре расходов потребителей.

**Таблица 8 – Потребительские расходы домашних хозяйств
(по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств;
в % от суммарных потребительских расходов)**

	2019	2020	2021	2022	2023
Потребительские расходы – всего	100	100	100	100	100
в том числе на покупку: продуктов питания (%)	38,8	37,6	37,9	39,8	36,5

На основе данных таблицы 8 можно сделать вывод, что потребительские расходы домашних хозяйств в целом остаются стабильными на уровне 100 % от суммарных потребительских расходов в каждый год, указанный в таблице. Однако структура этих расходов меняется: доля расходов на покупку продуктов питания колеблется, показывая то снижение (с 38,8 % в 2019 году до 37,6 % в 2020 году), то незначительный рост (с 37,9 % в 2021 году до 39,8 % в 2022 году), а затем снова снижение (до 36,5 % в 2023 году).

**Рис. 4 – Удельный вес расходов на питание в структуре расходов потребителей
Волгоградской области в 2019–2023 гг., %**

На основе данных можно сделать вывод, что общая динамика потребительских расходов стабильна, однако структура расходов на продукты питания меняется. Это свидетельствует об определённых тенденциях в контексте продовольственной безопасности. Снижение доли расходов на покупку продуктов питания указывает на изменение потребительских предпочтений в сторону более качественных, разнообразных продуктов или на рост потребления внедомашней еды (например, в кафе и ресторанах). Однако общий уровень потребительских расходов остаётся на стабильном уровне, что говорит о сохранении достаточного

уровня продовольственной доступности для населения. Продовольственная безопасность является одним из ключевых факторов обеспечения устойчивого развития региона и повышения качества жизни его населения. Волгоградская область, сталкивается с рядом рисков, которые могут негативно влиять на уровень продовольственной безопасности [10].

Заключение. Продовольственная безопасность Волгоградской области имеет как сильные стороны, так и слабые, а также сталкивается с возможностями для развития и угрозами. К сильным сторонам можно отнести рост поголовья крупного рогатого скота, увеличение производства зерновых и масличных культур, устойчивый рост производства картофеля, овощей и бахчевых, а также рост среднедушевых доходов и снижение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума. При этом, существуют и слабые стороны развития сельского хозяйства, производственные мощности перерабатывающих предприятий требуют своего развития [14].

Среди возможностей повышения продовольственной безопасности можно выделить развитие перерабатывающей промышленности, государственную поддержку сельского хозяйства, привлечение инвестиций в агропромышленный комплекс, расширение рынков сбыта продукции и внедрение современных технологий в сельское хозяйство. Однако существуют и угрозы, такие как инфляция и рост цен на продовольствие, зависимость от импорта отдельных видов продовольствия, изменение климата, сокращение государственной поддержки сельского хозяйства и риски кибербезопасности.

Для обеспечения продовольственной безопасности Волгоградской области необходимо учитывать, как сильные стороны и возможности, так и слабые стороны, и угрозы разрабатывать стратегии для минимизации негативных факторов и максимально эффективного использования имеющихся ресурсов. Эти стратегии, основанные на анализе сильных и слабых сторон, возможностей и угроз, могут помочь Волгоградской области укрепить свою продовольственную безопасность и обеспечить устойчивое развитие агропромышленного комплекса.

В условиях изменяющейся экономической и экологической ситуации разработка эффективной стратегии управления рисками становится важной задачей для органов власти и хозяйствующих субъектов региона. Специфика Волгоградской области, включая её географическое положение, климатические условия, структуру экономики и другие факторы, определяет особенности рисков и требует разработки индивидуальных подходов к их управлению [15]. Необходимо разработать и внедрить модели концентрации инвестиционных потоков в секторах и регионах с высоким уровнем конкурентоспособности, что позволит стимулировать рыночную активность Волгоградской области и привлечь дополнительные финансовые ресурсы. Это, в свою очередь, создаст благоприятные условия для активизации кризисных отраслей и территорий.

Важно также разработать и обосновать комплекс условий, способствующих выводу кризисных отраслей и депрессивных территорий из состояния стагнации. Это включает вовлечение их в инновационные, интеграционные и цифровые процессы, а также интеграцию в сферу экономически активных отраслей, обладающих высоким потенциалом для дальнейшего развития. Реализация предложенных мероприятий будет способствовать не только повышению уровня экономической безопасности региона, но и обеспечению его устойчивого экономического развития в долгосрочной перспективе. Система мер по укреплению продовольственной безопасности должна быть целенаправленно ориентирована на административные, финансовые органы, службы социальной защиты и поддержки населения, бизнес-сектор, а также образовательную и научную среду. Дифференциация мер по этапам, уровням, срокам и зонам ответственности за их выполнение обеспечит системность и эффективность [6].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Айтпаева, А. А. Научное обоснование прогнозных сценариев обеспечения региональной продовольственной безопасности. Монография. М.: КноРус, 2019. 455 с.
2. Актуальные направления совершенствования аграрной политики России / И. Г. Ушачев, А. Ф. Серков, В. В. Маслова, В. С. Чекалин // АПК: экономика, управление. 2019. № 3. С. 4-16.
3. Алтухов, А. И. Проблемы развития АПК страны и необходимость их ускоренного решения // Экономика сельского хозяйства России. 2018. № 4. С. 2-14.
4. Беликова, Е. В., Столярова, А. Н., Чернявская, Е. Ю. Обеспечение экономической безопасности на региональном уровне (на примере Волгоградской области) // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. 2023. № 4 (52). С. 30-39.
5. Беликова, Е. В., Чернявская, Е. Ю., Чумакова, Е. А. Оценка состояния продовольственной безопасности современной России // Продовольственная политика и безопасность. 2024. Том 11. № 3. doi: 10.18334/ppib.11.3.121186.
6. Государственно-правовые средства обеспечения продовольственной безопасности в России. Монография. М.: Дашков и Ко, 2023. 200 с.
7. Деликатная, И. О. Безопасность товаров (продовольственных) / И. О. Деликатная, И. Ю. Ухарцева. Москва: СИНТЕГ, 2018. 256 с.
8. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации нуждается в совершенствовании / И. Г. Ушачев, А. Ф. Серков, В. С. Чекалин, В. И. Тарасов, Н. Д. Аварский, Л. В. Бондаренко // АПК: экономика, управление. 2024. № 9. С. 3-12.
9. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации. Москва: Наука, 2019. 854 с.
10. Национальная экономика. Обеспечение продовольственной безопасности в условиях интеграции и глобализации. М.: ИНФРА-М, 2018. 240 с.

11. Повышение экспортного потенциала АПК на основе инновационного развития / И. Г. Ушачев, В. В. Маслова, В. С. Чекалин // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2019. № 10. С. 2-5. DOI 10.31442/0235-2494-2019-0-10-2-5. EDN DWGXSH.
12. Развитие инноваций – важнейшая составляющая аграрной политики России / И. Г. Ушачев, А. В. Колесников, В. С. Чекалин // АПК: экономика, управление. 2019. № 5. С. 22–31.
13. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 12.08.2025).
14. Центр экономики рынков. URL: <https://research-center.ru/rynok-produktov-pitaniya-v-rossii-v-2024-godu/> (дата обращения 12.08.2025).
15. Чумакова, Е. А. О финансовой безопасности муниципального образования / Е. А. Чумакова, О. В. Дарелина, Е. Ю. Чернявская, Е. В. Беликова // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Том 13. № 11. doi: 10.18334/epp.13.11.119792

REFERENCES

1. Айтпаева, А. А. Nauchnoe obosnovanie prognoznykh stsensariy obospecheniya regional'noy prodovol'stvennoy bezopasnosti. Monografiya. M.: KnoRus, 2019. 455 с.
2. Aktual'nye napravleniya sovershenstvovaniya agrarnoy politiki Rossii / I. G. Ushachev, A. F. Serkov, V. V. Maslova, V. S. Chekalin // АПК: экономика, управление. 2019. № 3. С. 4-16.
3. Altukhov, A. I. Problemy razvitiya APK strany i neobkhodimost' ikh uskorennoy resheniya // Ekonomika sel'skogo khozyaystva Rossii. 2018. № 4. С. 2-14.
4. Belikova, E. V., Stolyarova, A. N., Chernyavskaya, E. Yu. Obespechenie ekonomicheskoy bezopasnosti na regional'nom urovne (na primere Volgogradskoy oblasti) // Vestnik Gosudarstvennogo sotsial'no-gumanitarnogo universiteta. 2023. № 4 (52). С. 30-39.
5. Belikova, E. V., Chernyavskaya E. Yu., Chumakova E. A. Otsenka sostoyaniya prodovol'stvennoy bezopasnosti sovremennoy Rossii // Prodovol'stvennaya politika i bezopasnost'. 2024. Tom 11. № 3. DOI: 10.18334/ppib.11.3.121186
6. Gosudarstvenno-pravovye sredstva obespecheniya prodovol'stvennoy bezopasnosti v Rossii. Monografiya. M.: Dashkov i Ko, 2023. 200 с.
7. Delikatnaya, I. O. Bezopasnost' tovarov (prodovol'stvennykh) / I. O. Delikatnaya, I. Yu. Ukhartseva. Moskva: SINTEG, 2018. 256 с.
8. Doktrina prodovol'stvennoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii nuzhdaetsya v sovershenstvovanii / I. G. Ushachev, A. F. Serkov, V. S. Chekalin, V. I. Tarasov, N. D. Avarskiy, L. V. Bondarenko // АПК: экономика, управление. 2024. № 9. С. 3-12.
9. Doktrina prodovol'stvennoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii. Moskva: Nauka, 2019. 854 с.
10. Natsional'naya ekonomika. Obespechenie prodovol'stvennoy bezopasnosti v usloviyakh integratsii i globalizatsii. M.: INFRA-M, 2018. 240 с.

11. Povyshenie eksportnogo potentsiala APK na osnove innovatsionnogo razvitiya / I. G. Ushachev, V. V. Maslova, V. S. Chekalin // *Ekonomika sel'skokhozyaystvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatiy*. 2019. № 10. S. 2-5. DOI: 10.31442/0235-2494-2019-0-10-2-5. EDN DWGXSX.
12. Razvitie innovatsiy – vazhneyshaya sostavlyayushchaya agrarnoy politiki Rossii / I. G. Ushachev, A. V. Kolesnikov, V. S. Chekalin // *APK: ekonomika, upravlenie*. 2019. № 5. С. 22-31.
13. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (data obrashcheniya: 12.08.2025).
14. Tsentr ekonomiki rynkov. URL: <https://research-center.ru/rynok-produktov-pitanija-v-rossii-v-2024-godu/> (data obrashcheniya 12.08.2025).
15. Chumakova, E. A. O finansovoy bezopasnosti munitsipal'nogo obrazovaniya / E. A. Chumakova, O. V. Darelina, E. Yu. Chernyavskaya, E. V. Belikova // *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo*. 2023. Tom 13. № 11. DOI: 10.18334/epp.13.11.119792

Информация об авторе

Екатерина Владимировна Беликова, кандидат экономических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и экономики ФГБОУ ВО «Волгоградская государственная академия физической культуры», проспект Ленина В. И., 78, 400005 г. Волгоград, Россия, polabel@mail.ru, SPIN-код: 9482-3747, AuthorID: 652605

Екатерина Юрьевна Чернявская, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры финансово-экономических дисциплин, АНО ВО «Волгоградский институт бизнеса», ул. Качинцев, 63, 400011 г. Волгоград, Российская Федерация, timoshenko_k@bk.ru, SPIN-код: 4933-5811, AuthorID: 783922

Information about the Author

Ekaterina V. Belikova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and Economics, Volgograd State Academy of Physical Culture, Lenin Avenue, 78, Volgograd, Russia, polabel@mail.ru, SPIN-код: 9482-3747, AuthorID: 652605

Ekaterina Yu. Chernyavskaya, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Financial and Economic Disciplines, ANO VO «Volgograd Institute of Business», Kachintsev str. 63, 400011 Volgograd, Russian Federation, timoshenko_k@bk.ru, SPIN-код: 4933-5811, AuthorID: 783922

Для цитирования: Беликова Е. В., Чернявская Е. Ю. Особенности обеспечения продовольственной безопасности в условиях геополитической нестабильности и западных санкций // *Парадигмы управления, экономики и права*. 2025. Т. 6, № 3 (17). С. 91-106. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2025_N3.pdf

ПРАВО

LAW

ЧАСТНОЕ ПРАВО

PRIVATE LAW

УДК 341.9.01

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННЫХ ЛИЦ В РОССИИ

Игорь Борисович Иловайский

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Защита Российской Федерацией своих политических и экономических интересов привело к обострению противоречий между Россией и группой западных государств. Этот конфликт вызвал небывалый объем санкционных рестрикций в отношении РФ, следствием которого стал уход значительного количества иностранных компаний и капитала с отечественного рынка. Волне естественно, что все это негативно повлияло на экономику нашего Отечества, и создало необходимость переосмыслить вопросы допуска иностранного капитала и правового регулирования деятельности иностранных лиц на его территории. Между тем у российского государства накоплен существенный опыт регламентации этой сферы еще в дореволюционный период, что делает, на наш взгляд, актуальным исследование эволюции отечественных норм права в области инвестиционных отношений, в том числе и на межгосударственном уровне. Именно таким аспектам и посвящено настоящее исследование.

Методы. Изыскание основано на применении логического, исторического, диалектического приемов и способов научного познания, сравнительно-правового и юридико-технического анализа текстов нормативных актов.

Анализ. Ретроспективный анализ правового регулирования инвестиционных отношений в России происходил по двум направлениям: сравнения посредством, каких форм осуществлялись такие процессы внутри российского государства и иных стран; а также через оценку содержания международных соглашений нашего Отечества и внутреннего законодательства в сфере допуска иностранных субъектов и их капитала на свою территорию.

Результаты. Проведенное исследование позволило сделать несколько итоговых выводов. Во-первых, первоначальные формы инвестирования и в Западной Европе, и в России были связаны с процессами освоения колониальных приобретений и новых территориальных пространств, что вызывало потребность концентрации внутренних финансовых ресурсов, и формирование определенных организационных и правовых усилий и действий. Во-вторых, пересечение интересов торгового сословия России и самого государства с аналогичными субъектами из других государств стало основой для появления межгосударственных соглашений в рассматриваемой области. В их содержании первоначально решали ограниченные вопросы взаимного допуска представителей купечества на свои территории и определение их правового статуса. Позднее подобные договоры формировали полноценные стандарты и правила построения отношений с иностранными предпринимателями в целом, а именно: устанавливались принципы взаимности, свободы торговли и судоходства; закреплялся национальный режим или режим наибольшего благоприятствования для иностранцев в принимающем государстве и др. Для России при решении этих вопросов была характерна тенденция создания разрешительного порядка осуществления иностранных инвестиций и строгой защиты (протекционизма) отечественного рынка и предпринимателей.

Ключевые слова: взаимность, единообразные (унифицированные) международные стандарты и правила построения отношений с иностранными инвесторами; иностранный капитал, международное инвестирование, национальный режим, объединение капиталов, разрешительный порядок осуществления иностранных инвестиций, режим наибольшего благоприятствования, свобода торговли и судоходства, трансграничная торговля.

UDC 341.9.01

SELECTED ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF INVESTMENT ACTIVITIES INVOLVING FOREIGN ENTITIES IN RUSSIA

Igor B. Ilovaisky

Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA,
Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The Russian Federation's defense of its political and economic interests has led to an escalation of contradictions between Russia and a group of Western states. This conflict caused an unprecedented amount of sanctions restrictions against the Russian Federation, which resulted in the withdrawal of a significant number of foreign companies and capital from the domestic market. Naturally, all this had a negative impact on the economy of our Fatherland, and

created the need to rethink the issues of admission of foreign capital and legal regulation of the activities of foreign persons on its territory. Meanwhile, the Russian state has accumulated significant experience in regulating this area back in the pre-revolutionary period, which, in our opinion, makes it relevant to study the evolution of domestic legal norms in the field of investment relations, including at the interstate level. It is precisely these aspects that the present study is devoted to.

Methods. The research is based on the application of logical, historical, dialectical techniques and methods of scientific knowledge, comparative legal and legal-technical analysis of texts of normative acts.

Analysis. A retrospective analysis of the legal regulation of investment relations in Russia took place in two directions: a comparison of the forms in which such processes were carried out within the Russian state and other countries; and also through an assessment of the content of international agreements of our Country and domestic legislation in the field of admission of foreign entities and their capital to its territory.

Results. The conducted research allowed us to draw several final conclusions. Firstly, the initial forms of investment in both Western Europe and Russia were associated with the development of colonial acquisitions and new territorial spaces, which necessitated the concentration of internal financial resources, and the formation of certain organizational and legal efforts and actions. Secondly, the intersection of the interests of the merchant class of Russia and the state itself with similar entities from other states became the basis for the emergence of interstate agreements in this area. Their content initially addressed limited issues of mutual admission of representatives of the merchant class to their territories and the definition of their legal status. Later, such agreements formed full-fledged standards and rules for building relations with foreign entrepreneurs in general, namely, the principles of reciprocity, freedom of trade and navigation were established.; the national regime or the regime of the most favored nation for foreigners in the host state, etc. was consolidated. When dealing with these issues, Russia tended to create a permissive procedure for foreign investment and strict protection (protectionism) of the domestic market and entrepreneurs.

Keywords: reciprocity, uniform (unified) international standards and rules for building relations with foreign investors; foreign capital, international investment, national regime, pooling of capital, permissive procedure for foreign investments, most-favored-nation regime, freedom of trade and navigation, cross-border trade.

Введение. Еще в 1907 году известный российский ученый-правовед Г. Ф. Шершеневич отмечал, что «право ... не может быть произвольно создано, оно является результатом медленного постепенного развития общественной жизни народов, так же, как и язык его, нравы, политические убеждения. Поэтому ... задача науки заключается не в измышлении идеального правового порядка, который не может быть осуществлен, потому что не связан и не вытекает из народной жизни, а состоит в исследовании исторических оснований права данного для лучшего уразумения и применения его норм» [13, с. 14].

Методы. Такой исторический анализ любого правового института позволяет глубже подойти к рассмотрению его предмета, помогает разграничить понятийный аппарат исследуемых правоотношений и осознать причины существующих проблем, а, следовательно, правильно и грамотно подойти к их юридическому решению. Не является в этом плане исключением и правоотношения по инвестированию.

Анализ. О возникновении первоначальных форм такого процесса в цивилистической науке нет однозначного мнения. Одни авторы, говорят о том, что он возник во времена Древней Греции, когда греческим купцам, при осуществлении их торговли и колонизаторской политики вокруг Средиземного и Черного морей, приходилось прибегать к коллективному сотрудничеству и при постройке морских судов, и при освоении новых территорий. Прообразом такого рода инвестиционных предприятий эти ученые называют торговые гильдии, морские и горные товарищества [7, с. 336]. Другая группа правоведов утверждает, что говорить о реально инвестиционных отношениях нужно начиная с XII в. Именно в это время появляются первые организационно-правовые формы юридических лиц на территории торговых городов Северной Италии. К таким организациям относят генуэзские маоны и commenda, флорентийские *societas-compagnia*, венецианские – *colleganza*, или *collegantia* и т. п. Подобные образования позволяли их участникам не только объединять денежные вклады для ведения рискованной морской торговли, но и управлять инвестиционными рисками, выбирая тот или иной способ размещения капитала, который минимизировал финансовые потери [11, с. 78].

Тесные отношения между городами Северной Италии, позволили Великобритании и Нидерландам воспользоваться опытом объединения капитала для ведения трансграничной торговли. Развитие в конце XVI в. промышленности в этих странах потребовало поиска новых рынков сбыта и одновременно защиты национальных предпринимателей во внешней торговле (в противостоянии с португальскими, испанскими и французскими негодьями) и устранения излишней конкуренции между собой. Главным образом по этим причинам в 1600 году в Великобритании была создана Британская Ост-Индийская компания («The British East India Company»), а в 1602 году под прямым руководством Правительства Голландии, объединив несколько купеческих гильдий и морских товариществ, была образована Ост-Индийская компания («Verenigde Oostindische Compagnie»). Затем по ее образу и подобию при непосредственном влиянии купцов из Нидерландов в 1616 году была образована и Датская Вест-Индийская компания («Vestindisk kompagni»), позднее аналогичные организации были созданы в Португалии, Франции, Австрии и Швеции. Используя и совершенствуя механизм формирования акционерного капитала, стало возможным осуществлять, так называемые портфельные инвестиции, когда вкладчик (инвестор) вкладывает денежные средства и не принимает при этом участия непосредственно в торговле или производстве товаров, но получает от такого вложения свою часть доходов (дивиденды) [10, с. 209].

Конечно, назвать деятельность такого рода организаций международным инвестированием можно лишь с определенной долей условности, однако, нельзя отрицать, что для освоения колониальных приобретений и новых территориальных пространств указанных государств потребовалась и концентрация внутренних финансовых ресурсов, и формирование определенных организационных и правовых усилий и действий. Так, для защиты указанной деятельности правители перечисленных стран (1) выдавали официальные разрешения на монопольную торговлю, а также устанавливали льготы при уплате государственных налогов и сборов; (2) совершенствовали правовое регулирование деятельности этих компаний, в том числе выстраивали систему препятствий от проникновения в колонии иностранных конкурентов; (3) создавали сеть торговых фтортов (крепостей) и военный флот для охраны морских коммуникаций и т. п.

Развитие торговых отношений в совокупности с процессом освоения северо-восточных земель, а затем и Сибири, и юга России, совершались и на территории нашего отечества начиная с X–XII веков. Вполне естественно, что такая деятельность требовала развитых отношений по финансированию и кредитованию, включая и элементы инвестирования. Профессор А. И. Каминка, указывая на поразительную бедность официальным норм в этой области, между тем, замечает, что положения Русской Правды доказывают широкую практику кредитных сделок. И хотя конкретных организационно-правовых форм юридических лиц на территории России, в отличие от европейских торговых гильдий и морских (горных) товариществ, тогда не сложилось «артельный способ деятельности представляется, казалось бы, специфически русским способом» [6, с. 106-107] осуществления хозяйственных отношений. Несколько купцов соединяли свои капиталы, к ним присоединялись другие, победнее, а ведение торговых оборотов поручалось более способным торговцам. В них, как правило, тайно, принимали участие и служивые люди, которым было воспрещено занятие торговлей. Ученый отмечает явную аналогию указанных объединений с западноевропейскими формами товариществ. Г. Ф. Шершеневич разделяет артели на два вида, во-первых, на те, где личный труд является единственным вкладом в такую организацию (артели рыболовов, звероловов, крючников, плотников и т. п.); и, во-вторых, на объединения, рассчитанные на достаточно продолжительную деятельность. Состав их участников мог доходить до нескольких сотен, а в качестве вклада в деятельность использовался и личный труд, и денежная или иная имущественная инвестиция. К ним автор относил, производительные, слесарные, биржевые, старательные (дрягильные), купорные артели. Более того, он так же, как и А. И. Каминка, подтверждал отсутствие долгое время официального правового регулирования этой сферы и применение к деятельности этих объединений обычая [12, с. 283].

Первоначально и фрагментарно такого рода регламентация появилась только в Соборном уложении 1649 года («Уложение царя Алексея Михайловича»), в ст. 276 главы X, где была установлена ответственность товарища перед другими участниками артели за утрату

общих денежных средств или товара. Знаковым нормативом, который устанавливал основы правового статуса для отечественных и иностранных купцов на территории России был Новоторговый устав от 22 апреля 1667 года. В этом акте явно видна протекционистская фискальная политика Российского государства по отношению к своему торговому сословию и капиталу [1, с. 110]. Однако, полноценное правовое регулирования деятельности артелей в досоветский период развития России нашло свое отражение, только начиная с 1799 года в Цеховом уставе, а позднее в законах от 11.06.1886 года, от 01.06.1902 года, от 07.06.1904 года и 16.06.1906 года [12, с. 283].

В период Реформ Петра I было предпринято несколько попыток использовать зарубежный опыт концентрации капитала и инвестирования его в определенные государством сферы. Так, 27 октября 1699 года был принят Указ, в котором купцам предписывалось организовывать, как и в других государствах, торговые компании, однако практического отклика у отечественных предпринимателей этот нормативный акт не имел. Последующие аналогичные усилия царской власти в Указах от 27 октября 1706 года и 02 марта 1711 года придать отечественной торговли европейский вид также были безуспешными. Даже после появления конкретного проекта компании для торговли с Китаем, составленного шведским инженером Л. Ланга в 1739 году, и при активной поддержке этого предприятия со стороны Российского Сената, желающих участвовать в нем так и не нашлось. Тот же результат, при явной выгоде будущей деятельности, повторился в 1740 и 1741 годах. Только через 16 лет в 1757 году, когда была создана Российская Константинопольская компания, а затем в 1758 Компания Персидского торгового дела зарубежный опыт объединения капиталов и усилий стал реализовываться на территории Российской империи. Полное и наиболее успешное его применение было осуществлено при создании и деятельности Российско-Американской компании (1799–1888 годы деятельности) [7, с. 357].

Собственно, история международного сотрудничества России с другими государствами, в том числе торгового характера, начинается с нескольких договоров с Византией в течение X–XI веков. Историки называют пять таких соглашений 907, 911, 944, 971, 1043 годов, их содержание носило больше публично-правовой характер, но, что было значимо для развития коммерческой деятельности, они взаимно закрепляли правовой статус купцов – российских на территории Византии, а византийских на территории Древней Руси. Среди аналогичных актов международного характера, в которых коммерческая и от части инвестиционная составляющая проявлялась ярче, чем в договорах X–XI веков, можно отметить соглашения Древнего Новгорода с Ганзейским союзом 1191–1192 гг., 1259–1260 гг., 1391–1392 гг. (т.н. «Нибуиров мир»), а также договор Московского государства с Ганзой 1487 года. В последующем вплоть до XVIII века подобных международных соглашений Российское государство не заключало, более того, профессор В. А. Уляницкий отмечает, что «... не было активной внешней торговли» [5, с. 302]. Политика отечественных правителей была направлена

лишь на привлечение иностранной торговли на территорию нашего отечества посредством предоставления иноземным негоциантам привилегий в торговле. Так, в первой половине XVI века особенно активно развивались отношения с купцами из Англии, которые первоначально прибыли в Архангельск, а затем в Москву. Им было предоставлено право вести беспошлинную торговлю на всей территории России, учреждать свои коммерческие конторы и товарные склады, споры между русскими и англичанами разрешались на уровне самого царя. В последующем аналогичные преференции предоставлялись купцам из других стран.

Лишь только в 1734 году между Российской империей и Великобританией был подписан полноценный торговый трактат, в котором провозглашался принцип свободной торговли и судоходства для подданных этих государств и на подконтрольных им территориях. Стороны хорошо осознавали необходимость комплексного решения правового статуса своих коммерсантов на взаимных территориях, поэтому они устанавливали для них сочетание режима наибольшего благоприятствования и национального режима. Англичанам было обеспечено право ввоза всяких товаров в Россию, а русским право вывоза из России растущих или деланных товаров в Англию. В уплате таможенных пошлин подданным Великобритании предоставлялся национальный режим, и они приравнивались к российским гражданам. Более того, англичанам предоставлялось право транзитной торговли с Персией. В 1766 году, при царствовании Екатерины II, отдельные невыгодные для России условия рассматриваемого договора были пересмотрены. Соглашение с подобными условиями и с учетом уже имевшегося опыта было заключено в 1785 году с Австрией [5, с. 303-304].

Оценивая указанные выше договоры, необходимо отметить, что инвестиционной составляющей в них было не очень много, тем не менее, допускалось: (1) взаимное, пусть и не значительное проникновение иностранного капитала, на свои территории; (2) устанавливались и нормативно совершенствовались принципы международного сотрудничества, такие как свобода торговли и мореплавания (судоходства), взаимности и равенства прав подданных на иностранных территориях пребывания, недискриминации, национального режима (за исключением отдельных изъятий) и наибольшего благоприятствования нации.

Отмена в России крепостного права в 1861 году и финансовая реформа 1863 года отразились в России и на изменении инвестиционного климата для иностранцев. Так, в том же 1863 году был принят Указ «О предоставлении Французским акционерным (анонимным) обществам и другим, учрежденным во Франции, товариществам права пользоваться в России всеми правами, сообразуясь с Русскими законами» [2, с. 282-283]. Некоторые исследователи отмечают, что этот акт, по сути, был двухсторонним соглашением между Россией и Францией [9, с. 108]. Оно предусматривало, что иностранные физические и юридические лица в праве учреждать акционерные общества, для его государственной регистрации на территории Российской империи заявителю необходимо было представить устав общества; а также отчеты участников (акционеров) о их деятельности за предшествующие финансовые периоды.

В последующие годы нормы права, регламентирующие деятельность иностранных инвесторов, приобрели более системный и последовательный характер, поскольку были введены правила, направленные и на защиту национального капитала, и на обеспечение экономической безопасности государства в целом. Во-первых, вводился специальный разрешительный порядок осуществления иностранных инвестиций. Это проявлялось и в том, что определялась территория, на которой могли быть осуществлены иностранные вложения; и в том, что ограничивалась возможность приобретения недвижимого имущества со стороны такого рода организаций; и в том, что правительство могло в одностороннем порядке отозвать допуск к инвестиционной деятельности в России. Во-вторых, прежде чем начать свою деятельность на территории России иностранные юридические лица были обязаны представлять, подобие обеспечения уплаты судебных расходов (*cautio judicatum solvi*), а именно специальный обеспечительный платеж (залог) в Государственный банк Российской империи. Такой мерой отечественное правительство пыталось обезопасить российских предпринимателей от недобросовестности зарубежных партнеров. В-третьих, в силу законодательства Российской Империи об акционерных обществах в подобных иностранных компаниях на территории России вводилась специальная управленческая структура – «ответственного агентства». В его полномочия входили обязанности по опубликованию сведений о принятых собраниями акционеров решениях; и информации о деятельности таких обществ, в том числе и балансы по их операциям и т.п.

К концу XIX началу XX веков политика по защите национальных экономических интересов была продолжена, что видно из установленного в то время запрета для иностранцев производить разведку и добычу полезных ископаемых на территории Дальнего Востока. Тем не менее, снижение уровня иностранных инвестиций на европейской территории России вынудили царское правительство пойти на определенные послабления в этой части российского государства [8, с. 37].

Ситуация, когда отечественных финансовых ресурсов не хватало для развития собственной экономики, была характерна не только для Российской Империи. Поэтому постепенно складывается понимание, необходимости бережного и внимательного отношения к иностранному инвестору, как донору, подпитывающего активность хозяйственной жизни того или иного государства. Поэтому, среди ведущих западноевропейских стран, главным образом Великобританией, а также в США, в XIX в. стали разрабатывать единообразные (унифицированные) международные стандарты и правила построения отношений с иностранными инвесторами. Стали формироваться принципы осуществления подобной деятельности. Выработанный еще древнеримской практикой принцип «*pacta sunt servanda*» («договоры должны соблюдаться») в аспекте договоренностей принимающего государства и иностранного инвестора приобрел несколько новое содержание, т. к. инвестиционные соглашения не только должны были надлежащим образом исполняться, но и сохранять свое действие

и в тех случаях, когда их выполнение было невыгодно стране-реципиенту инвестиций. Не допускалось безосновательное изъятие имущества иностранного инвестора, а если такие основания и находились, то они должны были быть указаны в нормах закона. Более того, такому лицу гарантировалось право получить незамедлительную, полную и действенную компенсацию за изъятую собственность [3, с. 17].

Первые межгосударственные инвестиционные договоры носили двусторонний характер, хотя возможны были и трансграничные соглашения смешанного характера в виде концессионных договоров частных иностранных инвесторов и конкретного государства, а также в виде выпуска облигаций и их размещения на иностранных финансовых рынках. Именно по этому пути пошла Российская империя, которая осуществила такого рода заимствование в период 1871–1874 годов на территории Западной Европы, главным образом во Франции и Великобритании. Правительство Китая поступило несколько иначе и заключило серию двусторонних договоров с такими государствами, как Великобритания (1842 г.), США (1844 г.), Франция (1844 г.), Россия (1858 г.), Германия (1861 г.), Австро-Венгрия (1869 г.) и Япония (1871 г.). Указанные соглашения устанавливали правовой статус иностранных инвесторов в угледобывающей отрасли и в железнодорожном строительстве. Отдельные соглашения предусматривали передачу в аренду другим странам китайских территорий. Так, Россия по подобному договору получила в аренду часть Ляодунского полуострова с правом строительства торгового и военного портов (Порт-Артур и порт Дальний); Маньчжурия была арендована Японией, а Гонконг Великобританией [4, с. 121-122].

Результаты. Таким образом, подводя итог проведенному исследованию, можно сделать следующие краткие выводы. Во-первых, первоначальные формы инвестирования и в Западной Европе, и в России были связаны с процессами освоения колониальных приобретений и новых территориальных пространств, что вызывало потребность концентрации внутренних финансовых ресурсов, и формирование определенных организационных и правовых усилий и действий. В Западной Европе в качестве основных организационно-правовых форм юридических лиц, реализующих инвестиционную деятельность, были акционерные общества, функционирование которых осуществлялось при активном участии государства, как в акционерном капитале, так и в плане официального правового регулирования. В России такие бизнес-процессы происходили посредством организации артелей, деятельность которых регулировалась на основе сложившихся норм обычая и при минимальном влиянии официальной власти. Попытки организации акционерных компаний со стороны российского государства вплоть до второй половины XVIII не имели успеха. Во-вторых, пересечение интересов торгового сословия России и самого государства с аналогичными субъектами из других государств стало основой для появления межгосударственных соглашений в рассматриваемой области, еще начиная с X–XI веков. В их содержании первоначально решали ограниченные вопросы взаимного допуска представителей купечества на свои территории и опре-

деление их правового статуса. Позднее подобные договоры формировали полноценные стандарты и правила построения отношений с иностранными предпринимателями в целом, а именно: устанавливались принципы взаимности, свободы торговли и судоходства; закреплялся национальный режим или режим наибольшего благоприятствования для иностранцев в принимающем государстве и др. В-третьих, для России при решении этих вопросов была характерна тенденция создания разрешительного порядка осуществления иностранных инвестиций и строгой защиты (протекционизма) отечественного рынка и предпринимателей. Любопытными и не потерявшими актуальность в настоящий момент правилами для осуществления инвестиционной деятельности иностранными лицами была обязанность внесения специального обеспечительного платежа (залога) в Государственный банк Российской империи для создания гарантий безопасности российских предпринимателей от недобросовестности зарубежных партнеров. Более того, для иностранных компаний на территории России вводилась специальная управленческая структура – «ответственного агентства», которое отслеживало деятельности таких обществ, в том числе и балансы по их операциям и т.п. Определенные элементы подобных правил, на наш взгляд, вполне бы могли бы появиться и в современном отечественном законодательстве, тем более на фоне необоснованных отказов значительной части иностранных инвесторов от исполнения своих обязательств в результате санкционных рестрикций со стороны их государств в отношении Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Варенцова, Л. Ю. Принцип системы права в «Новоторговом уставе», принятом в Российском государстве 22 апреля 1667 года // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 109-112.
2. Грацианский, И. И. Собрание ныне действующих торговых трактатов России с иностранными государствами. СПб.: Хромотит. и Тип. В. Грацианского, 1877. 285 с.
3. Доронина, Н. Г., Семилютин Н. Г. Государство и регулирование инвестиций. М.: Городец-издат, 2003. 270 с.
4. Ерохина, О. В. Правовое положение иностранных предпринимателей в России в 1870–1914 гг. // Вестник Российского университета Дружбы Народов. Серия: История России. 2008. № 2. С. 118-123.
5. Золотой фонд российской науки международного права. Т. III Международное право / В. Я. Уляницкий. М.: Международные отношения, 2021. 488 с.
6. Каминка, А. И. Очерки торгового права. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. 545 с.
7. Кашанина, Т. В. Хозяйственные товарищества и общества правовое регулирование внутрифирменной деятельности. Учебник для вузов. М.: Издательская группа ИНФРА·М – КОДЕКС, 1995. 543 с.

8. Кузнецова, Н. В., Матвеева, Т. П., Кузнецова, Н. А., Рябова, О. А. История становления правового регулирования инвестиционной деятельности с участием иностранных инвесторов в России // Право и практика. 2019. № 2. С. 35-40.
9. Смирнов, С. А. Правовое регулирование иностранного предпринимательства в России в XIX – начале XX вв. // Власть. 2010. № 4. С. 106-109.
10. Тарасов, И. Т. Учение об акционерных компаниях. М.: Статут, 2000. 665 с.
11. Фархутдинов, И. З. Международное инвестиционное право = International investment law : International investment law : теория и практика применения. М.: Волтерс Клувер, 2005. 404 с.
12. Шершеневич, Г. Ф. Курс торгового права. Т. I. Введение. Торговые деятели. М.: Статут, 2003. 478 с.
13. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М.: Спарк, 1995. 556 с.

REFERENCES

1. Varentsova, L. Iu. Printsip sistemy prava v Novotorgovom ustave, priniatom v Rossiiskom gosudarstve 22 apreliia 1667 goda [The principle of the legal system in the New Trade Charter, adopted in the Russian state on April 22, 1667]. Iuridicheskaiia tekhnika [Legal technology], 2020, no. 14, pp. 109-112.
2. Gratsianskii, I. I. Sobranie nyne deistvuiushchikh torgovykh traktatov Rossii s inostrannymi gosudarstvami [Collection of current trade tracts of Russia with foreign countries]. Saint Petersburg, Khromolit and V. Gratsianskogo Publ., 1877. 285 p.
3. Doronina, N. G., Semiliutina N. G. Gosudarstvo i regulirovanie investitsii [Government and investment regulation]. Moscow, Gorodets Publ., 2003. 270 p.
4. Erokhina, O. V. Pravovoe polozhenie inostrannykh predprinimatelei v Rossii v 1870–1914 gg. [The legal status of foreign entrepreneurs in Russia in 1870–1914]. Vestnik Rossiiskogo universiteta Druzhby Narodov. Serii: Istoriia Rossii [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: The History of Russia], 2008, no. 2, pp. 118-123.
5. Ulianitskii, V. Ia. Zolotoi fond rossiiskoi nauki mezhdunarodnogo prava. T. III Mezhdunarodnoe pravo [Golden Fund of the Russian Science of International Law. Vol. III International Law]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2021. 488 p.
6. Kaminka, A. I. Ocherki torgovogo prava [Essays on commercial law]. Moscow, Tsentr IurInfoR Publ., 2002. 545 p.
7. Kashanina, T. V. Khoziaistvennye tovarishchestva i obshchestva pravovoe regulirovanie vnutfirmennoi deiatelnosti. Uchebnik dlia vuzov [Business partnerships and societies legal regulation of intra-company activities. Textbook for universities]. Moscow, INFRA M – KODEKS Publ., 1995. 543 p.

8. Kuznetsova, N. V., Matveeva, T. P., Kuznetsova, N. A., Riabova, O. A. Istoriia stanovleniia pravovogo regulirovaniia investitsionnoi deiatelnosti s uchastiem inostrannykh investorov v Rossii [The history of the formation of legal regulation of investment activities involving foreign investors in Russia]. *Pravo i praktika* [Law and practice], 2019, no. 2, pp. 35-40.
9. Smirnov, S. A. Pravovoe regulirovanie inostrannogo predprinimatelstva v Rossii v XIX – nachale XX vv. [Legal regulation of foreign entrepreneurship in Russia in the 19th – early 20th centuries]. *Vlast* [Power], 2010, no. 4, pp. 106-109.
10. Tarasov, I. T. *Uchenie ob aktsionernykh kompaniiakh*. M.: Statut, 2000. 665 p.
11. Farkhutdinov, I. Z. Mezhdunarodnoe investitsionnoe pravo = International investment law : International investment law : teoriia i praktika primeneniia [International investment law = International investment law : International investment law : theory and practice of application]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2005. 404 p.
12. Shershenevich, G. F. *Kurs torgovogo prava. T. I. Vvedenie. Torgovye deiateli* [The course of commercial law. Vol. I. Introduction. Trade figures]. Moscow, Statut Publ., 2003. 478 p.
13. Shershenevich, G. F. *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava (po izdaniuu 1907 g.)* [Textbook of Russian Civil Law (based on the 1907 edition)]. Moscow, Spark Publ., 1995. 556 p.

Информация об авторе

Игорь Борисович Иловайский, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ул. им. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, dominno@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4210-9413>, SPIN-код: 2964-0093, AuthorID: 663351

Information about the Author

Igor B. Ilovaysky, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Volgograd Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400066 Volgograd, Russian Federation, domino@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4210-9413>, SPIN-code: 2964-0093, AuthorID: 663351

Для цитирования: Иловайский И. Б. Отдельные аспекты развития правового регулирования инвестиционной деятельности с участием иностранных лиц в России // Парадигмы управления, экономики и права. 2025. Т. 6, № 3 (17). С. 108-119. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2025_N3.pdf.

Сетевое издание

ПАРАДИГМЫ УПРАВЛЕНИЯ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА

Том 6 № 3(17) 2025

Дата выхода в свет:

30 сентября 2025 года

Периодичность выпуска 4 номера в год.

***Точка зрения редакции и членов редколлегии
не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей***

Перепечатка из СМИ (средство массовой информации)
«Парадигмы управления, экономики и права»
категорически запрещена без оформления договора
в соответствии с действующим законодательством РФ

Главный редактор *А. И. Бардаков*
Компьютерная верстка *Г. В. Подшиваловой*

Адрес редакции и издателя:
Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
400066, Волгоградская обл., г. Волгоград, ул. им. Гагарина, д. 8.
400078, Волгоградская обл., г. Волгоград, ул. Герцена, 10